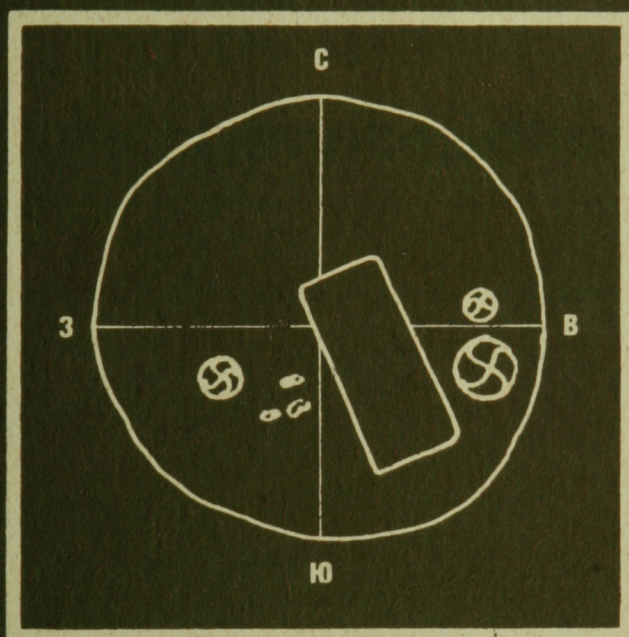

Л. М. Плетнева

**ТОМСКОЕ ПРИОБЬЕ
В ПОЗДНЕМ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ**

ТОМСКИЙ ОРДЕНА ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ
И ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ В. В. КУПЫШЕВА

Л. М. ПЛЕТНЕВА

ТОМСКОЕ ПРИОБЬЕ
В ПОЗДНЕМ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
(по археологическим источникам)

Под редакцией д-ра ист. наук Л. А. Чиндиной

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТОМСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Томск — 1990

Плетнева Л. М. Томское Приобье в позднем средневековье (по археологическим источникам). — Томск: Изд-во Том. ун-та, 1990. — 134 с. — 1 р. 80 к. — 500 экз. 0505000000.

Монография написана на основе археологических источников и вводит в научный оборот обширные новые материалы. В работе рассмотрены жилища, погребальный обряд, хозяйственные занятия. Уделено внимание влиянию русской культуры на культуру местного населения. Хронологические рамки работы XVI—XVII вв.

Для археологов, этнографов, историков, краеведов, преподавателей истории.

Рисунки подготовлены С. Бардиным и И. Рудковским.

Рецензент — канд. ист. наук Н. М. Зиняков

ISBN 5—7511—0397—1

П $\frac{0505000000}{177(012)—90}$ 13—88

© Л. М. Плетнева, 1990

ВВЕДЕНИЕ

Археологические источники являются единственными для воссоздания древней истории малых народов Западной Сибири, не имеющих своей письменности. Она не нашла отражения в письменных источниках других народов. Даже при наличии исторических, литературных, архитектурных, бытовых и других данных археологические материалы играют значительную роль в восстановлении достоверной истории, особенно по экономике, быту древних обществ, этногенезу народов [Рыбаков В. А., 1978, с. 6; 1980, с. 3]. Сибирским археологам приходится раскапывать объекты вплоть до XX в.

Исследованию памятников позднего средневековья сибирскими археологами уделялось мало внимания. Теперь, когда накоплены и обобщены значительные материалы по древним периодам, встала задача выполнить такую же работу по средневековью, особенно позднему, связующему звену между древней и живой историей. Не случайно в решении II западносибирского совещания археологов и антропологов (1972 г.) обращено внимание исследователей на этот пробел.

Среди памятников Западной Сибири, раскопанных в прежние годы, назовем городище Искер [Пигнатти В. Н., 1915], Вознесенское городище [Левашова В. П., 1928, 1950; Соболев В. И., 1978], несколько погребений в Ближних Елбанах II, IX, XI, XIV [Грязнов М. П., 1948].

Особое место в этом ряду занимают исследования лингвиста, археолога, этнографа А. П. Дульзона (1950, 1952, 1953, 1955, 1955а, 1957). Им проведены раскопки ряда памятников на р. Оби, Чулыме, дана интерпретация полученных материалов с привлечением широкого круга источников. В связи с разработкой проблемы происхождения чулымских тюрков он указывал на сходство в их культуре с томскими татарами — эуштинцами. Им же определена этническая принадлежность томских памятников (Тахтамышево, Чернильщиково, Тоянов Городок). А. П. Дульзон относил их к томским татарам (1953), что подтверждалось и историческими документами [Миллер Г. Ф., 1937, с. 411—412 и др.].

К монографическим исследованиям относится работа В. И. Молодина «Кыштовский могильник» (1979), в которой автором дается описание погребений, исследование инвентаря и этнокультурная принадлежность могильника.

Разработанная В. И. Молодиным типология инвентаря вполне пригодна для Западной Сибири в целом, чем воспользовалась автор в своей работе.

В последние годы исследование поздних памятников в Западной Сибири ведется более интенсивно, но результаты многих из них остаются пока неопубликованными, и информация о них ограничивается «Археологическими открытиями» [Зах В. А., Соболев В. И., Троицкая Т. Н., 1976; Морозов В. М., Нифонтов А. А., Пархимович С. Г., 1976; Мартынова Г. С., Коротаев А. М., Абсалямов М. Б., 1978 и др.] или небольшими статьями. Так, например, в Среднем Приобье у д. Тискино раскопан уникальный селькупский могильник XII—XX вв., содержащий 422 погребения. Пока по его материалам опубликованы только 4 статьи [Чиндина Л. А., 1975; Боброва А. И., 1980, 1982, 1984].

Томское Приобье является пограничным районом между зоной лесостепи и зоной тайги. В силу своего природного положения оно издавна было зоной контактов степного и таежного населения. Здесь складывались своеобразные культуры, носители которых сыграли значительную роль в формировании тюркоязычного этноса в этом районе. В позднем средневековье отмечены контакты местного населения с севера — с селькупами, с северо-востока — тюрками, с запада и юга — различными группами сибирских татар.

В задачу автора входило дать монографическое исследование накопленных по Томскому Приобью материалов позднего средневековья по таким разделам культуры, как жилище, погребальный обряд, инвентарь и хозяйственные занятия. Особое внимание автор уделил железоделательному производству. В конце XVI—начале XVII вв. началось освоение Сибири русскими. Влияние русской культуры нашло отражение в археологических памятниках, что также рассматривается в работе. Публикация и интерпретация материалов позднего средневековья даст возможность полнее представить материальную и духовную культуру населения, занимавшего эту территорию в XVI—XVII вв. Хронологические рамки работы XVI—XVII вв.

Археологическое изучение Томского Приобья, в том числе и памятников позднего средневековья, началось в 80-е гг. XIX в. с открытием Томского университета. Следует отметить работы С. К. Кузнецова — библиотекаря Томского университета. Им были проведены раскопки Тахтамышевского и Черныльщиковского курганных могильников, обследованы окрестности Томска и составлена первая карта памятников, куда вошли и уже упомянутые [Кузнецов С. К., 1890].

С этого же времени учеными Томского университета В. М. Флоринским и С. М. Чугуновым начали проводиться антропологические исследования, часть из которых была выполнена по материалам раскопок в Томском Приобье [Флоринский В. М., 1890; Чугунов С. М., 1894, 1901, 1902]. Привлекал внимание исследователей могильник Тоянов Городок, связанный с именем князя Тояна, который сам обратился к царю Борису Годунову принять его владения в русское подданство. По его просьбе был построен Томск [Миллер Г. Ф., 1937, т. I, с. 411—412]. Тоянов Городок исследовали и русские, и иностранные ученые [Дульзон А. П., 1956, с. 18—19]. В советское (1920, 1924 гг.) время его раскопки были проведены А. К. Ивановым, М. П. Грязновым [Грязнов М. П., 1976, Плетьева Л. М., 1976]. Это были первые профессиональные раскопки на территории края в советское время.

В 1925 г. в Томске открылся краеведческий музей. Сотрудники его развернули исследовательскую работу в разных направлениях. Археологические раскопки во второй половине 20-х г. проводил сотрудник Краеведческого музея И. М. Мягков. На территории Томского Приобья он раскапывал городище Шеломок [Дульзон А. П., 1956, с. 107] и Козюлинский курганный могильник [Дульзон А. П., 1956, с. 124—125]. Затем наступил значительный перерыв. Следующий этап в археологии Томского Приобья связан с именами К. Э. Гриневича, А. П. Дульзона, Г. В. Трухина, З. Я. Бояршиновой. Им в 1944 г. была организована сов-

местная комплексная экспедиция Томского университета и Томского педагогического института. В работе принимал участие антрополог С. Н. Розов. Экспедиция проработала три года, провела раскопки Басандайского городища и курганного могильника. Коллекции поступили в музей истории материальной культуры Томского университета, была сделана экспозиция, а материалы опубликованы [Басандайка 1947]. В 1946 г. Г. В. Трухин проводит раскопки на городище Шеломок, повторно — в 1959 г.

Начиная с 60-х гг. XX в. исследование памятников позднего средневековья идет более интенсивно. В. И. Матющенко проводит работы на городище Кижирова (1961 г.), на Могильницких поселениях I и II (1962 г.). Затем работы были продолжены Л. М. Плетневой. Ею исследовались городища Басандайка (1970 г.), Шелок (1975—76, 1981—82 гг.), Кижирова (1976—77, 1979 гг.), Могильницкое городище и Могильницкие поселения (1963 г.), городище Коларово (1978 г.), Коларовский и Козюлинский курганные могильники (1978, 1980—1983 гг.). Наиболее полно исследованы городища Кижирова, Шеломок, Коларовский и Козюлинский курганные могильники. Кроме того, ею обследованы городища Орловское, у б. церкви в с. Нагорный Иштын, 2-е городище в с. Нагорный Иштан, «Городок» у с. Козюлино и ряд других. Эти памятники подвергались разрушению и с них имеются только сборы.

По отдельным вопросам средневековой археологии Томского Приобья опубликован ряд материалов. Кроме уже названных следует упомянуть статьи автора монографии [Плетнева Л. М., 1963, 1976, 1977 б]. Все вышеперечисленные материалы явились источниковой базой для написания монографии.

При помощи историко-сравнительного метода автором велось сопоставление археологического материала позднего средневековья Томского Приобья с этнографическими по Западной Сибири.

С этой целью широко использовалась этнографическая литература. Здесь и источники общего теоретического характера и конкретные исследования по тому или иному народу или по отдельным вопросам его культуры. Это работы по истории жилищ и построек [З. П. Соколова, 1957, 1957а, 1960, 1963], по происхождению и этнографии селкупов [Пелих Г. И., 1972], по материальной и духовной культуре хаптов [Кулемзин В. М., Лукина Н. В., 1977; Кулемзин В. М., 1984, Лукина Н. В., 1985]. В работах Н. А. Томилова, посвященных сибирским и в их числе томским татарам, наряду с изучением современного населения и происходящих у него этнических процессов уделено внимание и этнической истории [Томилов Н. А., 1980, 1981, 1983].

Из исторических исследований в первую очередь необходимо назвать работы З. Я. Бояршиновой (1950, 1960 гг.). В них на основе использования археологических, этнографических, лингвистических и исторических источников дана характеристика местного населения до русской колонизации и освещен начальный этап освоения Сибири и, в частности, территории Томского Приобья. Изучение заселения русскими Среднего Приобья продолжено Н. Ф. Емельяновым (1980 г.). В его монографии «Население Среднего Приобья в феодальную эпоху» одна из глав отведена коренному населению [Емельянов Н. Ф., 1980, с. 21—95]. В ней рассмотрены этнический и численный состав населения, его занятия и взаимоотношения с русским населением.

Глава первая

ГОРОДИЩА И ПОСЕЛЕНИЯ. ПОСТРОЙКИ

§ 1. Характеристика памятников

Басандайское городище расположено в 7 км к югу от Томска на мысу правого берега р. Томи. С запада и востока городище защищено обрывом высокого берега, а с севера и юга — системой укреплений.

Раскопки памятника проводились в 1944—1946 гг. совместной экспедицией ТГПИ и ТГУ под руководством К. Э. Гриневича. Была раскопана значительная часть городища (рис. 1). В 1970 г. небольшие раскопки проведены Л. М. Плетневой, куда вошли северный и южный валы. Памятник многослойный, собранные материалы относятся к ирменскому времени, к V—III вв. до н. э., к I тыс. н. э., началу II тыс. н. э. и к XVI—XVII вв. Значительная часть материалов опубликована [Гриневич К. Э., 1947; Плетнева Л. М., 1970, 1973, 1973а, 1977].

Городище Кижирово расположено на мысу, образуемом р. Камышкой и протокой р. Томи, в 40 км к северу от Томска, в д. Кижирово (Томский район, Томская область) (рис. 2). Городище известно с 1938 г., когда оно было зафиксировано при разведывательных работах Н. А. Чернышева [Дульзон А. П., 1956, с. 123]. Памятник иссле-

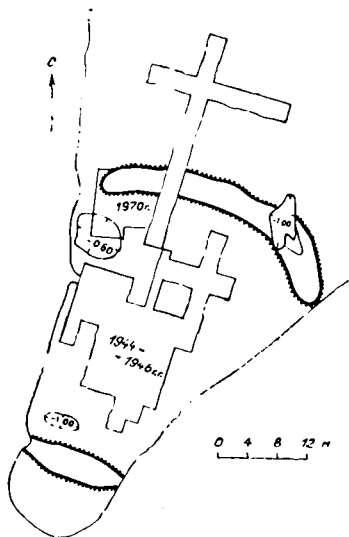

Рис. 1. Городище Басандайка.
Общий план и раскопы разных лет

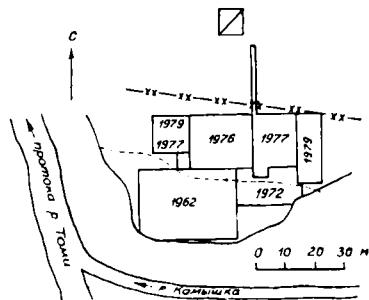

Рис. 2. Городище Кижирово.
Общий план и раскопы разных лет

довался в 1961 г. В. И. Матюшенко, в 1972, 1976, 1977 и 1979 г. Л. М. Плетневой. Памятник многослойный, имеются материалы V—III вв. до н. э., III в до н. э.—II в. н. э., конца I тыс. н. э.—нач. II тыс. и XVI—XVII вв. В первой половине XVIII в. образовалась д. Кижирово. Одна из улиц проходила по территории городища.

Раскопками обнаружен ров кулайского времени, хотя имеются сведения о том, что ров и вал были видны на поверхности.

В 1953 г. в устье р. Камышки был сооружен ковш для захода на ремонт маломерных судов. С этого времени городище начало интенсивно разрушаться. Береговая улица была перенесена, благодаря чему стали возможны раскопки памятника. Частые вспашки огородов уничтожили видимые объекты на поверхности городища. Большая часть городища раскопана, материалы частично опубликованы [Плетнева Л. М., 1973, 1975, 1977].

Городище у с. Козюлино расположено на левом берегу р. Томи, в 300 м восточнее могильника. Оно было укреплено рвом и валом [Дульзон А. П., 1956, с. 124]. Обследовано И. М. Мягковым и Л. М. Плетневой. Сейчас почти полностью разрушено. Сохранилась небольшая западина и небольшой участок рва. Имеются сборы керамики.

Городище Коралово расположено на мысу правого берега р. Томи, в 13 км к югу от Томска (Томский район, Томская область). Высота мыса 25—27 м. Городище со стороны поля защищено системой укреплений: валом и рвом [Дульзон А. П., 1956, с. 106]. На площади городища были расположены три западины. Размеры их 4×4,5 м. За линией укреплений выявлены еще три западины, по размерам такие же, как внутри городища.

Городище обследовано в 1977 г. Л. М. Плетневой, В. А. Рябцевым, М. В. Шуньковым. В 1978 г. Л. М. Плетневой проведены раскопки трех жилищ, проложена траншея через вал и ров (рис. 3).

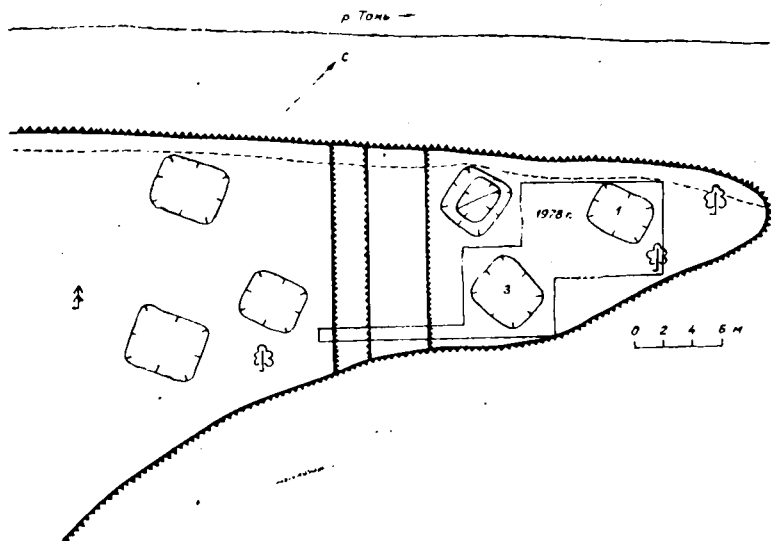

Рис. 3. Городище Коларово. Общий план и раскоп

Городище у церкви в с. Нагорный Иштан расположено на левом берегу р. Томи. Оно было окружено рвом [Дульзон А. П., 1956, с. 123]. В настоящее время разрушено оврагом. Обследовалось И. М. Мягковым, В. И. Матюшенко, Л. М. Плетневой. В музее Археологии и Этнографии Сибири имеется коллекция керамики.

Могильническое городище. Все могильнические поселения и

городище позднего средневековья расположены против д. Могильники (Кожевниковский район, Томской области) на правом берегу р. Тагана, впадающего в р. Обь на разных гривах, на которых растет сосновый лес. Памятники открыты В. И. Матюшенко в 1960 г. Исследования проведены в 1962 г. под руководством В. И. Матюшенко, в 1963 г. — Л. М. Плетневой.

Могильническое городище расположено на первой гриве, на которой находится и Могильническое поселение I. Оно удалено от берега реки и находится на самой высокой части гривы. С трех сторон городище окружено валом и рвом. Размеры городища 62×35 м. Вдоль вала внутри городища расположены 16 западин, причем центральная часть свободна от них. За валом прослежены еще 22 западины, 5 из них расположены с южной стороны городища, остальные — с западной. Раскопано 6 жилищ. Материалы частично опубликованы [Плетнева Л. М., 1976].

Могильническое поселение I расположено на той же гриве, что и городище против северного конца д. Могильники. На поверхности поселения видны углубления овальной формы диаметром 5—6 м. 6 западин расположены в северо-восточном направлении до озера, 10 — за озером. Раскопано четыре жилища. Материалы частично опубликованы [Плетнева Л. М., 1976].

Могильническое поселение II расположено в 500 м к югу от Могильнического поселения I. На поверхности видны углубления от жилищ и хозяйственных построек числом более 100. Они сосредоточены в три группы. Четкого порядка в их расположении не наблюдается. В 1962—1963 гг. раскопано 4 жилища и 1 производственный объект. Материалы частично опубликованы [Плетнева Л. М., 1976].

Могильническое поселение III расположено на той же гриве, что и Могильническое поселение II, северо-восточнее его на 100 м. На поверхности видны западины. В 1963 г. раскопано пять жилищ. Материалы частично опубликованы [Плетнева Л. М., 1976].

Орловское городище было расположено на правом берегу Томи в 2 км от д. Орловка. Оно имело размеры 130×40 м, было окружено рвом и валом [Дульзон А. П., 1956, с. 124]. При обследовании Л. М. Плетневой в 1972 г. установлено, что оно было разрушено при строительстве дороги в конце 60-х гг. С городища имеются сборы керамики.

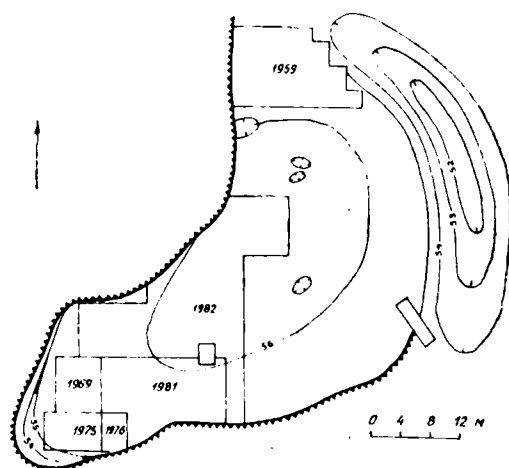

Рис. 4. Городище Шеломок.
Общий план и раскопы разных лет

Городище Шеломок расположено на плосковершинном останце террасы правого берега р. Томи, в 10 км к югу от Томска [Дульзон А. П., 1956, с. 107]. С севера и юга останец ограничен крутыми склонами сухих логов, с восточной стороны — седловиной между останцем и мысом террасы берега. На склоне этой седловины был выкопан ров и сделан вал. Размер городища 70 м в длину, 40 м в ширину (рис. 4). Памятник исследовался в 1928 г. И. М. Мягковым, в 1946 и 1959 гг. — Г. В. Трухиным, в 1969 г. — М. Ф. Косаревым, в 1975—

76 гг. и в 1981—82 гг. — Л. М. Плетневой. При исследовании городища было установлено, что памятник многослойный, стратиграфически слои не выделяются. На нем есть материалы ирменского времени, V—III в до н. э., I тыс. н. э. и XVI—XVII вв. На поверхности городища видны западины от котлованов жилищ и хозяйственных построек, современные ямы. Материалы частично опубликованы [Плетнева Л. М., 1977; Малолетко А. М., Плетнева Л. М., 1977, 1980; Малолетко А. М. и др., 1983].

Местоположение и планировка памятников. Руководствуясь целесообразностью, поселения и городища располагались, как и во всей лесной зоне, на мысах, образуемых большими и малыми реками (городище Кижирова, Басандайка), использовались холмы, выходящие одной стороной к реке и окруженные с других сторон оврагом (городище Коларово, Шеломок) и, наконец, городища располагались на высоких гривах и имели кольцевой характер (Могильницкое городище). Поселения находятся также в удобных местах, на гривах, чтобы не заливало во время половодья (Могильницкие поселения I, II, III).

Исследователи различают несколько видов застройки на определенной территории: рядовую, уличную, кучевую. Застройка площади городищ и поселений производилась в первую очередь с учетом рельефа местности. Так, на городищах Коларово и Шеломок постройки располагались по периметру их, причем на городище Шеломок с южной стороны, наиболее открытой и где дуют постоянные ветры, как показала магниторазведка и раскопки, выявлены производственные объекты, в частности, плавильные печи. Сооружение их в этом месте давало возможность использовать естественный поддув воздуха.

На Могильницком городище постройки располагались также по его периметру, причем в центре, по визуальным наблюдениям, жилых построек не было. На городище Кижирова с определенной долей вероятности можно говорить о рядовой планировке.

На поселениях Могильницкое II и III в зависимости от рельефа местности использовалась кучевая и рядовая застройка. На поселении за Могильницким городищем видимые западины расположены в 3 ряда, хотя ряды нечетные.

При любом виде застройки объекты возводились с определенной ориентацией. Видимо, ориентация жилищ была связана с представлениями населения о связи жилища с внешним миром, со сторонами света, с пространственно-временной ориентацией, что лежало в основе поведения человека [Байбурин А. К., 1983, с. 127].

На примере памятников Томского Приобья позднего средневековья отмечено, что постройки имели три вида ориентации: стенами по сторонам света, углами по сторонам света и ориентация стен с отклонением от линии СЮ на 30—45°.

Исследование системы укреплений

Басандайское городище I имело вал и ров с северной стороны и вал с южной стороны. Укрепления раскапывались дважды — в 1944—46 гг. и в 1970 г. (рис. 1). Северный вал — наиболее мощное укрепление. Было установлено, что вал насыпался дважды: в первый раз при его сооружении были положены в основание срубленные березы, на них пласт из культурного слоя бывших поселений мощностью до 55—60 см, сверху слой песка (из рва) мощностью до 60 см. На песок были уложены кое-где по поверхности вала крупные камни, видимо, для его укрепления. Размер их 30×40, 25×30 см. Затем по прошествии какого-то времени вал был насыпан вторично: по разрезу прослежена прослойка темной гумусированной земли — это образовавшийся (?) гумус и культурный слой, как и в первом случае. Мощность этой прослойки до 30—35 см. Сверху зафиксирован слой песка до 50—55 см (видимо, за счет углубления рва). Поверх этого слоя идет гумус мощностью 15—

20 см. Общая высота вала после второй подсыпки равна 1,6—2 м.

Время сооружения вала устанавливается по находкам под валом на поверхности культурного слоя керамики X—XII вв. Поскольку следующий этап функционирования памятника XVI—XVII вв., то и сооружение вала относится к этому времени.

Южный вал очень невелик по размерам: в длину 13,5 м, в ширину 2,6—2,7 м (по разрезу), в настоящее время до 3,4 м, высотой до 1,2—1,3 м (по разрезу). Насыпан он из культурного слоя, в котором встречалась керамика как ранняя — кулайского времени, так и конца I тыс. н. э. По-видимому, он был сооружен в один из периодов сооружения северного вала.

Коларовское городище. Линия укреплений — вал и ров пересекали мыс с юго-восточной части городища (рис. 3). Они были подвергнуты исследованиям в 1978 г. Визуально ров был длиной 16 м, шириной до 2,4 м, глубиной 0,3 м. Вал был длиной 14 м, шириной 4 м.

При раскопках установлено, что вал имел небольшую высоту. В настоящее время его высота от уровня современной дневной поверхности до погребенной почвы 0,6 м. Намыпан он из земли, взятой при сооружении рва. Впечатление грандиозного вала создается за счет повышения мыса от начала городища на 1 м. На эту высокую часть и был насыпан вал. Ров углублен от современного уровня на 60 см.

Могильницкое городище относится к типу круговых. Оно с трех сторон окружено валом и рвом. Раскоп через оборонительную систему был заложен в южной части одновременно с раскопками жилища 5. Ширина вала 4,5 м, высота его до 80 см, ширина рва (по разрезу) — 2,5 м, глубина от современной поверхности — до 80 см.

§ 2. Описание объектов на поселениях и городищах

Кижировское городище

Жилище 1 прямоугольной формы с двумя углублениями. Размер внешнего углубления 8×8 м, площадь 64 кв. м, внутреннего $3,3 \times 3$ м, площадь 9,9 кв. м. Глубина котлована в центральной части 40 см. Ориентировано жилище стенами по сторонам света. Очаг, сооруженный из глины, располагался в восточной части жилища, сильно разрушен. Мощность 30—50 см.

Жилище 2. Котлован прямоугольной формы с двумя углублениями. Размер внешнего углубления $4,8 \times 6$ м, площадь 28,8 кв. м. Размер внутреннего углубления $2 \times 3,8$ м, площадь 7,6 кв. м, общая глубина котлована 40 см.

Ориентировано жилище углами по сторонам света. В южной части жилища располагался очаг, сооружен был из глины, но сильно разрушен. Вдоль северо-восточной стороны, между внутренним и внешним углублениями располагались нары. У этой же стены котлован был укреплен бревном. В северо-западной части имеются две ямы размером $0,6 \times 0,5$ м; диаметр 60 см, глубина 15—18 см.

Жилище 4. Котлован прямоугольной формы. Размер $6,4 \times 6,8$ м, площадь 43,5 кв. м. Ориентировано углами по частям света. Очаг располагался в юго-восточной части жилища, размер $140 \times 120 \times 30$ см. С западной и восточной сторон очага лежало по одному большому камню. Стены котлована огорожены плахами, поставленными на ребро. Вдоль южной стены выявлены остатки трех опорных столбов, диаметр их 12, 15, 15 см. Против столба в центре стены прослежено обгоревшее бревно длиной 2,15 м, диаметром 15—17 см. Это, по-видимому, часть балки, поддерживающей крышу. Сохранились фрагменты пере-

крытия крыши (больше их в западной половине, значительно меньше в восточной). Это части плах шириной до 25 см, есть фрагменты жердей. В жилище найдена керамика.

Жилище 7 (рис. 5) прямоугольной формы с двумя углублениями. Размер внешнего углубления $5,2 \times 6,1$ м, площадь 31,7 кв. м, глубина 0,2—0,25 м. Второе углубление расположено в южной части. Его размер $2,6 \times 2,7$ м, площадь 7 кв. м, оно углублено от уровня первого углубления на 10—12 см (на ширину плахи). В северо-западном углу второго углубления прослежены плашки, поставленные на ребро — крепление центральной части жилища. Очаг располагался в южной части центрального котлована. Размер его $1,6 \times 1,2$ м. Сделан он был из глины, смешанной с соломой, что видно по излому кусков обмазки. В верхней

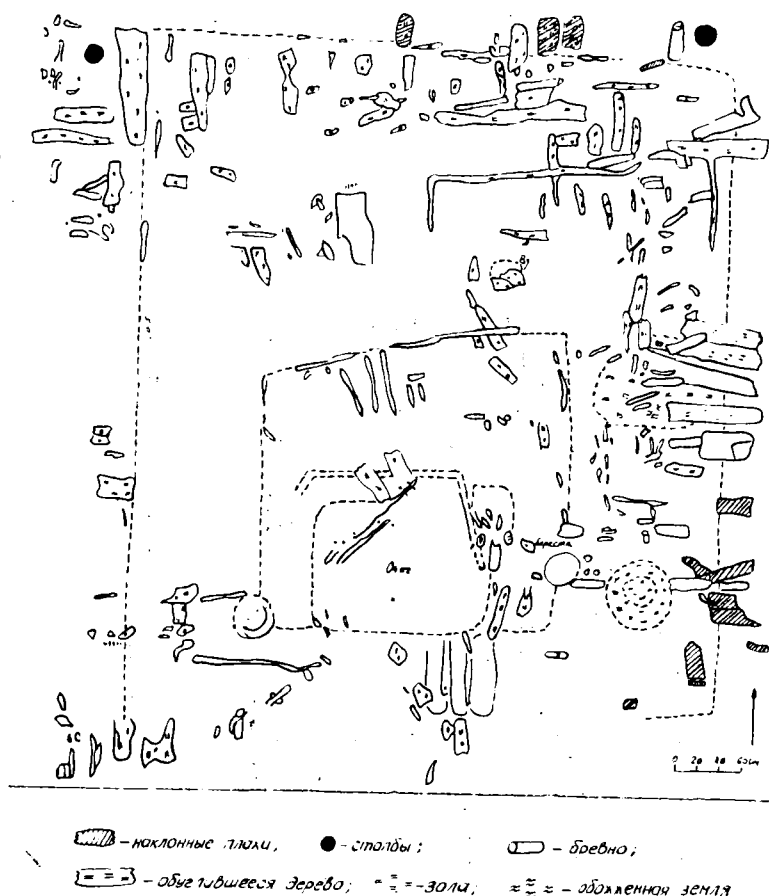

Рис. 5. Городище Кижирово. План жилища 7

части разрушен. Толщина обмазки в ненарушенной части очага 9—10 см. В камере очага плотный слой золы мощностью 9 см, поверх золы лежали фрагменты сосуда. При разборке очага найден сломанный железный нож. Очаг укреплялся деревянной рамой, которая закреплялась колышками диаметром 3—7 см с обеих сторон доски. Прослежено двухразовое укрепление очага досками, то есть очаг перестраивался. К востоку на 45 см от большого очага выявлен небольшой очаг открытого типа размером $0,58 \times 0,3$ м, мощностью 4—8 см.

Жилище 7 дает наиболее целостную картину для реконструкции благодаря сохранности остатков от деревянной конструкции. По углам

за пределами котлована стояли столбы. Часть столба высотой 0,2 м, диаметром 0,25 м сохранилась в северо-восточном углу жилища, а в северо-западном углу зафиксирована яма от столба диаметром 13 см. В северо-восточной части жилища прослеживается часть рамы (?). Из раму, видимо, были положены продольные слеги. Прослежено их три. Крыша покрывалась берестой (остатки ее найдены), которая закреплялась жердями. Стены состояли из поставленных под углом в 30—45° плах, один конец которых опирался на землю за пределами котлована (плахи отстоят от края котлована на 0,5—0,7 м). Хорошо сохранились плахи у северной и восточной стен котлована. Вход четко не прослежен, предположительно он был с западной стороны. В жилище найдены: железная скоба (рис. 6—5), железный нож (рис. 6—9), обломок

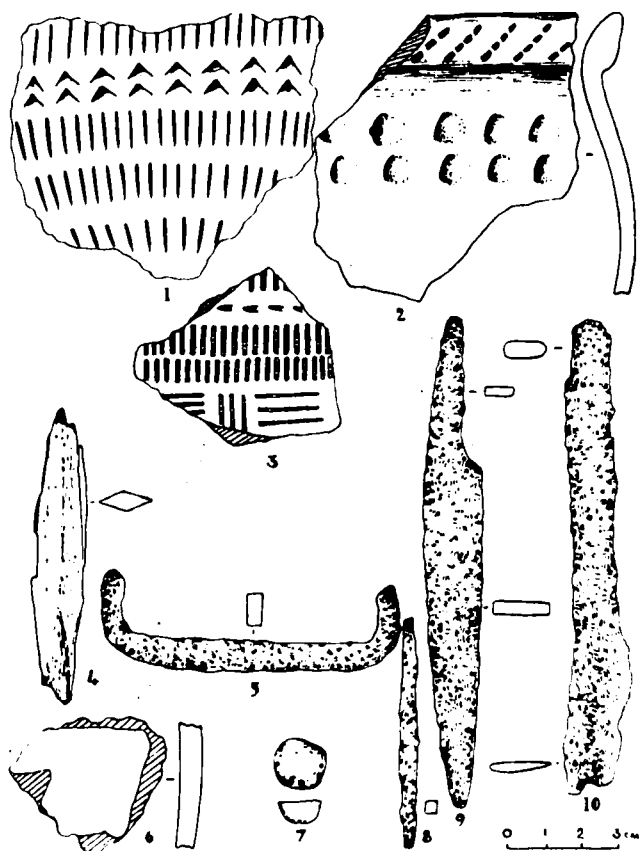

Рис. 6. Городище Кижирово. Керамика и предметы из жилища 7

железного ножа (рис. 6—10), костяной наконечник стрелы (рис. 6—4), железное острие (рис. 6—8) и керамика (рис. 6—1—3).

Коларовское городище

Жилище I расположено на самом мысу городища. До раскопок прослеживалось в виде западины овальной формы размером 3,7×4 м. После расчистки жилище имело прямоугольную форму размером 2,2×3,4 м, площадь 7,5 кв. м, глубина котлована от уровня древней дневной поверхности 25—35 см. Ориентировано жилище углами по сторонам света. Пол в жилище земляной, ровный. В северной части располагался очаг, сделанный из глины, толщина стен 8—10 см. В очаге

находилось несколько камней, положенных, видимо, специально для удержания тепла. В очаге был разбитый сосуд. В жилище найдена керамика.

Жилище 2 расположено южнее жилища 1. На поверхности не прослеживалось, выявлено в процессе раскопок. Форма прямоугольная. Размеры жилища $2,4 \times 2,3$ м, площадь 5,5 кв. м, глубина котлована 20 см. Пол земляной, толщина его 3 см. В южной части располагался очаг, сделанный из глины, толщина обмазки 4—5 см. В северной части жилища сохранились угли от сгоревшего дерева и часть плахи. В жилище найдены бронзовый перстень и керамика.

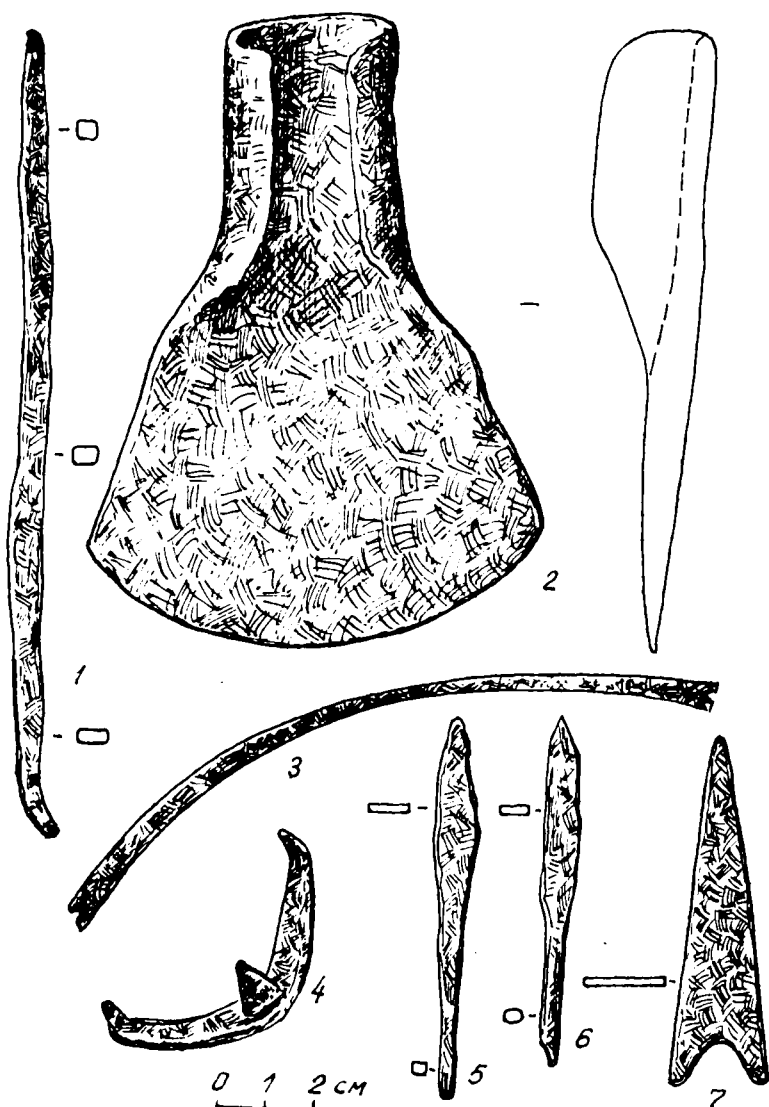

Рис. 7. Городище Кижирово. Железные предметы

Жилище 3 расположено юго-восточнее жилища 2. На поверхности оно прослеживалось в виде прямоугольной западины размером $3,8 \times 4,2$ м. Жилище прямоугольной формы размером $4,2 \times 3,4$ м, площадь 14,3 кв. м, глубина котлована 30—35 см. Стены жилища ориентированы по сторонам света. В жилище были два очага, один распола-

Гался в центре; это печь с толщиной обмазки 5—7 см. Размер печи 45×50 см. Второй очаг расположен в западном углу жилища, размер 50×63 см, толщина стенок 5—6 см. Пол в жилище земляной.

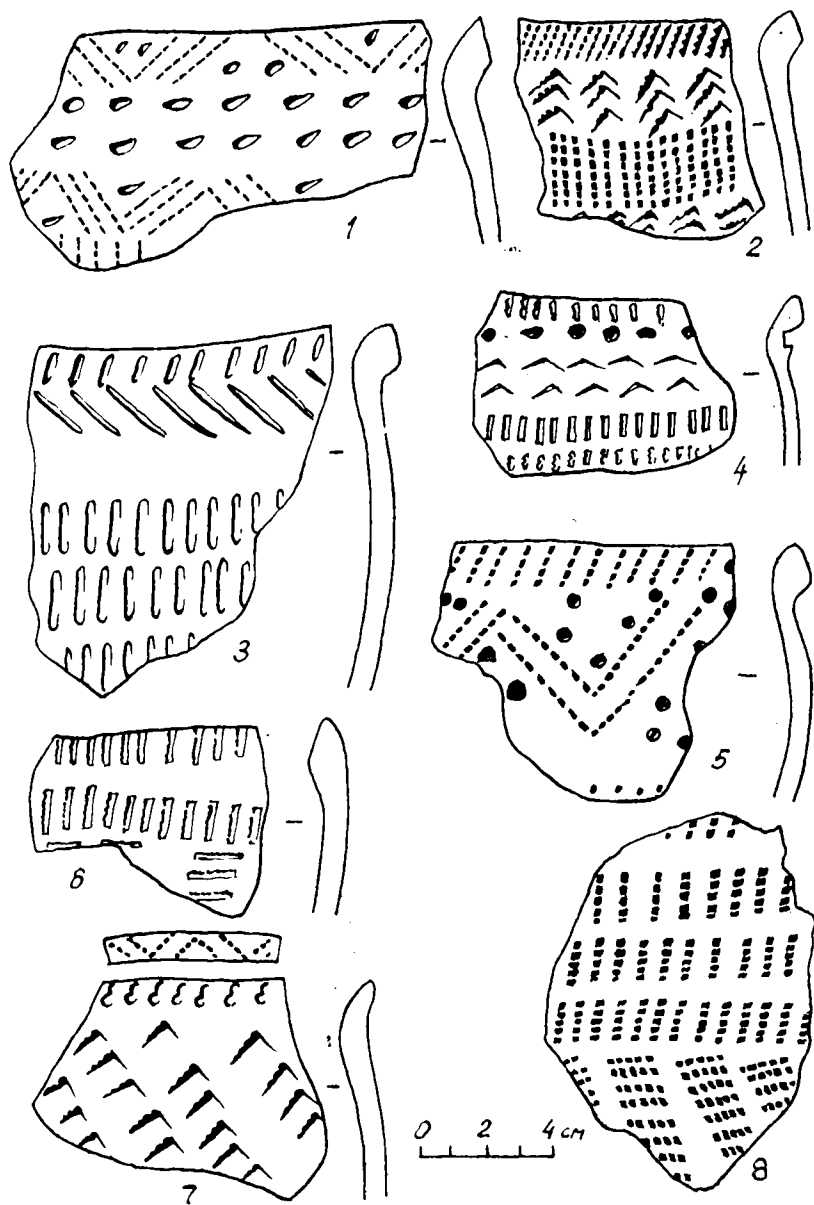

Рис. 8. Городище Кижирово. Керамика

В жилище найдена железная мотыжка и керамика (рис. 9, 10). От деревянной конструкции в центре, у северной, южной и особенно восточной стен сохранились остатки сгоревшего дерева — жерди, плахи.

Могильницкое городище

Жилище 3 прямоугольной формы, размером 4×4,4 м, площадью 17,6 кв. м, глубина котлована 40 см. Ориентировано жилище стенами с отклонением от линии СЮ в 30°. Очаг располагался в юго-восточной части жилища, он сильно разрушен, сделан был из глины. За очагом,

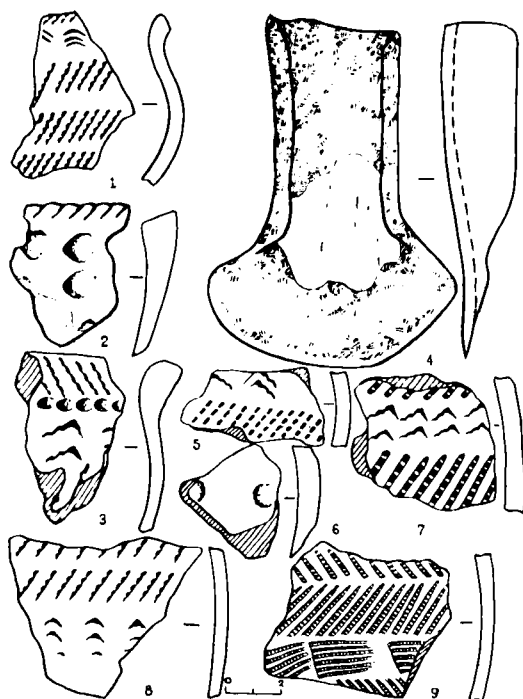

Рис. 9. Городище Коларово.
Керамика и мотыжка из жилища 3

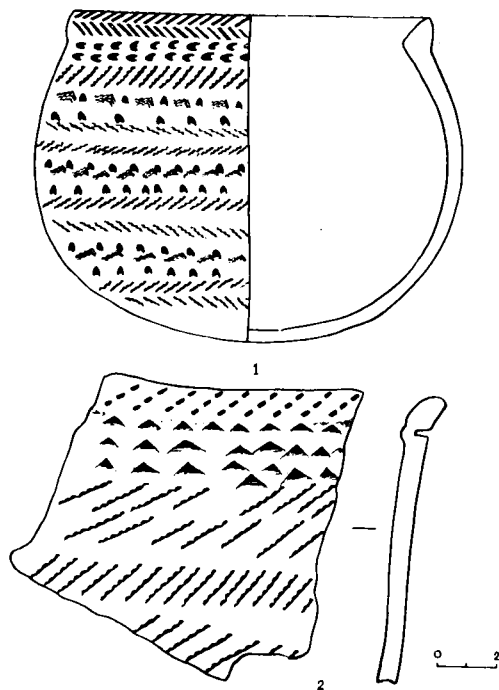

Рис. 10. Городище Коларово. Керамика из
жилища 3

особенно с южной стороны, найдено большое скопление костей животных. В южном углу котлована выявлена яма от столба, диаметр ее 35 см, глубина 30 см, заполнена древесными остатками и углями. Рядом с ямой — часть тонкого бревна. Больше остатков от наземной конструкции сохранилось в западной части жилища. Это сильно сгоревшие жерди и нетолстые бревна, возможно, некоторые колотые, направлены к центру (рис. 11).

В жилище найдены: бронзовая пластинка, костяной наконечник стрелы (рис. 12—2), две костяные проколки (рис. 12—10—11), костяная лопаточка в форме ложки (рис. 12—9) и керамика.

Жилище 4 прямоугольной формы с двумя углублениями. Размер внешнего $5,4 \times 4,6$ м, площадь 24,8 кв. м, глубина котлована 25—30 см, размер центрального углубления $2,4 \times 4$ м, площадь 9,6 кв. м, глубина от уровня внешнего углубления 25—30 см. Ориентировано жилище стенами с отклонением от линии СЮ на 30° . Очаг располагался в западной части центрального углубления. Его размер $1,5 \times 0,5$ —1 м. Он был двухкамерный, сделан из глины, вытянут с С на Ю. Диаметр камеры в северной части очага 40 см, в южной — 30 см (сохранилась только нижняя часть камеры). Толщина стенок очага 15—17 см. Пол в центральном углублении — прослойка очень плотной земли толщиной 3—7 см. Внутри котлована жилища выявлено 5 ям. Размеры и наполнение не позволяют отнести их к столбовым. Две ямы были за пределами котлована жилища. В жилище найдены: два железных ножа, черешковый

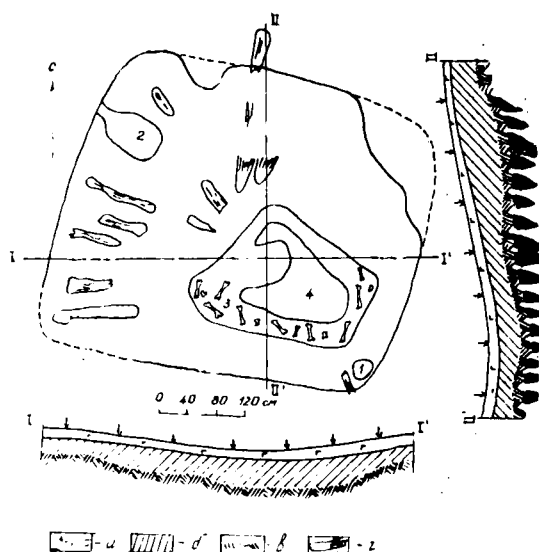

Рис. 11. Могильническое городище.

План жилища 3.

1 — яма от столба; 2 — углубление; 3 — скопление костей возле очага; 4 — очаг.
а — гумус, б — заполнение жилища (культурный слой), в — материк, г — обгорелые плахи, жерди

костяной наконечник стрелы, кочедык (рис. 12—4) и керамика.

Жилище 5 прямоугольной формы с двумя углублениями. Размер внешнего углубления $5 \times 5,8$ м, площадь 19 кв. м, глубина котлована 20—25 см. Размер внутреннего углубления 2×3 м, площадь 6 кв. м, глубина котлована 20 см. Ориентировано жилище углами по частям света. В юго-западном углу центрального углубления располагался очаг. Он был сделан из глины, имел под, но к моменту раскопок был сильно разрушен. Размер его $1,2 \times 0,6$ м. Пол в центральном углублении земляной, толщина прослойки 7—8 см. Южнее очага яма диаметром 20 см, глубиной 60 см, возможно, от столба. В жилище найдены железный наконечник стрелы, два железных ост-

рия, костяное шило, несколько костей со следами рубки и керамика.

Жилище 33 прямоугольной формы с двумя углублениями. Размер внешнего углубления $4,8 \times 4,9$ м, глубина котлована 15—20 см. Размер центрального углубления $1,85 \times 1,15$ м, глубина котлована 15—20 см. Ориентировано жилище углами по сторонам света.

Очаг располагался на полу центрального углубления, примыкая к средней части северо-западной стены. Очаг открытого типа, его размер $1 \times 0,8$ м, мощность 30 см. В жилище найдены кусочки шлака около очага, фрагменты керамики, каменное точило и кости животных.

Жилище 35 прямоугольной формы размером $2,6 \times 3,2$ м, площадью 8,3 кв. м с глубиной котлована 35—40 см. Ориентировано жилище стенами по сторонам света. В северо-восточной части центрального углубления располагался очаг, сделанный из глины. Размер $1 \times 0,8$ м, высота сохранившейся части 23 см. С западной стороны к очагу примыкала площадка из обожженной глины. Часть сохранившейся камеры заполнена золой. Толщина стенок до 14 см. Пол земляной. В юго-западной части жилища сохранились сгоревшие остатки стен. Колотые бревна лежат в юго-западном и юго-восточном направлениях. Ширина их 10—12 см. Котлован крепился плахами, поставленными на ребро. В жилище найдены костяное напрясло, заготовка из кости и керамика.

Жилище 39 прямоугольной формы размером $4,8 \times 4,6$ м, площадью 22 кв. м. Размер внутреннего углубления $1,6 \times 1,3$ м, глубина котлована 40 см. За жилищем прослежен земляной вал шириной 20—25 см, высотой 15—25 см. Ориентировано жилище углами по отношению к горизонту. К северо-восточной стене центрального углубления примыкал очаг размером $0,85 \times 0,9$ м. Высота сохранившейся части 22 см. Он был сделан из глины, но сильно разрушен. В жилище най-

дены точило из глинистого сланца, стерженек из обожженной глины (рис. 12—13) и керамика.

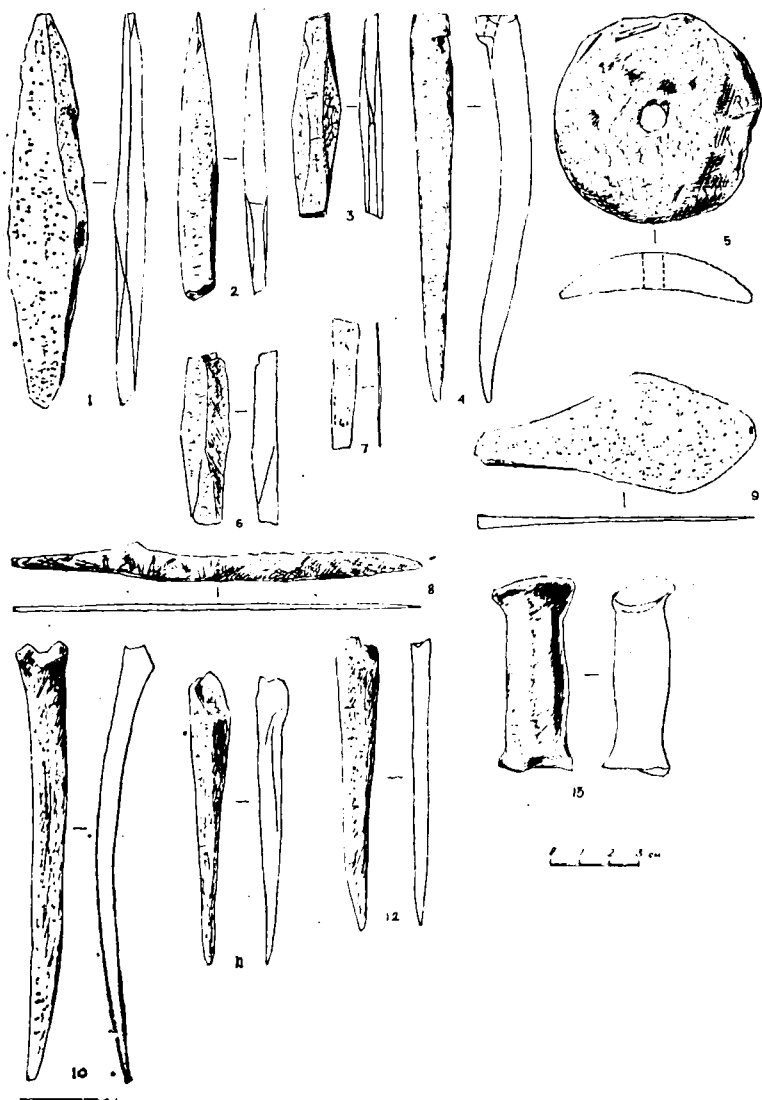

Рис. 12. Предметы из Могильницкого городища

Могильницкое поселение I

Отметим, что до раскопок западины на всех могильницких поселениях имели вид овальных углублений диаметром 5—7 м, глубиной 20—40 см. Поэтому при описании каждого объекта это будет опущено.

Жилище 1 имело прямоугольную форму размером $6 \times 5,5$ м, площадью 33 кв. м, глубина котлована 35—40 см. Ориентировано жилище стенами по отношению к горизонту. Очаг, сооруженный из глины, располагался почти в центре жилища. Его размер $1,2 \times 0,8$ м. В нем была керамика. В жилище найдены: железная пряжка с длинным язычком, два железных стержня, костяная проколка и керамика.

Жилище 8 прямоугольной формы размером $3,6 \times 2,8$ м, площадью 10 кв. м, глубина котлована 40 см. Ориентировано углами к сторонам горизонта. Очаг располагался в северо-восточной части жилища.

Его размер $1,5 \times 0,45$ м, высота сохранившейся части 37 см. Отверстие в камеру имело диаметр 30 см, диаметр камеры 40 см. Внутри камеры обнаружен раздавленный сосуд. В этом жилище прослежен вход, расположенный в середине юго-западной стены. Ширина и длина входа 45 см. В жилище найдены три железных черешковых наконечника стрел и керамика (рис. 15—6,7).

Жилище 14 прямоугольной формы с двумя углублениями (рис. 13). Размер внешнего $3,4 \times 3,6$ м, площадью 12,2 кв. м, глубина

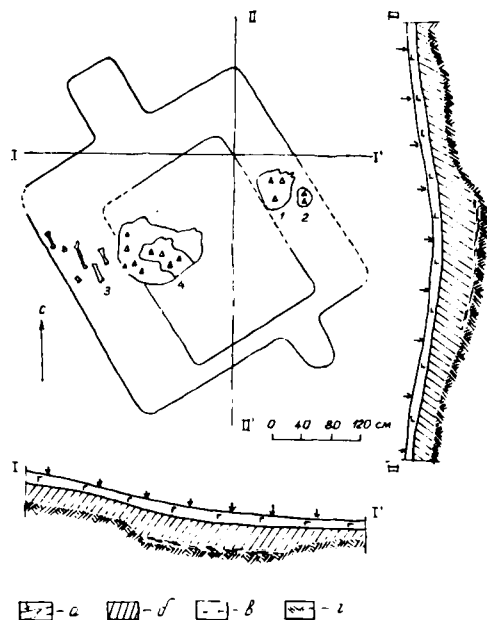

Рис. 13. Могильническое поселение 1.

План жилища 14.

1, 2 — скопления керамики; 3 — скопление костей животных; 4 — очаг и скопление керамики.

а — гумус, б — культурный слой, в — земляной пол, г — материк

20—25 см. Размер центрального углубления $2 \times 2,6$ м, площадь 5,2 кв. м, глубина от дневной поверхности 60 см. В северо-западной стене обнаружен вход длиной 90 см, шириной 70—75 см. Ориентация жилища углами по отношению к сторонам света. Направо от входа находился очаг из обожженной глины размером $0,8 \times 1,2$ м, высотой 40 см. Диаметр очажной камеры 50 см. В камере очага была керамика. В жилище найдены железный нож, железная пряжка, часть железного предмета, костяное шило, костяной наконечник стрелы и керамика (рис. 15—3—5).

Жилище 15 квадратной формы с двумя углублениями. Размер внешнего углубления $3,6 \times 3,3$ м, площадь 11,8 кв. м, глубина котлована 15—20 см. Размер внутреннего углубления 2×2 м, глубина котлована 50—55 см от дневной поверхности. Ориентировано жилище углами по отношению к сторонам света (рис. 14). Очаг располагался в северо-восточном углу жилища, его размер $1,3 \times 1,35$ м. Он сделан из глины, толщина стенок 8—12 см, имел две очажные камеры диаметром 40—45 см. В северо-западной стене был вход в жилище длиной 60 см, шириной 80 см. В жилище найдены: железный нож, железный и костяной наконечники стрел, костяная поделка, железное острие и керамика.

Могильницкое поселение II

Жилище 23 (рис. 16). Жилище прямоугольной формы с двумя углублениями. Размер внешнего $4,6 \times 5,3$ м, площадь 24,4 кв. м, глуби-

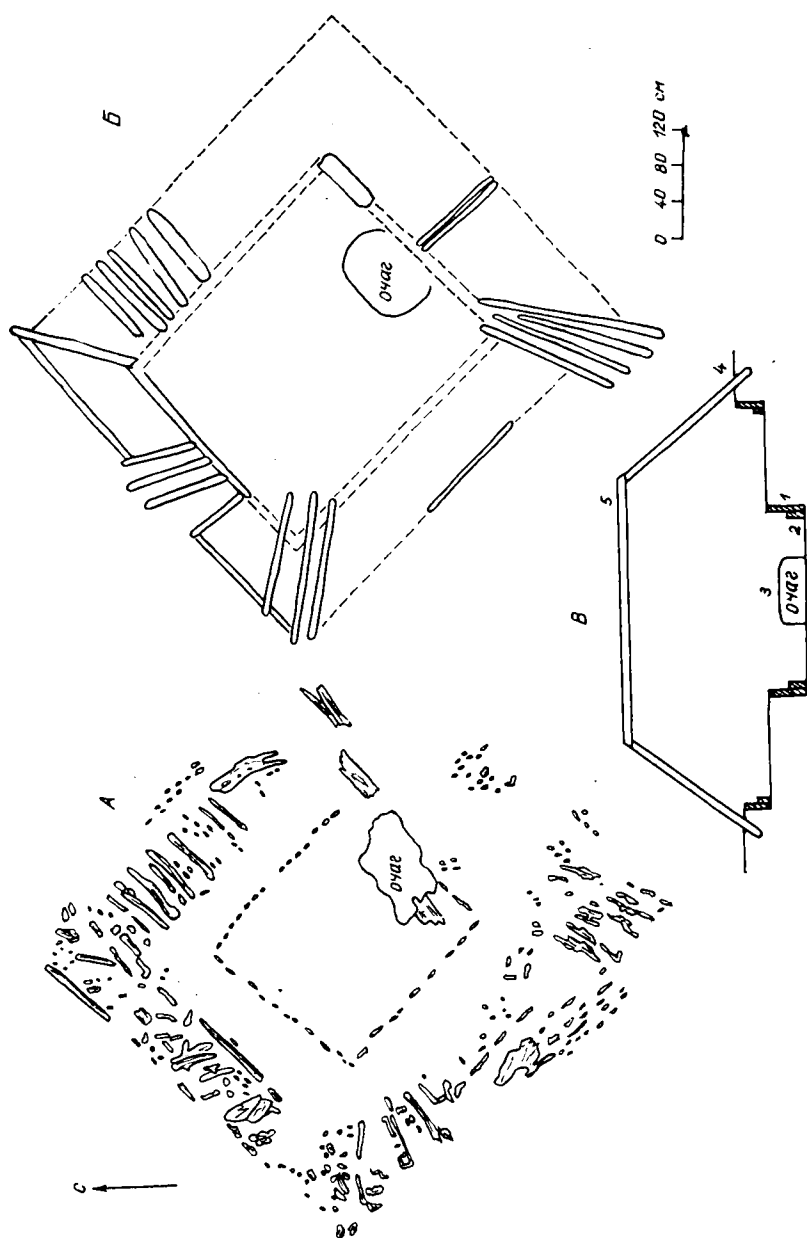

Рис. 16. Могильницкое поселение II. Жилище 23. План и реконструкция

на котлована 25—30 см. Размер внутреннего углубления $2 \times 2,2$ м, глубина от уровня внешнего углубления 30—40 см. Ориентировано жилище углами по сторонам света.

В середине юго-восточной стены, примыкая к ней, располагался очаг, сделанный из глины. Размер его $0,9 \times 1,4$ м, высота 20 см. Очаг

имел камеру диаметром 40 см с очажным отверстием с северной стороны диаметром 20 см, под камеры толщиной 8 см. Пол в жилище земляной, сильно утопанный, 5 см толщиной. Стены котлована крепились плахами, поставленными на ребро. От наземной конструкции сохранилось следующее: на расстоянии 60 см от северо-западной стены центрального углубления параллельно стене котлована лежали плахи и сгнившие остатки от них. Две плахи лежали параллельно друг другу на расстоянии 55—60 см. На них сверху поперек были уложены короткие плахи, длина сохранившихся плах 60—65 см. В процессе раскопок прослежено, что концы плах, обращенных внутрь жилища, в углах соединяются, а противоположные расходятся. По-видимому, делался каркас, который обшивался короткими плахами.

В жилище найдены сломанная коса-горбуша, железный наконечник стрелы, 10 древков стрел, две костяные проколки и керамика. Вне жилища обнаружен проушной железный топор (рис. 17—1, 3, 5).

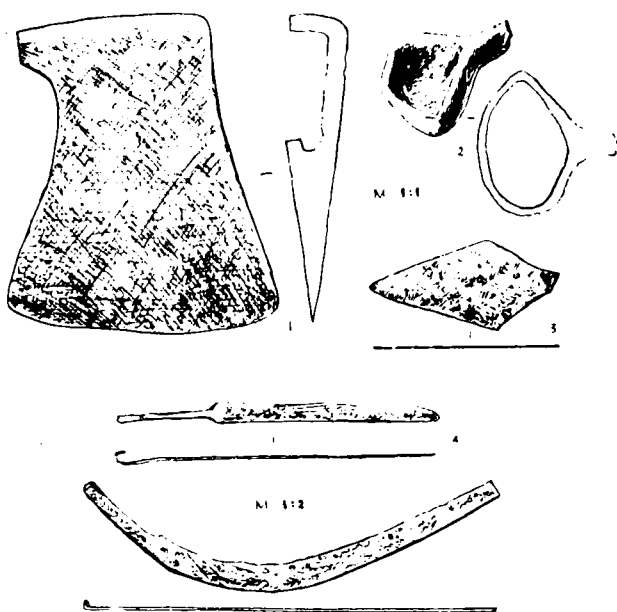

Рис. 17. Могильническое поселение II. Предметы из жилищ: 1, 3, 5—23, 2—46, 4—39

Жилище 38 прямоугольной формы, размером 4×5 м, площадью 20 кв. м, глубина котлована 40 см. Ориентировано жилище углами относительно горизонта. Жилище использовалось, видимо, незначительное время. Очаг открытого типа размером 0,55×0,85 м. Он состоял из слоя жженого песка толщиной 8—15 см. Пол земляной. У юго-западной стены котлована обнаружены остатки от трех столбиков длиной 6—7 см, толщиной 4—8 см. В жилище найдена керамика.

Жилище 39 (рис. 18). Жилище квадратной формы, имело два углубления. Размер внешнего 4,6×4,6 м, площадь 20,7 кв. м, глубина 20 см. Размер центрального углубления 2×3,2 м, глубина от уровня внешнего углубления 20 см. Ориентировано жилище стенами по отношению к горизонту. Очаг располагался в северо-восточной части жилища. Размер очага с приочаговой площадкой 1,2×1,6 м, высота очага 35 см. Пол земляной. В центре жилища яма от столба диаметром 30 см, глубиной 25 см.

В центральном углублении западной части прослежены остатки

от нескольких плах шириной 10—15 см, толщиной 3—4 см, направление их ЗВ. Во внешнем углублении также есть фрагменты от перекрытия. Направление их СЮ, СВ—ЮЗ. В жилище найдены железный нож, бронзовая пластинка, два точила и керамика.

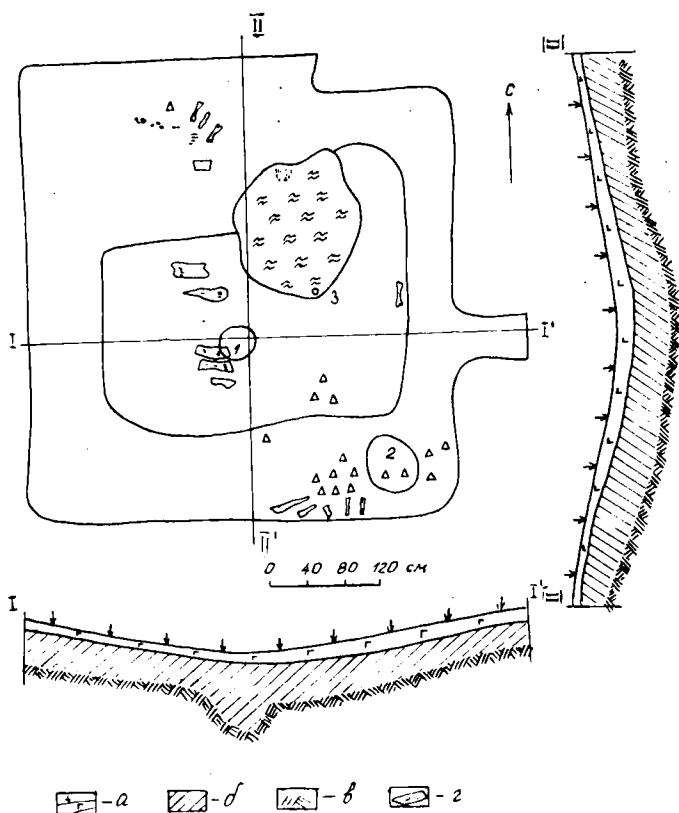

Рис. 18. Могильническое поселение II.

План жилища 39.

1 — яма от столба; 2 — скопление керамики; 3 — очаг.
а — гумус, б — культурный слой, в — обгорелое дерево,
г — материк

Объект 41 (рис. 19). Объект подквадратной формы с двумя углублениями. Размер внешнего $4,2 \times 4,2$, площадь 16,4 кв. м, глубина 30—35 см. Размер внутреннего углубления $2,6 \times 2$ м, глубина от уровня внешнего углубления 20 см. Ориентирован объектом стенами с отклонением 30° к С. У западной стены центрального углубления располагался очаг сложной конструкции. Размер $1,15 \times 0,75$ —1,1 м. Он состоял из двух закрытых камер и одной открытой камеры с бортиками. Первая камера — это печь со сводом, диаметр ее 40 см, внутри ее керамика. С восточной стороны эта камера имела отверстие диаметром 20 см. Вторая камера примыкала к первой, стенки ее тоньше (8—10 см против 10—13 см у первой камеры), они меньше прокалены, внутри камеры находилась зола и фрагменты сосуда. Третья часть не имеет свода, а лишь невысокие (9—11 см) бортики. На дне ее толстый слой золы. Возможно, это горн.

На этом объекте сохранились остатки крепления котлована и наземной конструкции. У западной и восточной стен внешнего углубления прослеживаются плахи шириной 12—15 см, положенные на ребро. Такое же крепление стен выявлено и в малом котловане. В нем у восточ-

ной стены лежали три плахи шириной 10—17 см, ориентированные с С на Ю. В южной части — еще одна плаха, ориентированная с З на В. Кроме плах выявлены обгоревшие жерди диаметром 3—4 см. В северо-западной части объекта они направлены с СЗ на ЮВ, в юго-западной — с Ю на С, в восточной половине они имеют направление

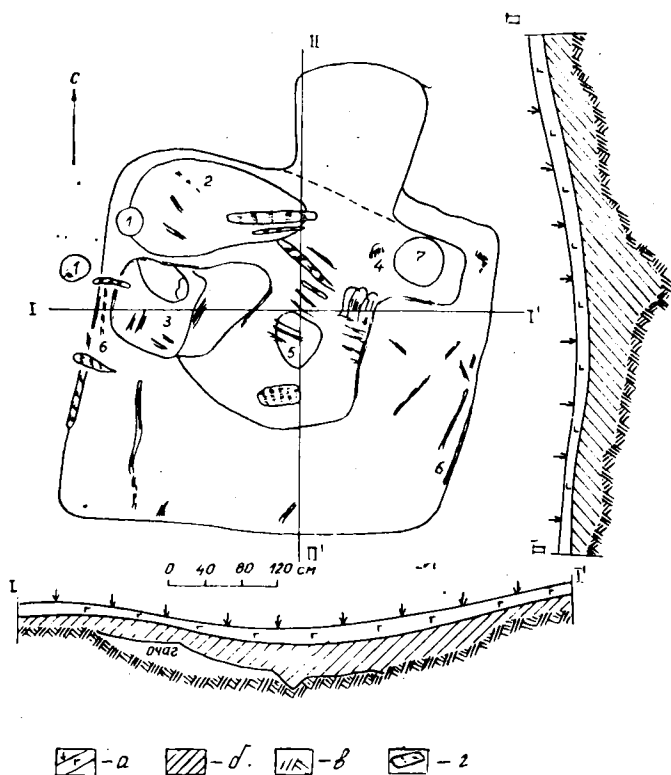

Рис. 19. Могильническое поселение II.

Объект 41.

1 — ямы от столбов; 2 — угли от жердей; 3 — очаг; 4 — челюсть животного; 5 — углубление; 6 — плахи, огораживающие котлован; 7 — углубление
а — гумус, б — культурный слой, в — материк, г — обгорелое дерево (плахи, жерди)

с ЮЗ на СВ. В северо-западной части объекта обнаружено расколотое бревно, длина сохранившейся части 1 м, ширина 15 см, толщина 15—16 см. Это, по-видимому, перекладина (?). В северной стене, примерно в середине, зафиксирован выход, длина его 1,2 м, ширина 1,35 м. С запада прослежены ямы от столбов (рис. 19—1).

Внутри объекта обнаружены разбитые сопла. Одни из них имеют ошлаковку, другие чистые. Диаметр внутреннего отверстия у всех фрагментов сопел 2 см. Сделаны они из глины, хорошо обожжены. Кроме сопел найдено несколько кусков кирпичей. Они сильно прокалены, углы у некоторых округлены. Толщина их 4,3—4,5, ширина большой грани 6,7 см.

Могильническое поселение III

Жилище 2. Котлован жилища прямоугольной формы, размером 3,4×4 м, площадь 13,6 кв. м, глубина котлована 40—45 см. Ориенти-

ван котлован стенами до частям света. Печь-очаг располагалась в северо-западном углу, примыкая к северной стене. Печь однокамерная, сделана из глины. Диаметр камеры 40 см, с южной стороны — отверстие, оно разрушено, поэтому размер не устанавливается. Размеры очага $1 \times 0,8$ м, вытянут с С на Ю. В жилище найдена керамика.

Жилище 4 (рис. 20). Котлован прямоугольной формы с углублением в центре. Размер котлована $4,4 \times 5,8$ м, площадь 25,5 кв. м, глубина 35 см, размер центрального углубления $2,6 \times 2,2$ м, площадь 5,7 кв. м, глубина от уровня внешнего углубления 20 см. Ориентировано жилище стенами по сторонам света. Очаг располагался в северо-восточном углу центрального углубления. Его размер $0,75 \times 1,35$ м, высота 37 см. Очаг двухкамерный, вымазан из глины, толщина стенок 10—12 см. Диаметр северного очажного отверстия 50 см, у южного — камера разрушена и установить размер не удалось. В очаге был разбитый сосуд. За очагом, с северной стороны, прослежены остатки двух вертикально поставленных досок, ширина их 7—8 см, толщина 2—2,5 см, между ними расстояние 5 см. С южной стороны очага лежал большой камень.

В этом жилище сохранились остатки от деревянной конструкции. Внешнее углубление укреплено бревнами и горбылем. Центральное углубление укреплено плахами, поставленными на ребро. Северная и южная стены наклонены под углом приблизительно 30° . Углы скреплены следующим образом: плаха северной стенки поставлена впритык к плахам западной и восточной стен. Высота крепления центрального углубления 20—25 см. Внутри центрального углубления настлан пол из плах. Плахи пола вплотную подходят к креплению стены. В западной части центрального углубления на полу найдена цинковка (?) из прутьев. В центре жилища находилась яма от центрального столба, диаметр 40 см, глубина 45 см. В яме были остатки от бревна, вокруг которого вбиты деревянные клинья. Стены были из колотых бревен, жердей, плах. Расположены они по радиусам и центру. В жилище найдены два железных наконечника стрел, точило и керамика.

Жилище 45. Жилище квадратной формы с двумя углублениями. Размер внешнего углубления 4×4 м, площадь 16 кв. м, глубина котлована 20—25 см, размер внутреннего углубления $2,2 \times 2$ м; глубина от уровня внешнего углубления 20—25 см. Ориентировано жилище стенами с отклонением от линии СЮ в 30° . В северо-восточном углу частично в центральном углублении, частично во внешнем располагался очаг размером $1,5 \times 1$ м (вместе с приочаговой площадкой), высота очага 30 см. Он сделан из глины.

У южного угла жилища за внешним углублением прослежено две ямы от столбов, диаметр их 16 и 20 см. От стен и крыши сохранились лишь обгоревшая плаха в западной части жилища и обуглившееся бревно в южной части. В жилище найдена керамика.

Жилище 46 квадратной формы с двумя углублениями. Размер внешнего $3,2 \times 3,2$ м. Площадь внешнего 10,2 кв. м, глубина котлована 25—30 см, размер внутреннего углубления 2×2 м, глубина котлована 20—25 см. Жилище ориентировано стенами по сторонам света. Очаг располагался у восточной стенки центрального углубления. Его размер $0,6 \times 0,9$ м, высота 0,4 м. Вытянут с С на Ю. Очаг однокамерный, вымазан из глины, толщина стенок 7—8 см в верхней и до 20—25 см в нижней части. Очажная камера диаметром 50 см заполнена мешаной землей и золой. В жилище найдены льячка (рис. 17—2) и керамика.

Жилище 48 расположено у края озера. Оно неоднократно заливалось водой и поэтому границы его размыты. До раскопок — это было округлое углубление диаметром 4,5 м, глубиной 25—30 см. Более четко выделилось внутреннее углубление по окраске пола. Его размер $2,4 \times 2,5$ м, площадь 6 кв. м, глубина котлована 35—40 см. От очага

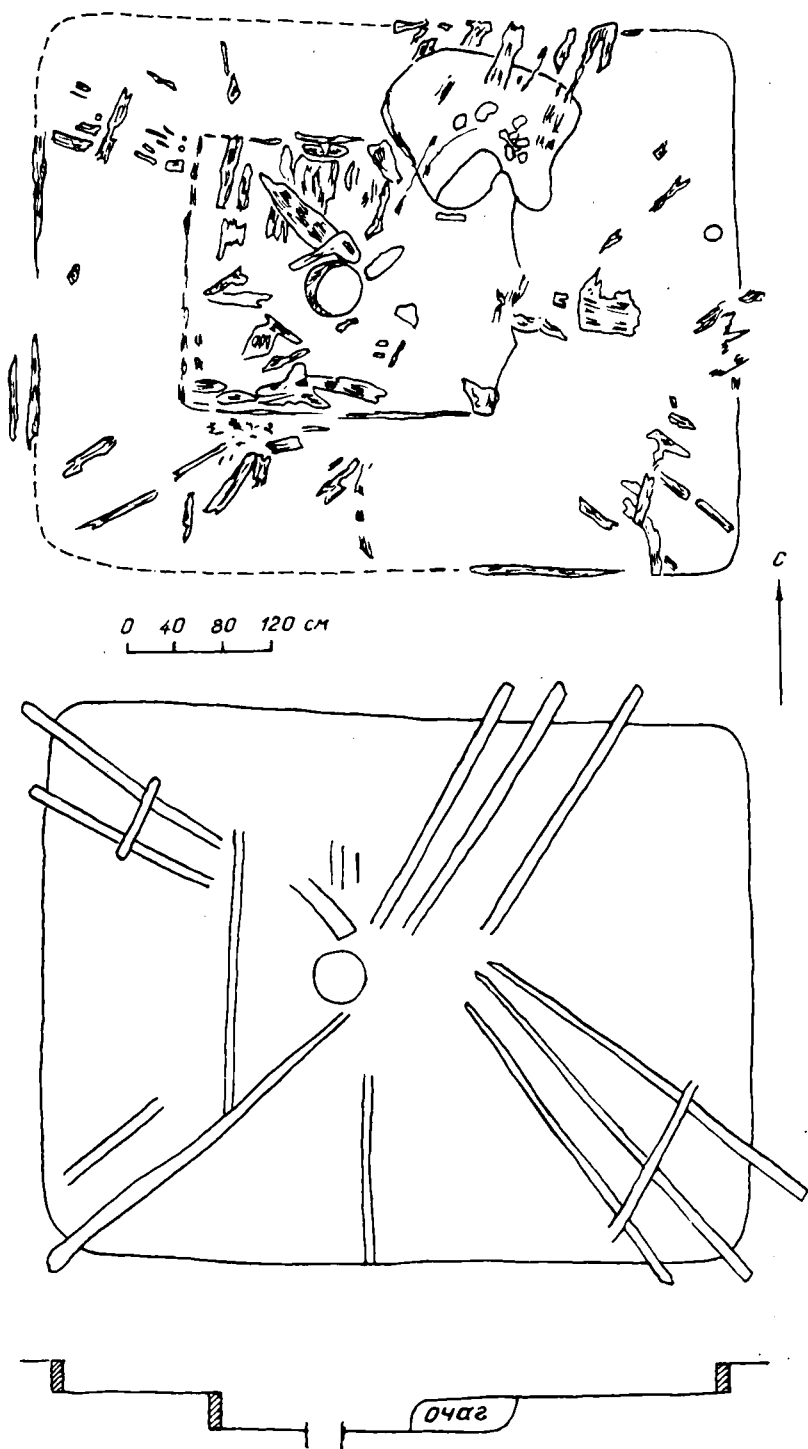

Рис. 20. Могильницкое поселение III. План и реконструкция жилища 4

осталось лишь углистое пятно с жженой глиной. Размер пятна $0,9 \times 1,3$ м, мощность 5—6 см. В жилище найдены железный втульчатый наконечник копья (рис. 21—1), железный клинок (рис. 21—2) и керамика.

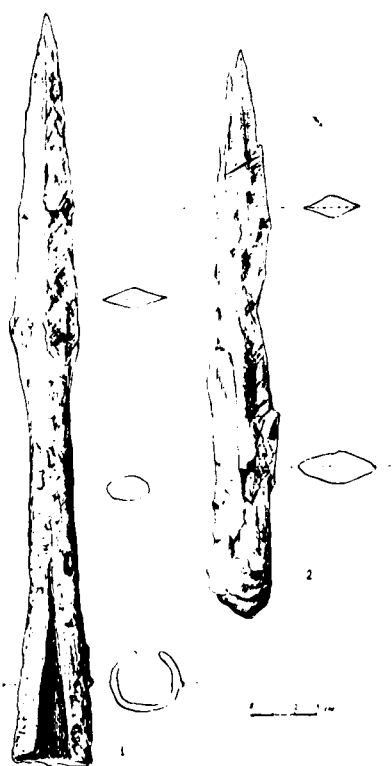

Рис. 21. Могильницкое поселение III. Железные предметы из жилища 48

Городище Шеломок

Жилище 1 прямоугольной формы $2,9 \times 3,1$ м. Глубина котлована 46 см. Оно ориентировано углами по отношению к частям света (рис. 22). Очаг располагался в восточном углу жилища. Его размер $0,9 \times 1$ м, высота сохранившейся части 28 см. Прослежена очажная камера диаметром 43 см, в которой был разбитый сосуд.

От деревянной конструкции жилища сохранилось следующее: котлован был обложен плахами, поставленными на ребро. В северном, западном и частично в восточном углу зафиксированы столбовые ямы диаметром 16—20 см, глубиной 23—25 см. От покрытия крышки и стен сохранились остатки жердей и плах, расположенных в продольном, поперечном направлениях и по диагонали.

К восточному углу жилища, видимо, примыкала какая-то пристройка (кладовая?) размером $1 \times 1,1$ м. Кроме того, здесь же была яма размером $0,9 \times 1$ м, глубиной 0,65 м. При выборке ее найдены керамика и кости животных.

Объект 2 прямоугольной формы размером $2,4 \times 2$ м. Глубина котлована 25 см. Очаг располагался у восточной стенки. Его размер $0,95 \times 0,9$ м. При разборке очага найден железный предмет. В жилище найдена керамика.

Объект 4. Котлован прямоугольной формы размером $3,4 \times 4,4$ м, площадь 15 кв. м. Глубина котлована 20 см. Ориентирован объект продольными сторонами по линии СЗ—ЮВ. В северо-восточном углу

котлована располагалась печь. Размер развала ее $0,4\text{--}0,8 \times 1,45$ м. Толщина стенок камеры 8—9 см, диаметр 40 см. Рядом с остатками печи располагалась площадка из прокаленной глины. Ее размер $0,3\text{--}0,4 \times 0,9$ м. Вокруг печи прослежены колышки, видимо, она была огорожена (плахи не прослежены) или может быть колышками было отмечено место печи при ее возведении. От наземной конструкции сохранились: с западной стороны продольные плахи, с восточной — поперечная плаха длиной 1,2 м, шириной 16 см, толщиной 5—6 см.

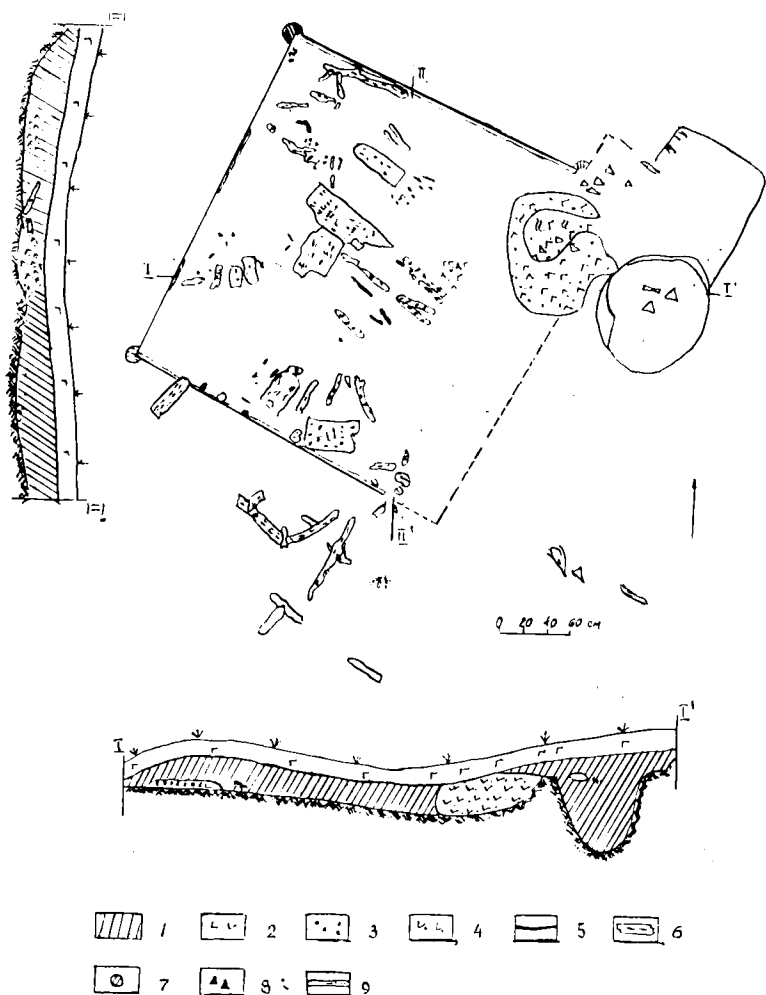

Рис. 22. Городище Шеломок.

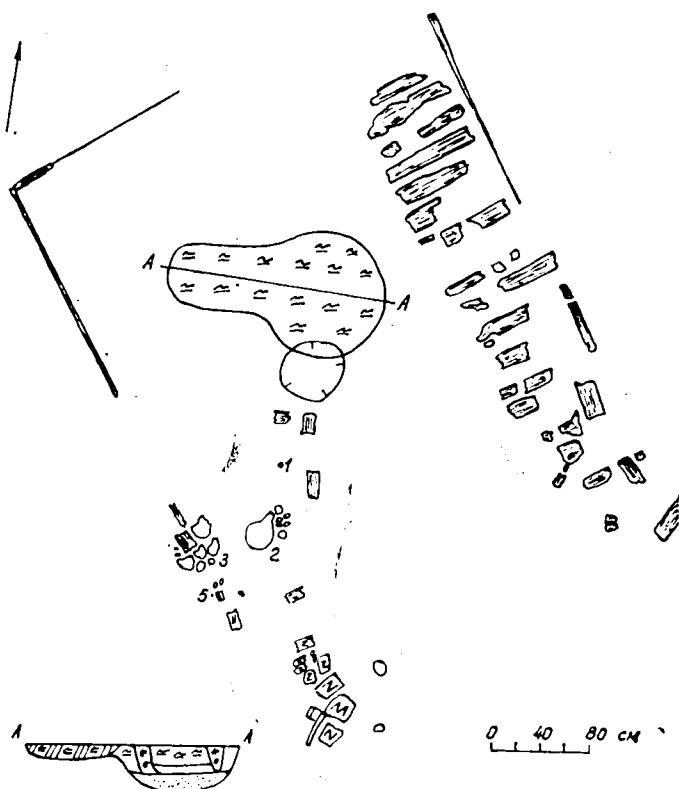
Жилище 1.

1 — курганный слой; 2 — заплыв глины; 3 — угли; 4 — очаг; 5 — прослойка пола; 6 — обгорелое дерево (плахи, жерди); 7 — ямы от столбов; 8 — керамика; 9 — плахи, огораживающие котлован

Объект 5. Расположен северо-восточнее жилища 4. На поверхности прослеживался в виде углубления размером $3,7 \times 4,2$ м, глубиной 30 см. Ориентировано жилище продольными сторонами по линии СЗ—ЮВ. Размер жилища $3,6 \times 3,2$ м, площадь 11,5 кв. м. Очаг открытого типа располагался почти в центре жилища. Размер его $0,45 \times 0,55$ м, мощность 10—12 см. От деревянной конструкции сохранились: с северной стороны три ряда полубревен, расстояние между рядами 10—20 см, ширина 6—9 см. С восточной стороны расчищены обгорелые остатки от

четырёх рядов, ширина полубревен 10—12 см, толщина 4—5 см, с западной стороны прослежены остатки от двух рядов полубревен.

Жилище 6 располагалось северо-восточнее жилища 5 (рис. 23). До раскопок — это западина прямоугольной формы размером 4,4×4,8 м, глубиной 25—30 см. После раскопок жилище имело прямоугольную форму размером 3,7×4,4 м, площадью 16,2 кв. м, глубина котлована в материке 20 см. Котлован ориентирован продольными стенами по линии СЗ—ЮВ. В центре жилища располагался очаг с прилегающей площадкой. Размер очага 0,95×1 м. Это была печь, вымазанная из глины, диаметр камеры 45 см. Она была заполнена слоем мешаной земли мощностью 22 см, на дне — слой золы 6—7 см. С западной стороны очага площадка из обожженной земли 0,5×0,8 м, толщиной 10 см.

1. Костяной наконечник стрелы;
  2. Площадка обожженной глины, толщ. 1 см;
  3. Скопление керамики;
  4. Каменное грузило;
  5. Железный нож;
- обожженное дерево;
 — кора;
 — обожженная мешаная земля;
 — просеянный песок; Э — собранная яма.

Рис. 23. Городище Шеломок. Жилище 6

Котлован укреплялся плахами, положенными на ребро. Высота сохранившейся части плах 10 см. Они прослежены с 3 сторон котлована, кроме южной. С восточной стороны жилища сохранились плахи длиной до 0,8 м, шириной 10—17 см, расположенные перпендикулярно стене котлована. Видимо, это часть стены жилища. С юго-западной стороны лежали куски коры, которая, возможно, использовалась для покрытия крыши. В жилище найдены: железный нож, костяной наконечник стрелы, каменное грузило и керамика.

§ 3. Характеристика жилищ и объектов производственного назначения

1. Тип каркасных полуподземных построек

Список признаков. Горизонтальный и вертикальный планы.

В этнографии для сибирских народов есть разработка типологии жилищ, предложенная А. А. Поповым [Попов А. А., 1961]. В археологии пока таких разработок нет. Имеющиеся работы такого рода по отдельным регионам [Раппопорт П. А., 1975; Массон В. И., 1976] интересны для нас в методическом плане. В последние годы появился ряд этнографических работ по типологии сельских жилищ (1975, 1979, 1981, 1982), в которых авторы предлагают критерии для определения типа жилищ по этнографическим материалам. Эти критерии являются универсальными (Типы..., 1968, 1979, 1981) и могут быть вполне применимы в археологии, но они слишком общи.

С учетом имеющихся разработок и на основании анализа археологического материала по Томскому Приобью эпохи позднего средневековья автором данной работы был составлен список категорий и их признаков, позволяющий характеризовать полуподземные каркасные жилища (терминология А. А. Попова) по археологическим и этнографическим данным.

Список состоит из: А — горизонтального, Б — вертикального планов. Каждая часть включает несколько категорий, которые характеризуются совокупностью признаков и отдельными признаками.

А. 1. Наличие котлована: а) форма, б) размеры, в) глубина, г) углубление в центре котлована (оставление земляных нар), д) огораживание котлована плахами, е) ориентация. 2. Очаг: а) размеры, б) место очага, в) устройство очага. 3. Вход: а) размеры, б) расположение.

Б. 4. Опорные столбы: а) вертикальные в котловане; б) наклонные за котлованом по углам, вкопанные в землю; в) наклонные за котлованом, в землю не вкопанные, г) центральный столб в котловане. 5. Другие детали каркаса: а) рама на опорных столбах, б) обрешетка стен и крыши, в) плахи, полубревна, жерди от покрытия стен, г) отсутствие сруба в котловане.

Предложенный список не является исчерпывающим, количество категорий, совокупностей и их признаков может быть увеличено, особенно при этнографических исследованиях.

Для определения типа жилищ как каркасных полуподземных из указанного списка необходимо использовать только три совокупности признаков, которые в данном определении являются основными. Это совокупности 1-я, 4-я, 5-я. Первая совокупность указывает на то, что жилище находилось в земле, глубина котлована определяет, было ли оно полуподземным или подземным. Совокупность 4-я и 5-я характеризуют устройство каркаса жилища. Список в целом дает общую характеристику полуподземного шатрового каркасного жилища.

Рассмотрим материал по жилищам Томского Приобья по составным частям списка.

А. Горизонтальный план

Анализ проводится по указанным выше признакам. Доминирующим признаком был 1, г — углубление в центре котлована. В зависимости от этого объекты разделились на две группы.

Первая группа. Из 16 жилищ, отнесенных к этой группе, только три имеют квадратную форму котлована, остальные — прямоугольную. Размер котлована от 10 до 64 кв. м, центрального углубления в нем — от 2 до 9 кв. м. Следует отметить, что жилища первой группы

в большинстве по размерам больше, чем жилища второй группы. Глубина в котловане распределялась следующим образом: внешнее углубление имело глубину от 15 до 30 см, центральное углубление от уровня внешнего — до 40 см, таким образом, общая глубина котлована от 30—40 до 70 см. В случае, когда жилище имело два углубления, в котловане по сторонам жилища оставались нары — невынутый слой земли, высота их была равна глубине центрального углубления. В наших материалах прослеживается несколько объектов, в которых котлован был в центре жилища, а стены оконтуривали значительно большую площадь, чем центральное углубление, то есть остальная часть жилища располагалась на уровне дневной поверхности.

По ориентации объектов выделено три показателя этого признака: объекты ориентированы либо углами, либо стенами по сторонам света и третий признак — стены имеют отклонение от основной линии на 30—45°. Ориентация жилищ отражает представления человека об организации мира. И, видимо, совершенно не случайно фиксируются только три позиции в ориентации.

Очаг, выделено пять показателей. Очаги в этой группе жилищ все сделаны из глины, открытых очагов в этой группе объектов нет. Очаги-печи сооружались из глины, смешанной с соломой, травой и песком (это прослежено по изломам разрушившихся очагов). Они были однокамерными и трехкамерными. Чаще всего каждая камера была диаметром 40 см (есть 30 и 50 см). Обмазка стен печи имела толщину от 7—8 см до 13 см. Такие печи имели под толщиной до 14—15 см. Камеры печей чаще всего заполнены золой, иногда мешаной землей (сильно разрушенные) и обломками стен. В нескольких случаях в камерах обнаружена керамика, которая является определителем даты жилища, особенно ценны такие находки в очагах на многослойных памятниках (городища Кижирова, Шеломок). Очаги-печи имели овальную форму, ближе к прямоугольной. Размеры их 0,8—1,5×0,6—1,2 м, высота 25—50 см. Расположение очагов в жилищах было связано, по-видимому, с определенными канонами. В сибирской этнографии исследователи чаще всего отмечают зависимость расположения очага от входа [Соколова З. П., 1957, с. 9; Кулемзин В. М., Лукина Н. В., 1977, с. 73; Таксами Ч. М., 1961].

В жилищах описываемой группы очаг располагался в северо-восточной части жилища, в двух случаях у северо-западной стены, в двух случаях — в центре, по два случая — на В и ЮВ и по одному — на ЮЗ и Ю. Вход прослежен только в трех жилищах. В двух из них очаг находился справа от входа, в одном — слева от него.

В жилище № 7 городища Кижирова очаг имел деревянную раму, закрепленную колышками. Вероятно, очаг перестраивался, о чем свидетельствуют остатки от двух рам. Огораживание очага или чувала рамой хорошо известно у сибирских народов [Sirelius У. Т., 1906; Fig 8, 17; 1907, Fig 73; 1908 Fig 107, 112, 114; Соколова З. П., 1957а, рис. 5—6; Таксами Ч. М., 1961, рис. 7].

Пол в жилищах прослеживался в большинстве случаев в виде плотной утоптанной прослойки темной, часто черной земли мощностью от 2 до 10 см. В двух случаях в центральном углублении пол был настлан из плах.

Вход связывал жилище с внешним миром. Его расположение также диктовалось определенными правилами, которые обуславливались и чисто практическими целями (устройство входа с подветренной стороны в сторону реки, озера и т. д.). Как уже отмечено, в первой группе вход зафиксирован в трех случаях. Это прямоугольный коридор, размером от 0,6×0,8 до 1,35×1,2 м.

Вторая группа характеризуется теми же параметрами, что и первая. Доминирующим признаком является наличие одного углубления в котловане. Рассмотрим жилище этой группы по конкретным признакам.

Котлован жилищ за одним исключением имеет прямоугольную форму. Размеры жилищ второй группы от 8,5 до 20 кв. м. Котлован один. Глубина его от 15 до 45 см. Ориентация объектов в большинстве случаев углами по отношению к частям света.

В этой группе в жилищах встречены как открытые очаги, так и очаги-печи. Очаги располагались в северо-восточной, в северо-западной, западной частях жилищ и в центре его. Пол земляной, толщина прослойки 5—7 см. Вход выявлен в одном случае, располагался он с северной стороны жилища. Очаг расположен слева.

При сравнении обеих групп объектов различие проявляется по нескольким показателям признаков: по размерам, по наличию котлована с одним или двумя углублениями, в наличии очагов открытого типа или печи, в наличии деревянного пола в центральном углублении жилищ первой группы. По остальным признакам и их показателям объекты первой и второй групп сходны.

Жилища первой и второй групп есть на всех памятниках Могильницкого комплекса и на городище Кижирова. Для Коларовского городища и городища Шеломок характерны жилища только второй группы.

Б. Вертикальный план

Вертикальная структура характеризует конструкцию жилищ в вертикальном разрезе. Следует отметить, что остатки деревянной конструкции сохранились не во всех описанных жилищах и объектах производственного назначения.

Все объекты погибли от пожара. Это способствовало сохранению в виде углей и обуглившихся фрагментов крыши, обрешетки стен, фрагментов жердей от рамы, обуглившихся коры и бересты от покрытия крыши и, возможно, стен. Частично сохранились столбы и столбовые ямы с остатками столбов.

Вернемся к списку признаков. Часть Б включает: 4. Опорные столбы: а) вертикальные в котловине, б) наклонные за котлованом по углам, вкопанные в землю, в) наклонные за котлованом, в землю не вкопанные, г) центральный столб в котловане. 5. Другие детали каркаса: а) рама на опорных столбах, б) обрешетка стен и крыши, в) плахи, полубревна, жерди от покрытия стен, г) отсутствие сруба в котловане.

По этим признакам выделяются две группы.

Группа 1 описывается всеми признаками, кроме центрального столба в котловане. В ней выделяются три варианта.

Вариант А. Жилища имеют опорные столбы (прямые и наклонные) внутри котлована. В этих случаях на них сверху должна накладываться рама. Стены делали из приставленных плах, нетолстых бревен, жердей, верхний конец которых опирался на раму, нижний — на землю за котлованом. Жилищ с такой конструкцией зафиксировано два.

Вариант Б. Опорные столбы два за котлованом, вкопаны в землю и имеют наклонное положение. На них сверху, вероятно, укреплялась рама. Конструкция могла не иметь рамы и столбы в этом случае соединялись попарно и опирались друг на друга. На определенной высоте прокладывались горизонтальные жерди, что придает конструкции жесткость и обеспечивал технически менее трудоемкое покрытие стен. К этому варианту отнесено 4 жилища. Один объект имеет столбы внутри котлована и за ним. Котлованы жилищ укреплялись плахами.

Вариант В. К этому варианту относится большинство объектов. Опорные столбы стояли за котлованом, в землю вкопаны не были. Каркас делался из наклонных жердей, плах, поставленных по периметру котлована. В двух случаях прослежена рама, в одном случае — обрешетка стен и в четырех объектах зафиксировано огораживание котлована плахами или нетолстыми бревнами.

Группа 2 включает два жилища, конструкция которых отличается от описанных наличием центрального столба. В этом случае отличительными признаками от объектов первой группы будет форма крыши. При наличии центрального опорного столба она могла быть двускатной или четырехскатной.

2. Реконструкция полуподземных каркасных построек

Для определения типа жилищ как полуподземных каркасных из приведенного списка категорий и их признаков существенными являются категории 1-я, 4-я, 5-я. Первая указывает на то, что жилище находилось в земле, а глубина котлована определяет, было ли оно полуподземным или подземным. Категории 4-я и 5-я характеризуют устройство каркаса. Список в целом дает общую характеристику полуподземного каркасного шатрового жилища.

Напомним, что при рассмотрении жилищ по горизонтальному и вертикальному планам выделилось по две группы в каждом случае. Теперь на основе проведенного выше анализа попытаемся реконструировать жилища, определить тип и выделить варианты в пределах типа. Для этого составим табл. 1. В нее входят жилища, имеющие котлован глубиной до 70 см, что является определяющим признаком для полуподземного жилища, и деревянную каркасную конструкцию в форме шатра (категория 4-я и 5-я). Все вместе определяет эти жилища как полуподземные каркасные.

На материалах позднего средневековья Томского Приобья фиксируется пять вариантов полуподземных каркасных жилищ (табл. 1).

Вариант 1. Это полуподземные постоянные жилища с одним или двумя углублениями в котловане прямоугольной формы. Площадь жилищ 16—25 кв. м, глубина котлована 40—60 см. В жилищах с двумя углублениями имеются земляные нары высотой 30—35 см. Длина их до 4 м, ширина до 1,3 м. Очаги-печи однокамерные или двухкамерные. Выход неизвестен. Доминирующим признаком для выделения этого варианта является наличие опорных столбов внутри котлована. На опорных столбах сверху укреплялась рама. Стены делали из наклонно поставленных жердей, плах, тонких бревен, иногда колотых, один конец которых опирался на раму, другой — на землю за котлованом. Крыша чаще всего была плоской с отверстием для выхода дыма и освещения. Такие жилища, по классификации А. А. Попова, относятся к типу жилищ в форме усеченной пирамиды. Снаружи жилища обкладывали берестой, сеном и травой и присыпали землей. Такие жилища есть на Могильницком городище.

Вариант 2. Объект № 41 Могильницкого поселения II интересен тем, что столбы прослежены как внутри котлована, так и за ним. Наклонные столбы за котлованом опирались, видимо, на вертикальные столбы, поставленные внутри котлована. Эта постройка могла иметь форму усеченной пирамиды, так как на вертикальные столбы чаще всего укреплялась рама и на нее опирались концы жердей стен. Постройки в форме усеченной пирамиды чаще всего полностью покрывались землей. В этой постройке выявлен вход, который располагался почти в середине северной стены (ближе к В). Размер его 1,35×1,2 м. О его конструкции данных нет. Направо от входа располагался очаг.

Тип. 1. ПОЛУПОДЗЕМНЫЕ КАРКАСНЫЕ ЖИЛИЩА. ВАРИАНТЫ ТИПА

Таблица 1

Вариант	КАТЕГОРИЯ	ОПОРНЫЕ СТОЛБЫ				ДРУГИЕ ДЕТАЛИ КАРКАСА				КОТЛОВАН				ОЧАГ ВХОД	
	СОВОКУПНОСТЬ ПРИЗНАКОВ	Опорные столбы внутри котлована	Наклонные столбы вкопан.	Наклонные столбы не вкопан.	Центральный столб	Рама	Обрешетка стен и крыши	Детали покрытия стен	Отсутствие сруба в котловане	Форма		Наличие углублений		Устройство очага	
										Прямоугольная	Квадратная	Внешнее углубление	Внутреннее углубление		
	№ признака	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13	
Вариант 2	Могильническое городище, жилище 3, жилище 4	+						+	—	+		+	+	+	
Вариант 3	Могильническое поселение II объект 41	+	+				+	+	—		+	+	+	+	+
Вариант 4	Кижировское городище, жилище 4, жилище 7		+				+	+	—	+		+	+	+	
	Могильническое поселение III, жилище 45		+					+	—	+		+	+	+	
Вариант 5	Кижировское городище, жилище 2				?				—	+		+	+	+	
	Коларовское городище, жилище 3				?			+	—	+		+		+	
	Могильническое городище, жилище 35				?			+	—	+		+		+	
	Могильническое поселение II, жилище 23				?	+	+	+	—	+		+	+	+	
Вариант 6	Городище Шелонок, жилище 4, жилище 6				?	+		+	+	—		+		+	
	Могильническое поселение II, жилище 39				+			+	—		+	+	+	+	
	Могильническое поселение III, жилище 4				+			+	—	+		+	+	+	

++ наличие признака, — — отсутствие признака, ? — предположительное наличие признака

В а р и а н т 3. К этому варианту относятся полуподземные каркасные постройки, прямоугольные в плане, площадью от 16 до 30 кв. м. Глубина котлована от 35 до 55 см. Преобладают в этой группе жилища, в которых для устройства нар при рытье котлована оставляли невынутым слой земли. Очаги-печи, сделанные из глины с одним-тремя (одни случаи) очажным отверстием-камерой, диаметром чаще всего 40 см. Котлован обкладывался плахами как в центре жилища, так и с внешней стороны. Плахи ставили на ребро встык, закрепляли колышками.

Каркас состоял из наклонных столбов, вкопанных в землю, которые ставились за котлованом. Это определяющий признак этого варианта. На определенной высоте параллельно укладывали жерди, образуя обрешетку стен. Далее стены обставляли вертикально, как и в первом варианте. Стены покрывались берестой, корой, сухой травой. В этом случае сверху прокладывали жерди для укрепления покрытия стен. В нижней части жилища засыпалось землей, если оно имело пирамидообразную форму.

Все описанное, то есть наличие опорных столбов, обрешетки стен, обставление стен жердями, прослежено в результате раскопок и реконструируется по наличию материала. Форма жилищ восстановлена не во всех случаях. Так, жилище № 7 Кижировского городища было в форме усеченной пирамиды. Сохранились наклонно вкопанные в землю столбы, продольные и поперечные слегги, остатки покрытия стен и крыш (рис. 5). Объекты этого варианта выявлены на Могильнических поселениях II, III, Кижировском городище.

В а р и а н т 4. Это наиболее многочисленная группа. Преобладают жилища с одним углублением, есть и с двумя. Площадь жилищ от 7 до 29 кв. м. Глубина котлована 20—70 см в материке.

В некоторых жилищах для сооружения нар оставляли невынутым слой земли. Котлован обкладывали плахами, пол был земляным. Каркас делали из наклонно поставленных столбов, не вкопанных в землю. На столбах могла укрепляться рама, и жилище в этом случае имело форму усеченной пирамиды. Могла быть и пирамидообразная форма, если столбы соединялись сверху. Стены в обоих случаях делались из наклонных жердей, обкладывались так, как описано выше. Такие постройки зафиксированы на Могильническом городище, Могильническом поселении II, Коларовском городище, на городищах Шеломок и Кижирово.

В а р и а н т 5 отличается от описанных тем, что в центре котлована стоял столб. На него, видимо, опирались наклонные столбы. Это хорошо реконструируется на основании раскопок жилища 4 Могильнического поселения III (рис. 20). Здесь выявлен центральный столб, из углов котлована поставлены жерди, которые образуют ребра пирамиды. Стены — наклонные жерди, которые опирались скорее всего на раму. Крыша в этом случае могла быть двускатной, если центральный столб подпирали матицу, или четырехскатной. Площадь жилищ 21—25 м², глубина котлована 40—45 см. Он огораживается плахами. Очаги — печи. Постройки с центральным столбом выявлены по одному на Могильнических поселениях II, III.

Описанные пять вариантов, отличающиеся конструктивными особенностями, характеризуют полуподземное каркасное жилище. По форме наземной части они относятся к двум типам (по А. А. Попову): пирамидообразному и в форме усеченной пирамиды.

Если рассмотреть по конкретным памятникам материалы жилищ, пригодных для реконструкции, то следует отметить: для городища Кижирово характерны варианты 2, 3; для Коларово — 3; для городища Шеломок — 3; для Могильнического городища — 1, 3; для Могильнического поселения II — 2, 3, 4; для Могильнического поселения III — 2, 4. Как видно из вышеописанного, для большинства памятников Томского Приобья позднего средневековья характерно несколько вариантов.

3. Срубные постройки

На городище Шеломок открыта одна срубная постройка. Это объект № 5. При раскопках расчищены сгоревшие полубревна по периметру. Была ли это срубно-столбовая конструкция (ям от угловых столбов не найдено) или срубная — выяснить не удалось, так как остатки дерева фрагментарны.

Подводя итог, можно отметить, что для Томского Приобья периода позднего средневековья характерны жилища и постройки хозяйственного назначения: полуподземные, каркасные — основной тип и зафиксирован один объект со срубной конструкцией.

§ 4. Сопоставление построек по археологическим и этнографическим материалам

Для выявления общих черт в традиционной культуре по жилищам интересно проследить, не сохранилось ли у сибирских народов построек, в чем-то сходных с описанными нами.

Г. И. Пелих, исследуя происхождение селькупов, называет у них 6 типов селькупской зимней полуземлянки [Пелих Г. И., 1972, с. 44—60]. Для нас наибольший интерес представляет жилище тй-мат. Такие в прошлом жилища, а теперь хозяйственные постройки были зафиксированы экспедицией Г. И. Пелих на Оби, Кети и Тыме. В плане это прямоугольное, почти квадратное помещение (3,2×3,2), углубленное в землю на 0,5 м. В центральной части ямы на расстоянии 2,5 м друг от друга стоят 4 столба с чашеобразными углублениями на верхних концах. В эти углубления клали параллельно друг другу два бревна, на которых делались такие же углубления и накладывались две следующие балки. Так получалась квадратная рама. Со всех сторон к раме приставлялись наклонные плахи и горбыли. Их верхние концы опирались на раму, а нижние упирались в основание земляных стен. Сверху рама была покрыта жердями, завалена землей и сухой травой. С внешней стороны стены засыпаны широким валом земли высотой около метра [Пелих Г. И., 1972, с. 52]. На основании устных свидетельств жителей Кети, Чулыма, Оби сохранения жилищ (теперь хозяйственных построек) на Оби, Кети и Тыме, охотничьих балаганов на Кети, легких построек для бытовых нужд, по конструкции сходных с тй-мат, Г. И. Пелих приходит к заключению, что жилища тй-мат были широко распространены на территории Нарыма [Пелих Г. И., 1972, с. 53].

Характерным зимним жилищем кетов было каркасное полуподземное жилище — бангусь. «Основой каркаса служили наклонные бревна, опирающиеся на 4 центральных опорных стропила. Различия в расположении и способе соединения опорных столбов и дают локальные варианты землянок» [Алексеев Е. А.; 1967, с. 91]. К ним надо отнести жилища с двускатной крышей, жилища в форме усеченной пирамиды и др. [Алексеев Е. А., 1967, с. 89—92].

Изучению жилищ хантов и их происхождения посвящен ряд работ З. П. Соколовой. Исследование проведено на большом фактическом материале с привлечением фольклорных данных XV—XVI вв., описаний жилищ путешественниками, данных лингвистики и археологии [Соколова З. П., 1957, 1957а, 1960, 1963].

«Основным типом зимней постройки была полуземлянка... пирамидальной шатровой формы, в плане четырехугольная, слабо (на 30—40 см) углубленная в землю, сооруженная из вертикальных столбов и горизонтальных балок, с сенями, окнами и чувалом, позднее — с же-

лезной печкой у двери. Этот тип жилища был характерен для всех групп хантов» [Соколова З. П., 1960, с. 182].

Обобщенное описание зимней полуземлянки приводится в исследовании по васюганско-ваховским хантам [Кулемзин В. М., Лукина Н. В., 1977, с. 73]. Одно такое жилище было исследовано во время этнографической экспедиции под руководством Н. В. Лукиной в 1972 г. на р. Аган. Это яркое свидетельство сохранения древней традиционной культуры хантов по жилищу. По описанию очевидцев, «шатровая полуземлянка (4,2×4,2 м, высота 2,3 м, глубина жилищной ямы 0,3 м) имеет форму усеченной пирамиды. Она покрывается досками, прутьями и дерном. В середине плоской крыши расположено квадратное отверстие, закрытое оконной рамой, которая поднимается палкой. Внутри жилища вдоль стен устроены нары, у передней стены они покрыты досками. Очагом прежде служил чувал, теперь железная печь. Перед входом имеются квадратные сени (2,8×2,8 м) с каркасом из четырех столбов, соединенных сверху перекладинами. Стены образуют поставленные наклонно к раме расколотые пополам бревна» [Лукина Н. В., Кулемзин В. М., Титаренко Е. М., 1975, с. 144].

Приведенные выше описания зимних каркасных жилищ хантов, селькупов, кетов, нивхов свидетельствуют о сходстве их конструкции. Сходство жилищ хантов и кетов отмечено Б. О. Долгих (1952, с. 164—165) и Е. А. Алексеенко (1967, с. 98), кетов и селькупов А. А. Поповым (1961, с. 132) и Е. А. Алексеенко (1967, с. 98).

Сравнительный анализ хантыйских жилищ (этнографические, фольклорные, лингвистические и исторические данные) с археологическими материалами позволил З. П. Соколовой сделать вывод о том, что каркасная полуземлянка является древнейшим жилищем у обских угров [Соколова З. П., 1957а, с. 12]. Наличие общих черт такого же жилища у обских угров, кетов, палеоазятов дало возможность З. П. Соколовой прийти к заключению: каркасная полуземлянка является общесибирским типом [Соколова З. П., 1957а, с. 13].

Приведенные выше описания зимних жилищ ряда сибирских народов позволяют провести сопоставления их с археологическими материалами. Для такого анализа возьмем основные признаки, по которым проводилось сравнение археологического материала по жилищам позднего средневековья в Томском Приобье, и сопоставим по ним археологический и этнографический материалы. К таким признакам отнесены: форма котлована, размеры и глубина котлована, укрепление его плахами, оставление невынутым слой земли для нар, наличие опорных вертикальных столбов в котловане, наличие вертикальных или наклонных столбов за котлованом, стены из наклонных плах, бревен и жердей, наличие рамы сверху, выход в виде коридорообразных сеней. Все эти признаки приведены в табл. 2.

Изучив этнографическую литературу о жилищах и хозяйственных постройках, автор пришел к заключению, что наиболее целесообразно сравнивать жилища Томского Приобья с полуподземными каркасными жилищами и хозяйственными постройками обских угров. Одной из причин такого выбора является наибольшее количество данных для сравнения. В таблицу внесены показатели, взятые из работ З. П. Соколовой (1957), Н. В. Лукиной, В. М. Кулемзина, Е. М. Титаренко (1975), В. М. Кулемзина, Н. В. Лукиной (1977), были привлечены рисунки из работы У. Т. Сирелиуса [Sirelius И. Т., 1906, Fig 8, 11, 15, 17, 19, 22; 1907, Fig. 75, 76]. По всем названным признакам прослеживается совпадение. Однако следует отметить, что глубина котлованов жилищ по археологическим данным до 70 см, а по этнографическим материалам — до 90 см.

По-разному устраивался очаг в жилищах угров. Он был либо открытого типа, либо в виде чувала, для которого делалось возвышение,

укрепленное деревянным каркасом, либо вымазывалась площадка из глины. В археологических материалах встречаются очаги открытого типа, но это чаще всего костер на полу жилища без каркаса. Очаги открытого типа встречаются очень редко и, по нашему наблюдению, во временных жилищах. В подавляющем большинстве построек зафиксированы очаги-печи с одной или несколькими камерами. В нескольких случаях обнаружены отверстия, к которым могла приделываться труба типа чувала.

Т а б л и ц а 2

Сопоставление признаков построек по археологическим и этнографическим материалам

Признаки	Археологические данные	Этнографические данные
1. Форма котлована	Прямоугольная или квадратная	Прямоугольная или квадратная
2. Размер	от 5 до 64 м ²	от 5 до 60 м ²
3. Глубина котлована	от 15—20 до 70 см	от 20—30 до 80—90 см
4. Укрепление котлована плахами, бревнами	Есть	Есть
5. Нары	Невынутый слой земли в котловане	Невынутый слой земли в котловане
6. Опорные столбы в котловане и за ним	Есть	Есть
7. Стены из наклонных плах, жердей и т. д.	Есть	Есть
8. Рама	Есть	Есть
9. Вход-выход в виде коридорообразных сеней	Есть	Есть

Закljučая сравнение, автор пришел к выводу: жилища и объекты производственного назначения Томского Приобья сходны по конструктивным особенностям с полуподземными каркасными постройками сибирских народов и могут быть в большинстве своем отнесены к этому же типу.

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД

§ 1. Источники

В Томском Приобье известно несколько могильников позднего средневековья. Мы располагаем материалами могильников Козюлинского, Коларовского, Чернильщиковского и Тоянов Городок. Часть из известных ранее памятников погибла, и о них остались лишь разрозненные сведения [Дульзон А. П., 1956, с. 107, № 42, 44; с. 110, № 56]. Материалы могильников Тоянов Городок и у д. Чернильшиково опубликованы [Грязнов М. П., 1976, с. 73—89; Плетнева Л. М., 1976, с. 65—72; Флоринский В. М., 1889], поэтому описание их здесь будет опущено.

Козюлинский курганный могильник

Козюлинский курганный могильник расположен на левом высоком берегу р. Томи у д. Козюлино, к востоку от современного кладбища (часть курганов находится на кладбище). На площади могильника растет сосновый и березовый лес. Деревья есть почти на каждом кургане. Курганы расположены вдоль берега диаметром 2—6 м, высотой 0,4—1,3 м, некоторые курганы овальной формы (рис. 24). Могильник раскапывался в 1923—1924 гг. И. М. Мяковым, но документация и коллекция не сохранились. Памятник нанесен на археологическую карту Томской области [Дульзон А. П., 1956, № 99]. В 1974 г. памятник был обследован Л. М. Плетневой. Снят общий план и раскопан один курган. Раскопки продолжены ею в 1980—1981 гг. и 1983 г. Всего раскопано 78 курганов.

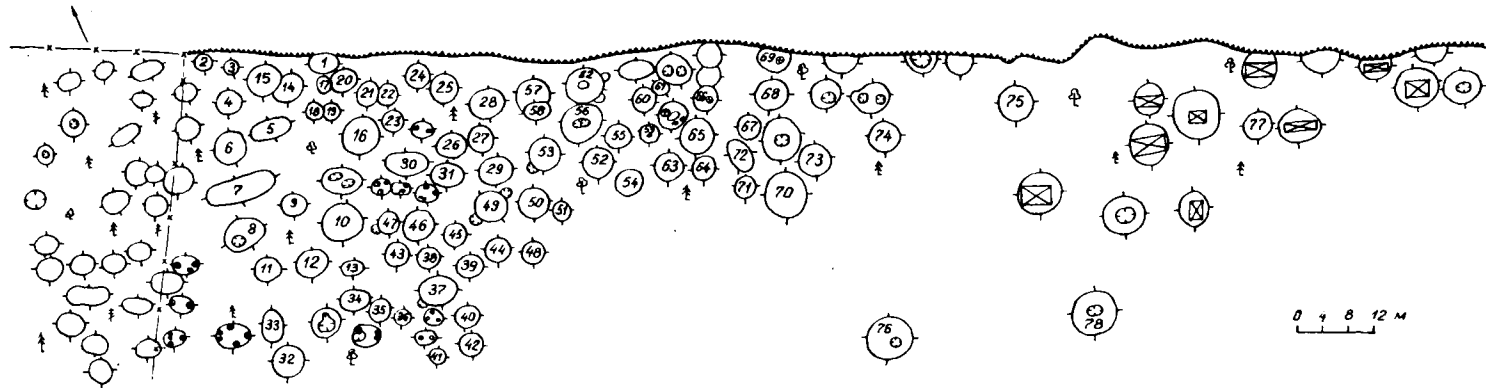
Курган 1. Размер 4,6×4 м. Скелет обнаружен на глубине 48 см. Погребенный положен на спину, в вытянутом положении, головой на ЮВ. Правая половина грудной клетки и таза несколько смещены, позвоночник искривлен, череп наклонен на правый бок и примыкает к плечевой кости. Кости правой ступни отсутствуют полностью, левой — частично. При погребении найдены: у левой ступни — топор-тесло, у кисти левой руки — 4 железных и 2 костяных наконечника стрел, на 2 см выше — железная бляшка, у кисти правой руки обнаружено кресало с двумя кремнями, на поясе — бронзовая бляшка с петелькой, под лучевой костью левой руки — нож с обоймой от рукоятки.

Курган 2. Размер 3,2×3,7 м, высота с северо-восточной стороны 80—90 см, с юго-западной — 20—30 см.

Погребение располагалось на погребенной почве в юго-восточной части кургана, головой ориентировано на ЮВ. Размер 113×35 см. Погребенный лежал в вытянутом положении, на спине. Сохранность костей очень плохая как в данном погребении, так и во всем могильнике. Из костей скелета отсутствуют: часть ребер, локтевая кость левой руки, кисти обеих рук, стопы. Захоронен ребенок 8—9 лет (определения произведены В. А. Дремовым, А. Р. Кимом). При погребенном найдены: три монеты с отверстиями, с левой стороны черепа — бронзовая серьга в виде знака вопроса (рис. 25—1). На стерженек надета бронзовая оттяжка.

Курган 3. Диаметр 4,9 м, высота с северной стороны 80 см, с остальных 20—30 см. При снятии насыпи найдены фрагмент керамики и железный шлак.

Погребение располагалось почти в центре кургана на погребенной почве. Костяк лежал в вытянутом положении, на спине, головой

⌘ — современное кладбище; --- — забор кладбища; X — старый раскоп; пронумерованы раскопанные курганы

Рис. 24. Козюлинский курганный могильник. Общий план

ориентирован на ЮВ. Кости находились в анатомическом порядке, отсутствовала кисть левой руки. Захоронена женщина около 20 лет. При ней обнаружены: с левой стороны черепа — серьга бронзовая в виде знака вопроса (рис. 25—2), с правой стороны — часть серьги и бисер, лежащий на бересте (видимо, было накосное украшение), у левой кости таза и среди ребер с правой стороны — бронзовые пуговицы (рис. 25—4—7), бронзовые бляшки (рис. 25—3), с левой стороны черепа и на груди — накосное украшение, состоящее из голубых бусин и попарно скрепленных жетонов, через отверстие в них продета нить, между жетонами находилась ткань (рис. 25—8—10), у левой ноги — напоясало (рис. 25—11), у колена левой ноги — кусок железного шлака.

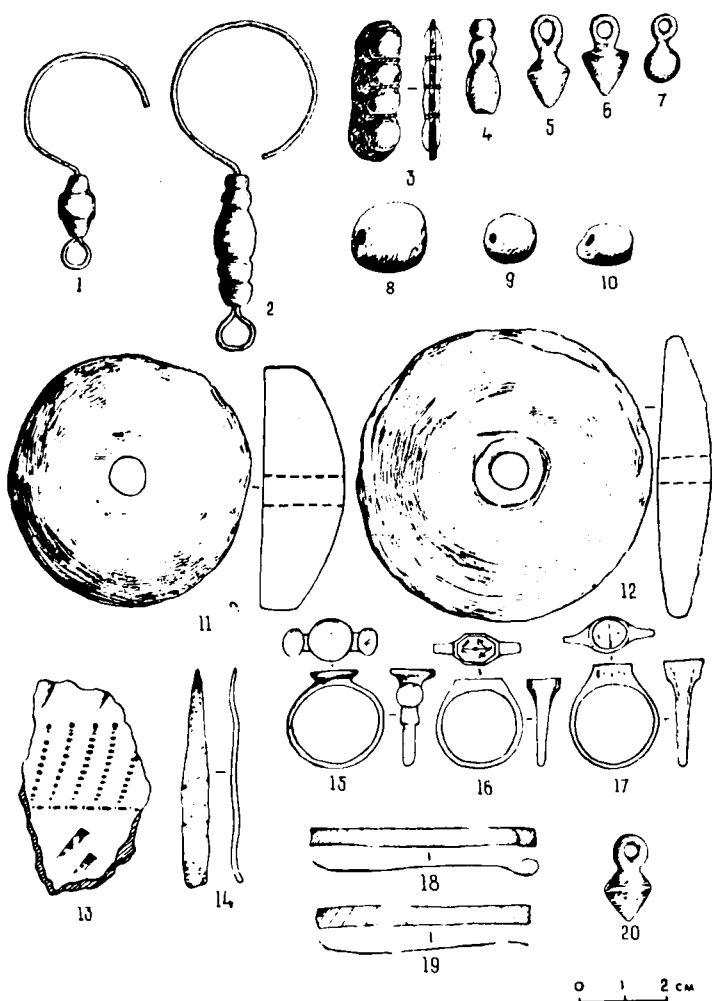

Рис. 25. Козюлинский курганный могильник. Предметы из курганов: 1—2, 2—11—3; 12—17—4, 18—20—5

Курган 4. Размер $4,4 \times 4,6$ м, высота с северной стороны 90 см, с остальных 20—30 см. При снятии насыпи кургана найдены кусочки шлака, угли, керамика и напоясало (рис. 25—12, 13).

Погребение обнаружено в центральной части кургана на древней поверхности. Размер погребения 175×40 см. Погребенный лежал в вытянутом положении, на спине, головой ориентирован на ЮВ. Длина

костяка 150 см. Костяк хорошей сохранности, что является редким случаем для этого могильника. Захоронена женщина около 20 лет. Найдены: на безымянном пальце правой руки три бронзовых кольца с печаткой (рис. 25—15—17), в ногах, на расстоянии 22 см от ступней — медные монеты плохой сохранности (13 шт.), две медные монеты были с правой стороны у черепа.

Курган 5. Размер раскопа 4,15×6,5 м. Высота кургана с северной стороны 80 см, с западной и восточной 40 см, с южной 13 см. В кургане обнаружено три погребения (рис. 26).

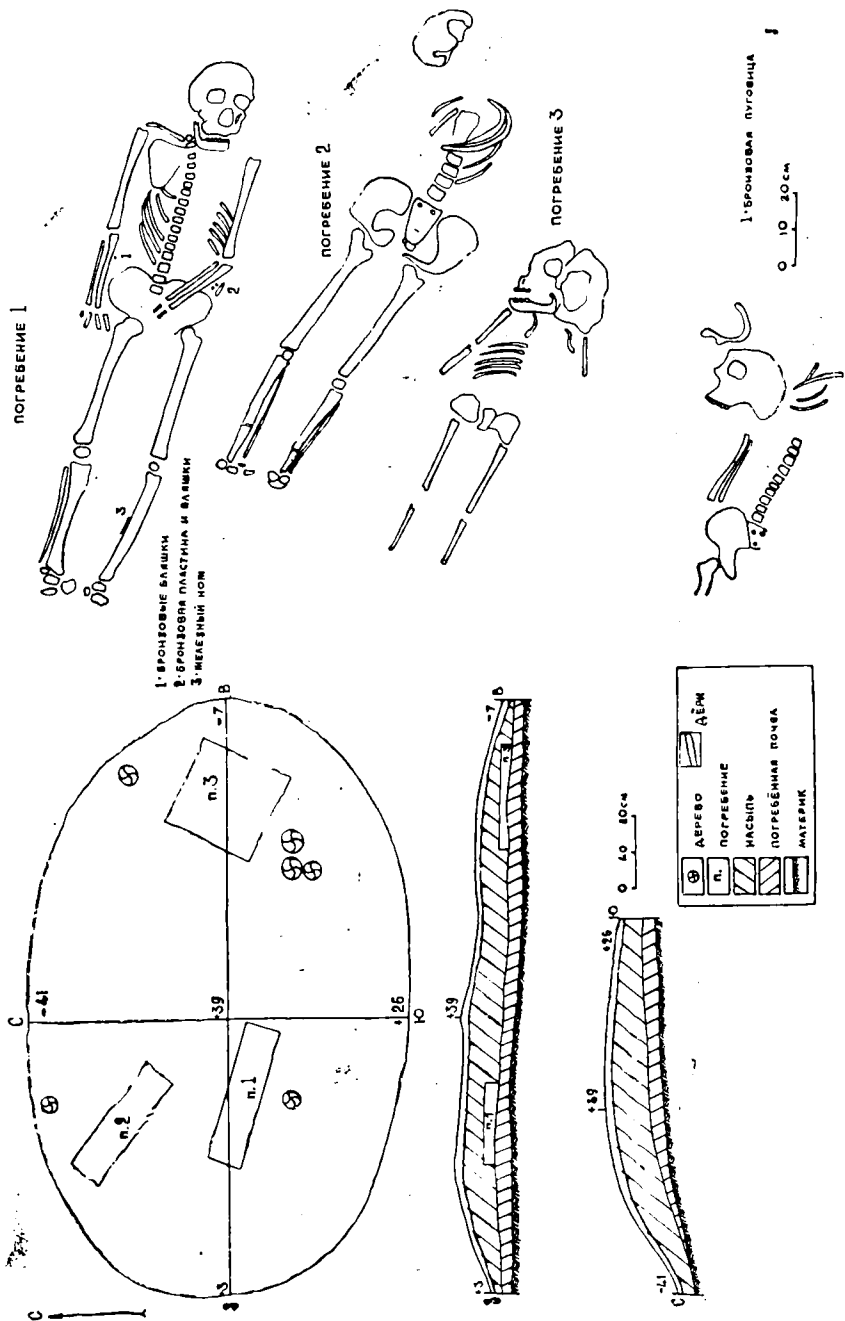

Рис. 26. Козюлинский курганный могильник. Курган 5. План, разрезы и погребения

Погребение 1 располагалось на древней дневной поверхности. Длина костяка 154 см, погребенный лежал на спине в вытянутом положении, левая рука согнута в локте, кисть и локтевые кости лежали на костях таза. Некоторые кости отсутствовали. С погребенным найдены: у локтевой кости правой руки монетки (лежали на бересте), у локтевой кости левой руки — бронзовая, очень тонкая пластинка, пуговица и монета (рис. 25—18—20), у голени левой ноги — железный нож.

Погребение 2. Размер 142×35 см. Погребенный положен в вытянутом положении, грудная клетка повернута направо, череп перевернут, лежал не на месте. Захоронен мужчина 30—40 лет. Предметов нет.

Погребение 3 располагалось на древней дневной поверхности. Размер 100×105 см. Захоронены ребенок и мужчина (?) около 20 лет. Оба костяка ориентированы головой на ЮВ, лежали на спине, в вытянутом положении. Костяк мужчины потревожен грабителями. Предметов нет.

Курган 6. Размер кургана 4,5×5,2 с, высота 30—40 см. Выявлено два погребения.

Погребение 1 располагалось в северной части на древней поверхности. Размер погребения 174×45 см. Костяк лежал на спине в вытянутом положении, головой ориентирован на ЮВ. Захоронен мужчина 40—50 лет. Все кости лежали в анатомическом порядке. С ним найдены: у черепа с левой стороны — бронзовая пластинка, над правой ключицей — бронзовая пуговица, у левой голени — топор-тесло, у колена левой ноги — 6 костяных наконечников стрел, у берцовой кости правой ноги — кресало, ниже его — железный нож.

Погребение 2 впущено в насыпь кургана. Костяк лежал в вытянутом положении, на спине, головой ориентирован на ЮВ. Размер погребения 142×33 см. Кости сохранились не все. Предметов нет.

Курган 7. Под одним номером было объединено три слившихся

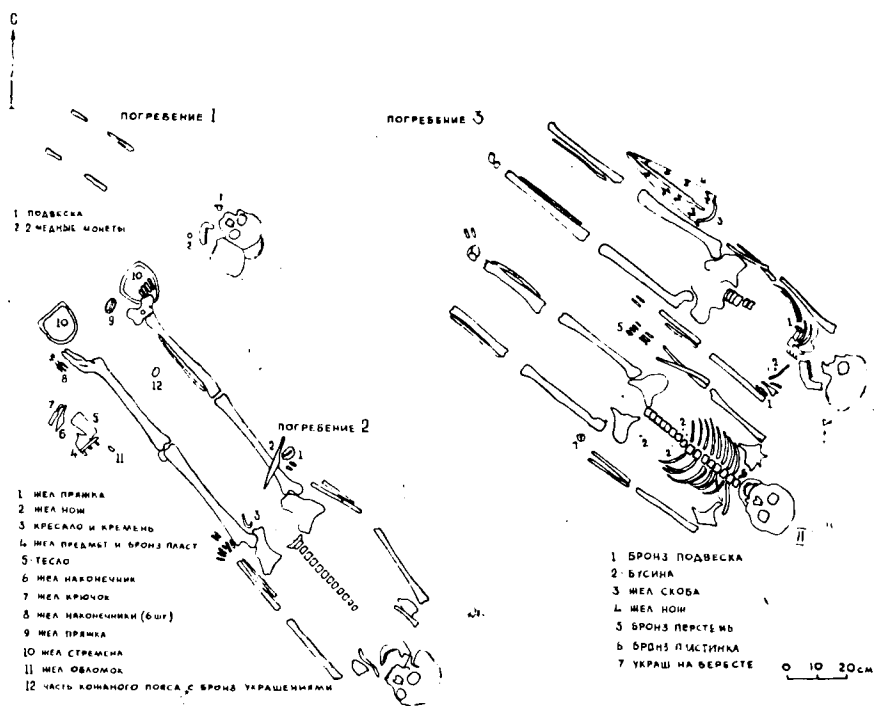

Рис. 27. Козюлинский курганный могильник. Курган 7. Погребения

кургана (А—В). Размер раскопа 5×11 м. При снятии насыпи обнаружены зубы и часть челюсти лошади, бронзовая пластинка с 6 жемчужинами в два ряда (рис. 30—3). В раскопке найдены 3 погребения (рис. 27).

Погребение 1 располагалось на погребенной почве в кургане Б. Размер погребения 80×24 см. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении, сохранность очень плохая, головой ориентирован на ЮВ. Захоронен ребенок 7—8 лет. При нем найдены: у черепа — оловянная подвеска (рис. 28—3), у нижней челюсти — две монеты.

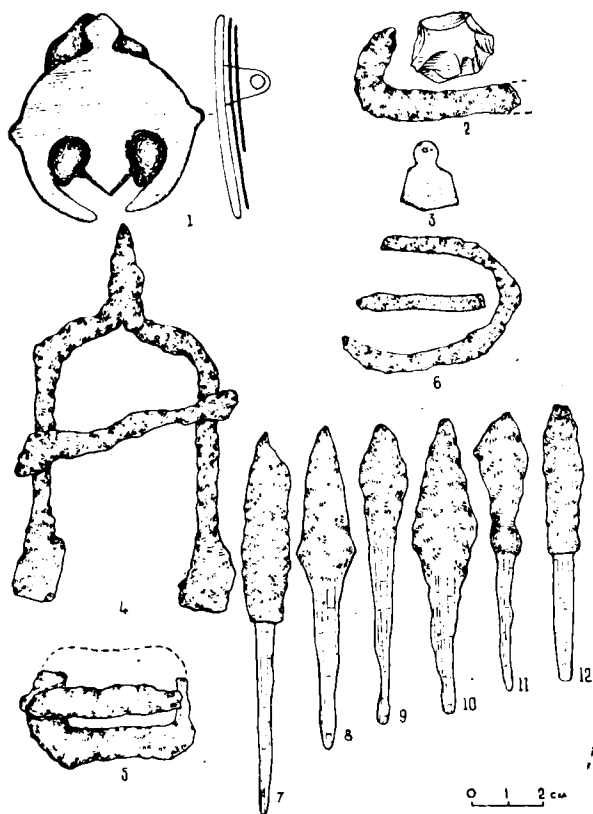

Рис. 28 Козюлинский курганный могильник. Курган 7.
Предметы из погребений 1 и 2

Погребение 2. располагалось в кургане А на погребенной почве (рис. 27). Размер погребения 170×45 см. Умерший мужчина 20—25 лет положен на спину, в вытянутом положении, головой на ЮВ. Под костяком были угли. С ним обнаружены: у правой бедренной кости — железная пряжка (рис. 28—5), здесь же нож (рис. 29—6), у левой ноги — кресало с кремнем (рис. 32—2), шпора и бронзовая пластинка (рис. 28—4), топор-тесло (рис. 29—3), железный наконечник стрелы (рис. 29—5), железная пластина с крючком (рис. 29—4), у левой ступни — 6 железных наконечников стрел (рис. 28—7—12), на ступни ног были надеты стремяна (рис. 29—1,2), между ступнями ног лежала железная пряжка (рис. 28—6), между голennыми костями — часть кожаного пояса с бронзовой бляхой (рис. 28—1). С левой стороны у ног умершего зафиксировано углистое пятно размером $1,9 \times 0,5$, мощностью 3—5 см.

Погребение 3 располагалось в западной части кургана В, под

погребенной почвой, в могиле глубиной 25—28 см. Размер погребения 155×100 см. Захоронены двое. Оба умерших положены на спину, в вытянутом положении, головой ориентированы на ЮВ. У костяка I почти полностью отсутствуют кости грудной клетки, стопы и кисти рук. У костяка II нет костей левой стопы и левой кисти руки. С ними найдены: у костяка I среди ребер и у плечевой кости две бронзовые подвески с узором (рис. 30—1,2), у левой ключицы — бусина, у правой ноги — длинный железный нож в деревянных ножнах, заканчивающихся железной петлей (рис. 30—6,8). У костяка II в области грудной клетки несколько бусин, на фаланге правой руки — перстень с гнездом для вставки (рис. 30—5), у левой руки — часть перстня с вставкой из голубой бусины (лежала на бересте) (рис. 30—4).

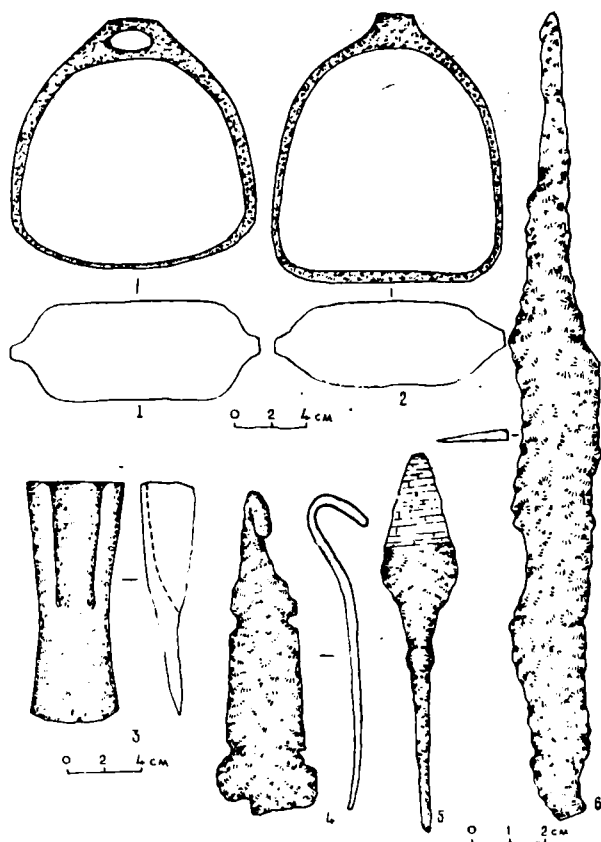

Рис. 29. Козюлинский курганный могильник. Курган 7.
Предметы из погребения 2

Курган 8 (рис. 31). Размер кургана 5,4×6,2 м, высота с северной стороны 70 см, с остальных 30—40 см. В западной части кургана зафиксирована грабительская яма размером 1,8×2,2 м. Она нарушила погребение 2. В ней найдены часть сосуда, железный и костяной наконечники стрел (рис. 32—31—33), голубая и белая бусины, бронзовые пуговицы (рис. 32—28—29). В кургане на погребенной почве обнаружено два погребения.

Погребение 1 располагалось в северо-восточной части кургана. Его размер 150×41 см. Женщина 35—40 лет положена в вытянутом положении, на спине, правая рука немного согнута в локте, голо-

вой ориентирована на ЮВ. С ней найдены: у черепа — сосуд, у височных костей черепа — серьги (рис. 32—2,3); на шее — ожерелье, состоящее из оловянных бляшек, бронзовой пластинки (рис. 32—4,6), с правой стороны — железный нож со следами дерева на черешке (рис. 32—1), две бронзовые пуговицы (рис. 32—5), у кости таза — фрагмент пояса, на фалангах правой руки — оловянное и 3 бронзовых кольца (рис. 32—7—9), на левой руке — бронзовое кольцо с круглым щитком.

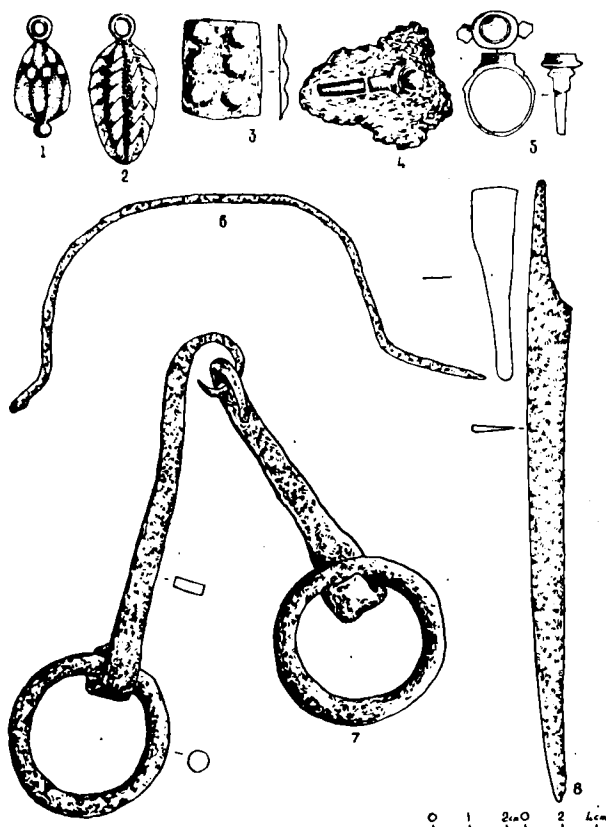
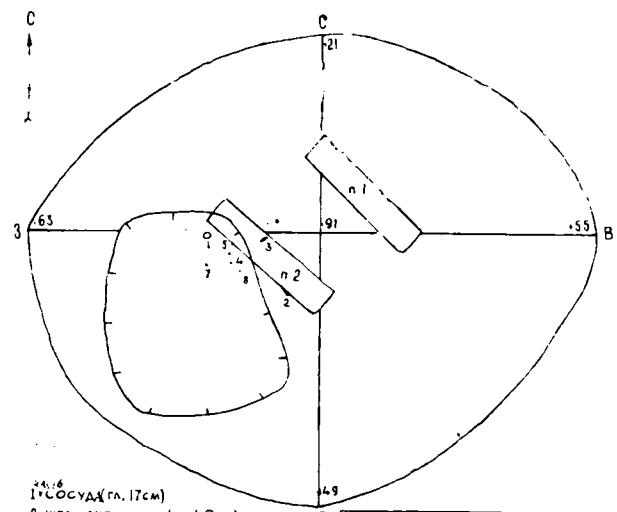

Рис. 30. Козюлинский курганный могильник. Курган 7.
Предметы из погребения 3 (1, 2, 4—8) и насыпи (3)

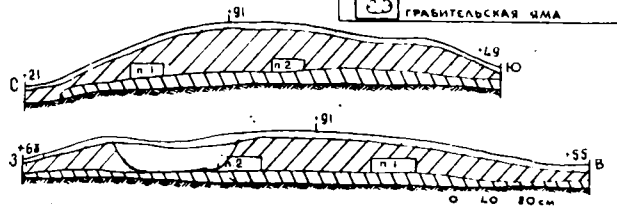
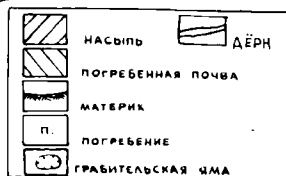
Погребение 2 располагалось юго-западнее погребения 1 на 75—85 см. Женщина 17—18 лет положена головой на ЮВ. Размер погребения 154×38 см. С ней найдены: за черепом сосуд и бронзовая рюмка (рис. 32—10), нож, костяные наконечники стрел, под черепом — бронзовое украшение в форме полумесяца (рис. 32—14), с обеих сторон черепа — серьги (рис. 32—23—25). В правой половине грудной клетки найдены бусы, голубые и полосатые (фиолетовые и прозрачные с белыми полосками) (рис. 32—15—17), здесь же подвески с ушком (рис. 32—11—13, 21, 22), на фалангах правой руки — 3 перстня: два бронзовых, 1 оловянный (рис. 32—18—20, 27).

Курган 9. Размер 4×4 м, высота 15—40 см.

Погребение обнаружено почти в центре кургана. Размер 163×40 см. Выше погребения на 10 см выявлены фрагменты керамики. Женщина 45—50 лет, положена на спину в вытянутом положении. С ней найдены: у черепа с правой стороны серьга (рис. 32—26), в ногах — железный нож (рис. 33—1).

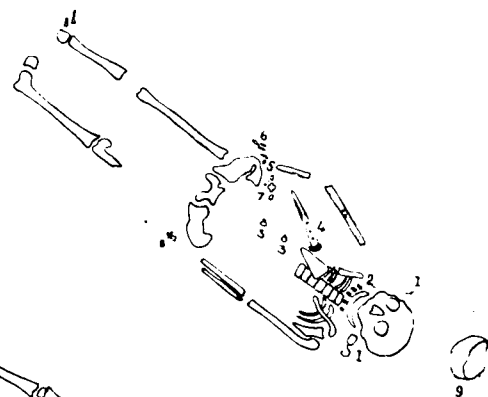

1. Сосуд (гл. 17 см)
 2. Жел. наконечник (гл. 40 см)
 3. Кост. наконечник (гл. 43 см)
 4. Голубая бусина (гл. 43 см)
 5. Бронз. пуговица (гл. 43 см)
 6. 3 пуговицы (гл. 38 см)
 7. Белая бусина (гл. 40 см)
 8. 2 бронзовые пуговицы (гл. 40 см)

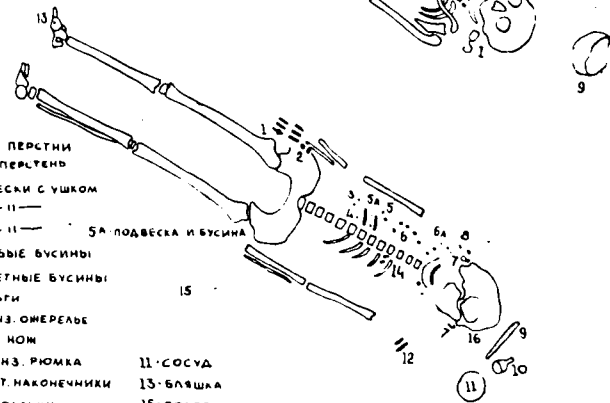
ПОГРЕБЕНИЕ 1

1. Бронз. серьги
 2. Бронз. омережье
 3. Бронз. пуговицы
 4. Жел. нож
 5. Оловянное кольцо
 6. Бронз. кольцо
 7. Фрагмент пояса
 8. Бронз. кольцо
 9. Сосуд

ПОГРЕБЕНИЕ 2

1. Бронз. перстни
 2. Олов. перстень
 3. Подвески с ушком
 4. — — — — — 5А. Подвеска и бусина
 6. Голубые бусины
 6А. Цветные бусины
 7. Серьги
 8. Бронз. омережье
 9. Жел. нож
 10. Бронз. рюмка
 11. Сосуд
 12. Кост. наконечники
 13. Бляшка
 14. Спиральки
 15. Подвески
 16. Украшение полумесяцем

0 10 20 см

Рис. 31. Козюлинский курганный могильник. Кургan 8. План, разрезы и погребения

Курган 10. Диаметр 6,3 м, высота с северной стороны 1 м, с остальных — 50—90 см. В насыпь кургана было впущено одно погребение. Второе, коллективное, погребение располагалось на погребенной почве (рис. 34, 35).

Погребение 1. Размер 152×50 см. Мужчина около 30 лет, положен на спину в вытянутом положении, головой ориентирован на ЮВ. С ним найдены: справа у нижней челюсти — железная пластинка, у локтевого сустава левой руки — половина крупной оловянной пластинки, с правой стороны ниже локтевого сустава — железный нож с остатками дерева на рукояти, у кости таза — кресало и кремь (рис. 33—10), под ним — раздавленный сосуд (рис. 33—2).

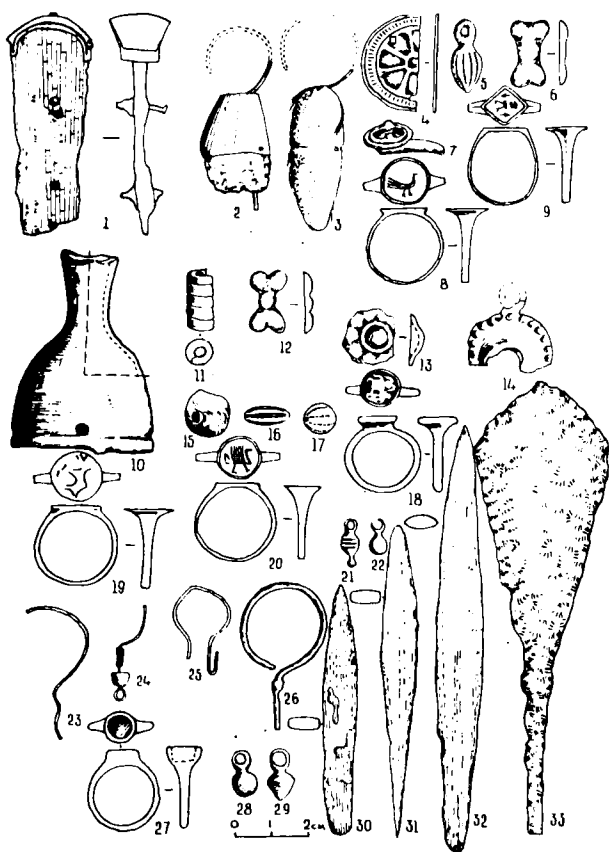

Рис 32. Козюлинский курганный могильник.
Курган 8. Предметы из погребений: 1—9—
1; 10—25, 27—2; из грабительской ямы
28—33. Курган 9—26

Погребение 2. Размер его 183×200 см (рис. 35). Погребено 8 человек. Ориентировано погребение по линии СЗ—ЮВ, головами на ЮВ, за исключением костяка VI, который положен головой на СЗ. В погребении 2 захоронено 6 взрослых: I — женщина 18 лет, II — мужчина 25—30 лет, III — мужчина 35—40 лет, IV — мужчина 30 лет, V — мужчина 20—25 лет, VI — женщина 35 лет и два ребенка: VII—3—5 лет, VIII—1—2 г. С погребенными были найдены: у костяка I — оттяжка от серьги (рис. 33—8), костяной наконечник стрелы (рис. 33—4) и фрагмент железного предмета. У костяка II над черепом — два камня, один из них обработан, у костяка III — два костяных наконечника

стрел (рис. 33—5,6), у костяка IV — один костяной наконечник стрелы (рис. 33—3), у костяка VI — один костяной наконечник стрелы (рис. 33—7).

Курган 11. Размер $4,8 \times 5$ м. Высота 50—70 см. В кургане два погребения.

Погребение 1. В насыпи кургана обнаружен детский череп.

Погребение 2 располагалось на материке. Размер 180×45 см.

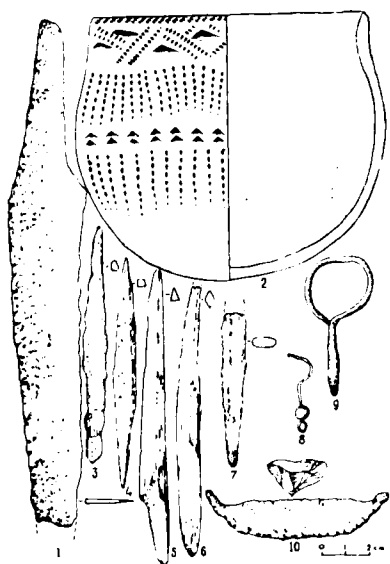

Рис. 33. Козюлинский курганный могильник. Предметы из курганов: 1—9; 2, 10—10, погребения 1; 3—8—10, погребения 2; 9—11

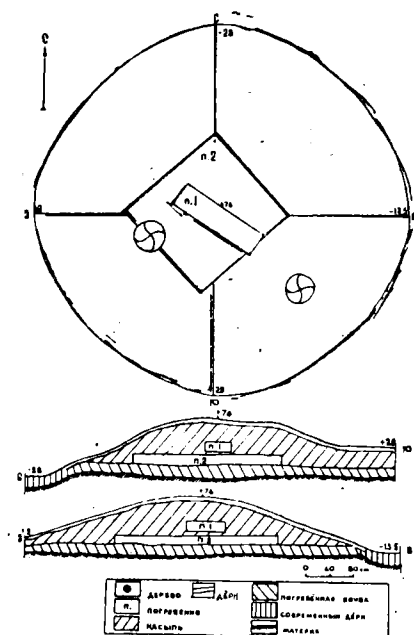

Рис. 34. Козюлинский курганный могильник. Курган 10. План и разрезы

Мужчина 20—30 лет положен на спину в вытянутом положении, ориентирован головой на ЮВ. С ним найдены: у черепа с правой стороны — серьга (рис. 33—9), у правой ключицы — бронзовая пластинка, на поясе — железная пряжка (рис. 36—10), на запястье обеих рук надеты браслеты (рис. 36—8), на фалангах правой руки два кольца (рис. 36—11, 12), рядом кресало с кремнем, у бедренной кости — железный нож (рис. 36—1). У левой ноги — бляшка с зубчатым краем (рис. 36—9), ниже ее — железная пластинка. Между ног лежало несколько предметов, два костяных и железный наконечники стрел (рис. 36—3, 5—7), железное острие (рис. 36—2). У костей стопы левой ноги обнаружены фрагменты керамики и два костяных наконечника стрел. С левой стороны у ног погребенного расчищено пятно с углями мощностью 12—15 см, размером 75×90 см.

Курган 12. Размер $4,8 \times 5,2$ м, высота 20—60 см. В кургане выявлено два погребения.

Погребение 1 зафиксировано в насыпи кургана на глубине 15—17 см в северо-восточной части. Размер 85×25 см. Ребенок 8 лет положен на спину, вытянуто, головой на ЮВ. С ним найдены: у височных костей черепа по серьге (рис. 37—11), за черепом — бронзовый колокольчик (рис. 37—8).

Погребение 2 расположено почти в центре кургана, на погребенной почве. Размер его 153×46 см. Мужчина 20—30 лет положен на

спину в вытянутом положении, ориентирован головой на ЮВ. С ним найдены: у левой бедренной кости — два железных и шесть костяных наконечников стрел (рис. 37—1—6,9—10), здесь же оловянная бляшка, у кисти правой руки — железный нож (рис. 37—7).

Курган 13. Размер $2,6 \times 3,6$ м, высота 16—28 см.

Погребение располагалось в центре кургана на погребенной почве. Размер погребения 144×32 см. Мужчина 30—40 лет положен на спину, правая рука согнута, лежала на груди, левая — на костях таза. Над костяком и под ним прослежена береста. С погребенным найдены: два сломанных костяных наконечника стрел и один железный (рис. 38—1—3). У кости таза — серебряная монета царя Алексея Михайловича и железный предмет.

Курганы 14 и 15 объединены в один раскоп, так как насыпи их слились. Размер раскопа $5,4 \times 8,6$ м. Высота кургана 14—45—75 см, кургана 15—20—70 см. При снятии насыпи кургана 15 найдены кусочки железного шлака и керамика. В кургане 14 обнаружено два погребения (2, 3), в кургане 15 — одно (1). Умершие были положены на погребенную почву.

Погребение 1. Размер 150×65 см. Умерший положен на спину, в вытянутом положении, головой ориентирован на ЮВ. Рядом с черепом взрослого (череп раздавлен) лежал череп ребенка. С умершими найдены: с правой стороны черепа — бронзовая серьга в виде знака вопроса (рис. 39—5), с левой стороны — серьга и кольцо, нашейное украшение, состоящее из оловянных бляшек и бронзовой подвески, в области груди с правой стороны — два кольца (рис. 39—3, 4), между ребер — бусы, бисер и бронзовые подвески в виде шарика с петелькой (рис. 39—2), у берцовой кости правой ноги — напоясало (рис. 39—1).

Погребение 2. Размер 170×50 см. Захоронена женщина, вытянуто, на спине, головой ориентирована на ЮВ. Сохранность костяка плохая, отсутствуют многие кости. С погребенной найдены: у правой бедренной кости железный нож (рис. 38—10), у кости таза — монетка, против колена правой ноги — топор-тесло (рис. 38—7), у стопы правой ноги — костяной и железный наконечники стрел.

Погребение 3. Размер 113×33 см. Ребенок 7—8 лет лежал на спине, вытянуто, ориентирован головой на СВ. Сохранность плохая, отсутствуют кисти обеих рук, кости левой руки, стопы ног. С ним найдены: за черепом — кости животного, кусочки зеркала; на кости таза с левой стороны был обнаружен мешочек из шелковой ткани (чесучи?) с украшениями (кольцо, бусы) и монетами; у черепа с правой стороны лежала оловянная пластинка, у берцовой кости правой ноги — железный наконечник стрелы.

Курган 16. Размер $5,4 \times 5,8$ м. Высота с северной стороны 1,2 м, с восточной 80 см, с остальных 30—40 см. При снятии насыпи были найдены следующие предметы: одно звено от удила, железный предмет, челюсть и кость животного.

Погребение располагалось в южной части кургана на погребенной почве. Его размер 170×52 см. Умерший положен на спину, в вытянутом положении, руки немного согнуты в локтях, головой ориентирован на ЮВ. Сохранность костяка плохая. С ним найдены: у левой ключицы — бусина от сережки, у левой руки — костяной наконечник стрелы; у бедренной кости левой ноги — железный нож, 2 железных наконечника стрел, остатки кожаной обуви.

Курган 17. Размер $2,8 \times 3,3$ м, высота 30 см.

Погребение располагалось в северной части кургана на погребенной почве. Сохранность очень плохая, отсутствуют многие кости скелета. Ориентировано погребение головой на ЮВ. Предметов нет.

Курганы 18 и 19 объединены в один раскоп. Размер 4×6 м. Размер кургана 18 $3 \times 3,2$ м, кургана 19— $3 \times 3,4$ м. Высота курганов 30—

40 см. При снятии насыпи кургана 18 и в межкурганном пространстве найдены фрагменты керамики и грузило. В каждом кургане было по одному погребению. Оба погребения лежали на погребенной почве.

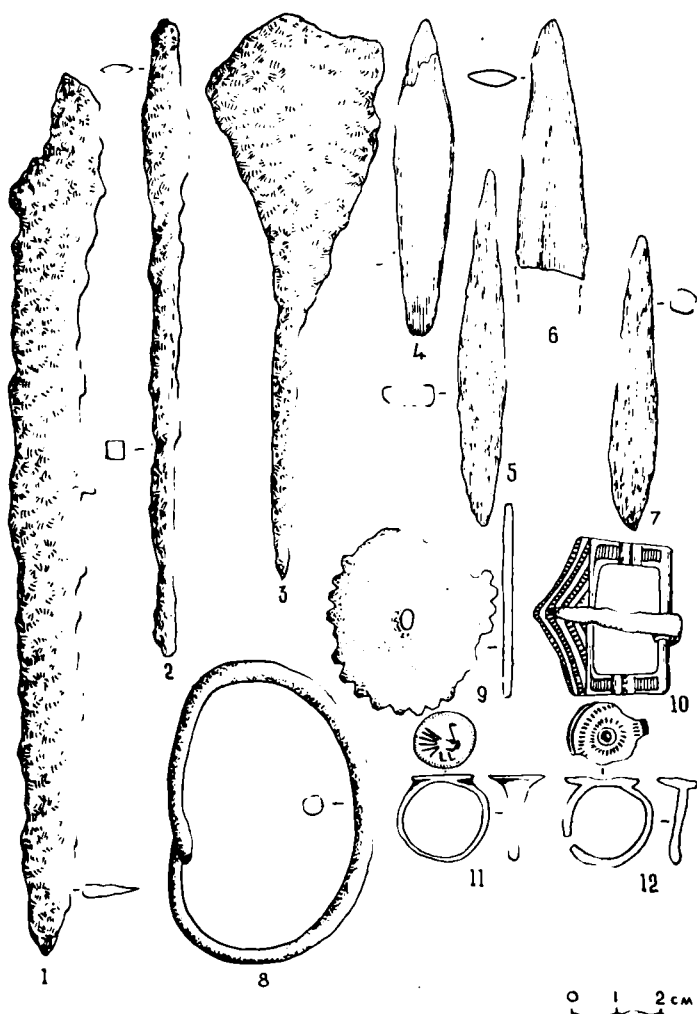

Рис. 36. Козюлинский курганный могильник. Предметы из кургана 11, погребения 2

Погребение 1 располагалось в центре кургана 18. Размер 130×32 см. Ребенок лежал на спине в вытянутом положении, головой ориентирован на СВ. Сохранность костяка плохая, многие кости отсутствуют. В ногах умершего стоял сосуд и лежал железный крючок.

Погребение 2 расположено в центре кургана 19. Размер 158×42 см. Костяк положен на спину в вытянутом положении, ноги немного согнуты в коленях, головой ориентирован на ЮВ. Некоторые кости отсутствуют. Под костяком и справа от него зафиксировано углистое пятно. С умершим найдены: в ногах — фрагменты керамики, фрагмент зеркала, железный нож, выше костей таза — пуговница, под черепом — кремень.

Курган 20. Размер $3,4 \times 4$ м, высота с северной стороны 85 см, с остальных 20—35 см.

Погребение располагалось в юго-западной части кургана. Размер 143×50 см. Женщина 30—35 лет лежала на погребенной почве, головой на ЮВ. С ней найдены: у черепа с левой стороны — серьга в виде знака вопроса (рис. 40—2), у тазовых костей — бронзовые бляшки (рис. 40—3), подвески к поясу, связанные ремешком (рис. 40—1). Они лежали на коже, под кожей — береста. У левой берцовой кости — фрагмент зеркала и раздавленный сосуд.

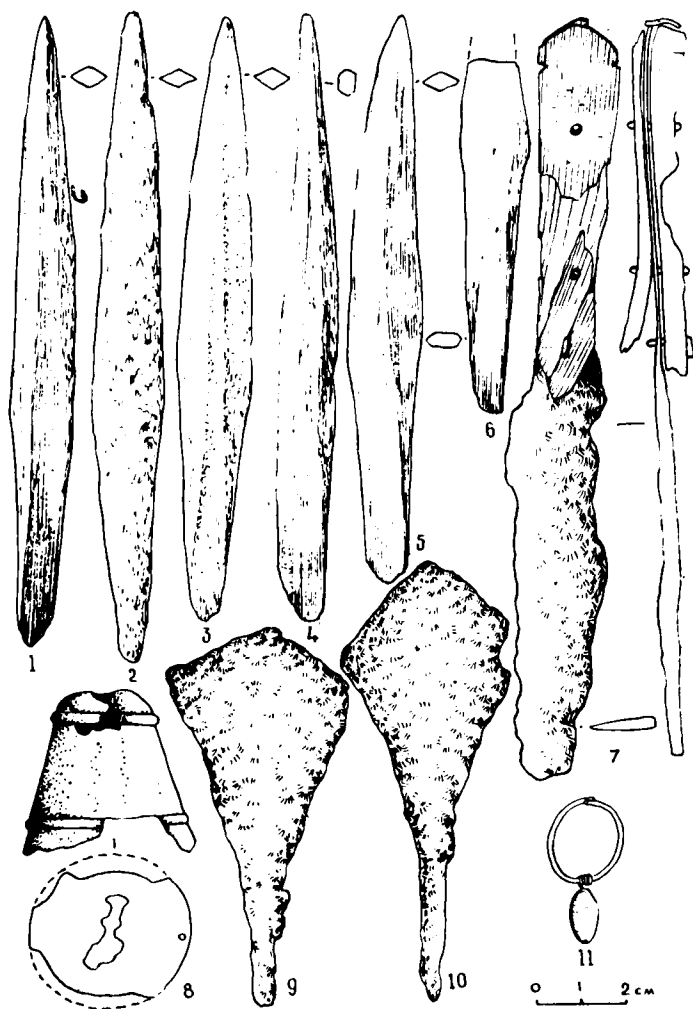

Рис. 37. Козюлинский курганный могильник. Предметы из кургана 12: 1—7, 10 — погребения 2: 8, 11 — погребения 1

Курган 21. Размер $3,4 \times 3,7$ м. Высота насыпи с восточной стороны 86 см, с остальных до 15.

Погребение располагалось почти в центре кургана на древней дневной поверхности. Размер 146×33 см. Костяк лежал вытянуто, головой ориентирован на ЮВ. Сохранность плохая, многие кости отсутствуют. В ногах погребенного стоял сосуд русского типа (рис. 41—1).

Курган 22. Размер $3,5 \times 3,5$ м. Высота с северной стороны 85 см, с остальных до 44 см.

Погребение располагалось на погребенной почве. Размер 142×51 см. Женщина около 25 лет, лежала вытянуто на спине, руки слегка

согнуты в локтях, головой на ЮВ. С правой стороны костяка прослежены остатки обкладки, видимо, была поставлена на ребро плаха. Толщина ее 2—3 см. Место погребения обожжено. Костяк сохранился не полностью. С погребенной найдены: у левой стопы — каменное напрясло (рис. 40—5), у костей таза — бронзовая подвеска и железная трубочка (рис. 40—4,6).

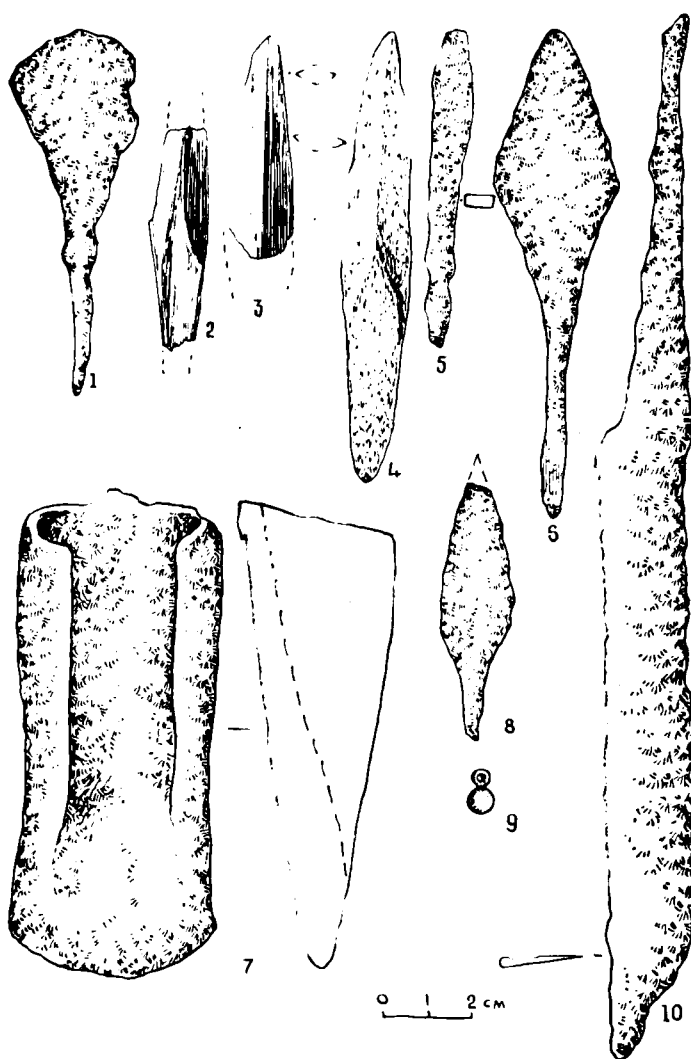

Рис. 38. Козюлинский курганный могильник. Предметы из курганов: 1—3—13, 4—10—14

Курган 23. Размер $3,5 \times 4$ м. Высота кургана 40—50 см. При снятии насыпи обнаружена керамика (рис. 40—9).

Погребение. Размер 152×52 см. Женщина 25—30 лет лежала на погребенной почве, на спине, головой на ЮВ. Выше костяка на 10 см была обнаружена кость животного. С погребенной найдены: с правой стороны черепа — железное кольцо (рис. 40—7), справа у ребер — часть каменной трубки (рис. 40—8), на кости таза — голубая бусина и черная пуговица. У ребер слева — железный предмет.

Курган 24. Размер $3,7 \times 4$ м. Высота с северной стороны 1 м, с остальных 10—48 см.

Погребение располагалось почти в центре кургана, на погребенной почве. Размер 172×47 см. Мужчина около 40 лет положен вытянуто, на спину, головой ориентирован на ЮВ. Сохранность костяка очень плохая. С умершим найдены: у нижней челюсти с левой стороны — кукла, сделанная из шерстяных ниток, внутри ее бронзовая пластинка; костяной наконечник стрелы и брусок (рис. 41—3, 4), у правой руки — железный нож (рис. 41—7), часть кресла (рис. 41—8), остатки железного предмета, еще один железный нож, обломки перстня. В ногах умершего были два костяных наконечника стрел (рис. 41—5, 6), железный наконечник стрелы (рис. 41—9), железное тесло (рис. 41—2) и сосуд (рис. 41—10).

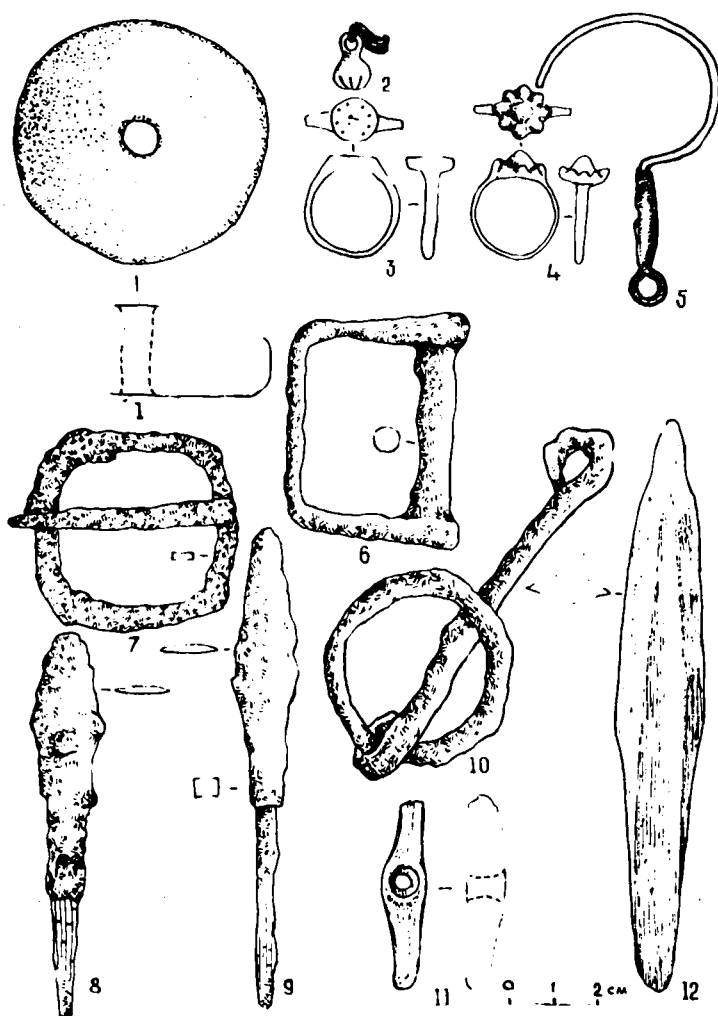

Рис. 39. Козюлинский курганный могильник. Предметы из курганов: 1—5—15, 6—12—16

Курган 25. Размер 4,6×5,5 м. Высота 20—40 см. При снятии насыпи найдена челюсть животного. В кургане зафиксировано два погребения.

Погребение 1 располагалось на глубине 10 см от современной поверхности. Захоронен детский череп (6—8 лет).

Погребение 2 располагалось почти в центре кургана, на погребенной почве. Размер 160×46 см. Мужчина 30—35 лет положен на

спину, в вытянутом положении, головой ориентирован на ЮВ. Погребение нарушено корнями деревьев. С ним найдены: у левого виска и под нижней челюстью две оловянные пластинки, у тазовой кости с левой стороны и у бедренной кости обнаружены 4 костяных наконечника стрел (рис. 42—1—4), в области позвоночника — 6 пуговиц.

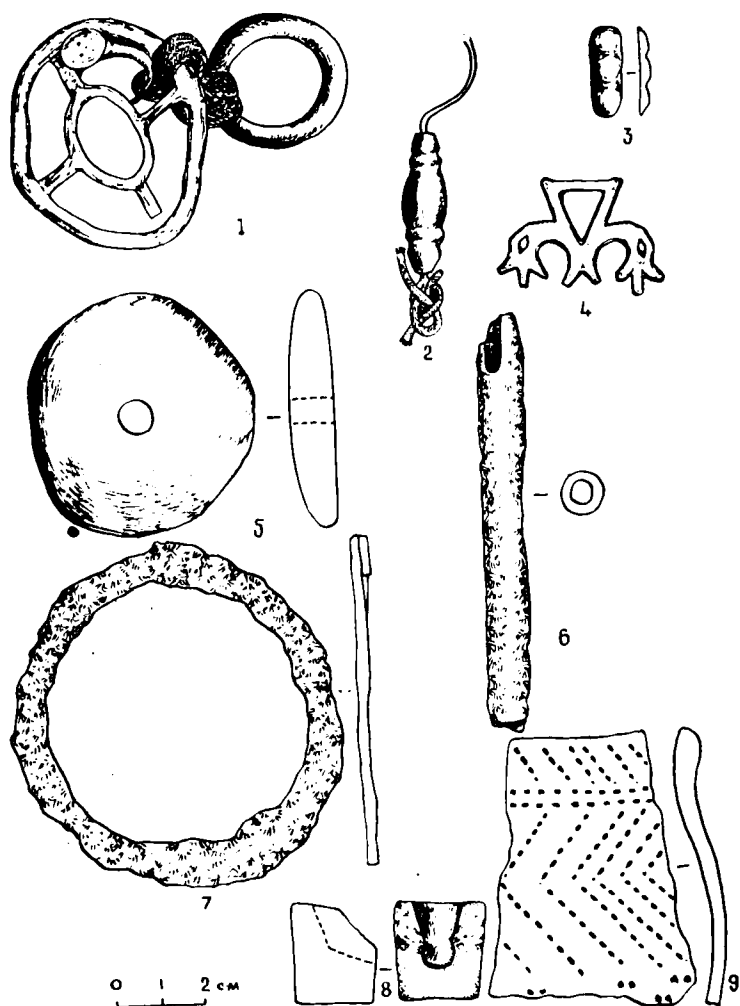

Рис. 40. Козюдинский курганный могильник. Предметы из курганов: 1—3—20; 4—6—22; 7—9—23

Курган 26. Размер 4,6×5 м. Высота 30—60 см. В насыпи кургана найдена челюсть животного.

Погребение располагалось на погребенной почве. Размер 225×68 см. Оно имело обкладку, в качестве которой использована расколотая надвое береза, неочищенная, сохранился даже сук. Ширина обкладки 8—17 см. За головой умершей положены поперечные плашки. Обкладка обожжена. Женщина 20—25 лет положена на спину, вытянуто, головой ориентирована на ЮВ. Кости рук ниже локтей обожжены. Обожжение произведено на месте погребения. С умершей найдены: у черепа — серьги (рис. 42—5, 6), бусы и бисер, под нижней челюстью — наперсток (рис. 42—7). Бусы и бисер обнаружены при расчистке погребения в разных частях: за головой, в области грудной клетки, в но-

гах. За черепом с правой стороны найдено напрясло (рис. 42—8). Умершая лежала на бересте и была покрыта ею.

В северо-восточном секторе на уровне погребения, в 50 см от него к СВ зафиксировано небольшое пятно с леплом. Диаметр пятна 40 см, мощность 2—3 см.

Курган 27. Размер $4,7 \times 4,4$ м. Высота с северной стороны 65 см, с остальных 20—45 см. При снятии обнаружены бабка и кость животного.

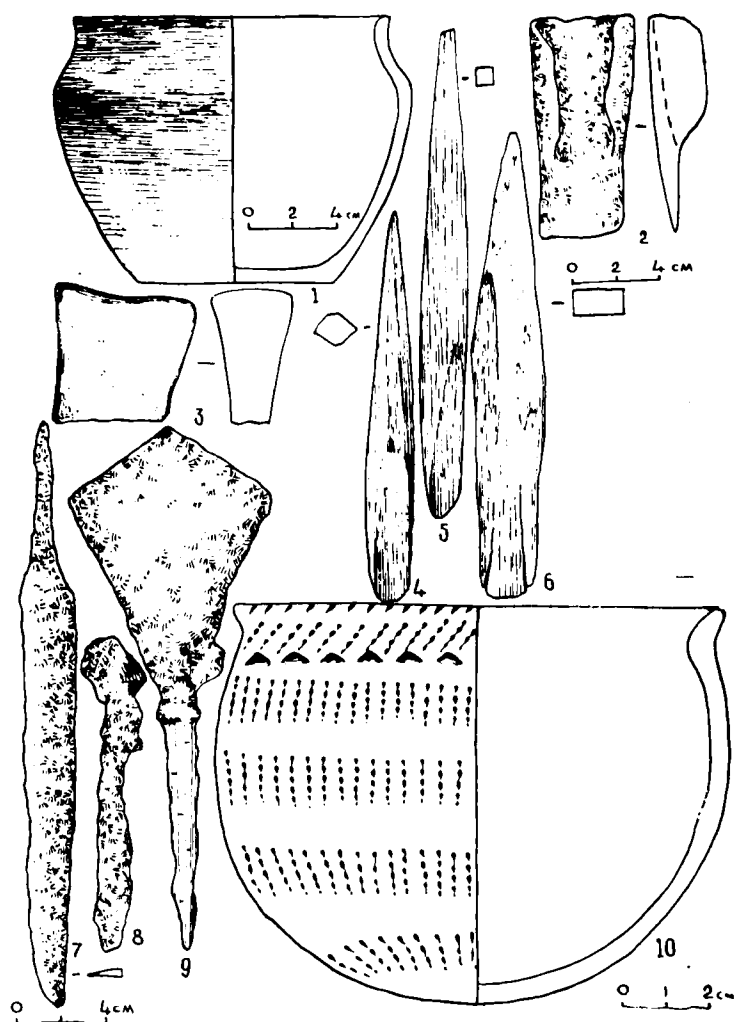

Рис. 41. Козюлинский курганный могильник. Предметы из курганов: 1—21, 2—10—24

Погребение. Размер 167×47 см. Расположено на погребенной почве. Женщина 25—30 лет положена на спину, головой на ЮВ. Сохранность костяка плохая. С ней найдены: в полости рта — серебряная монета, достоинством 1 к.; у левой берцовой кости — 4 костяных наконечника стрел (рис. 42—10—13) и удила (рис. 42—9).

Курган 28. Размер $4,4 \times 5,4$ м. Высота 20—65 см.

Погребение располагалось на погребенной почве. Размер 164×40 см. Мужчина 25—30 лет положен на спину, правая рука согнута в локте и лежала на костях таза. Сохранность плохая. С погребенным

найлены: в области костей таза — обломок железного предмета и железный нож очень плохой сохранности.

Курган 29. Размер кургана 4,5×4,7 м. Высота 30—40 см. При снятии насыпи найдена керамика.

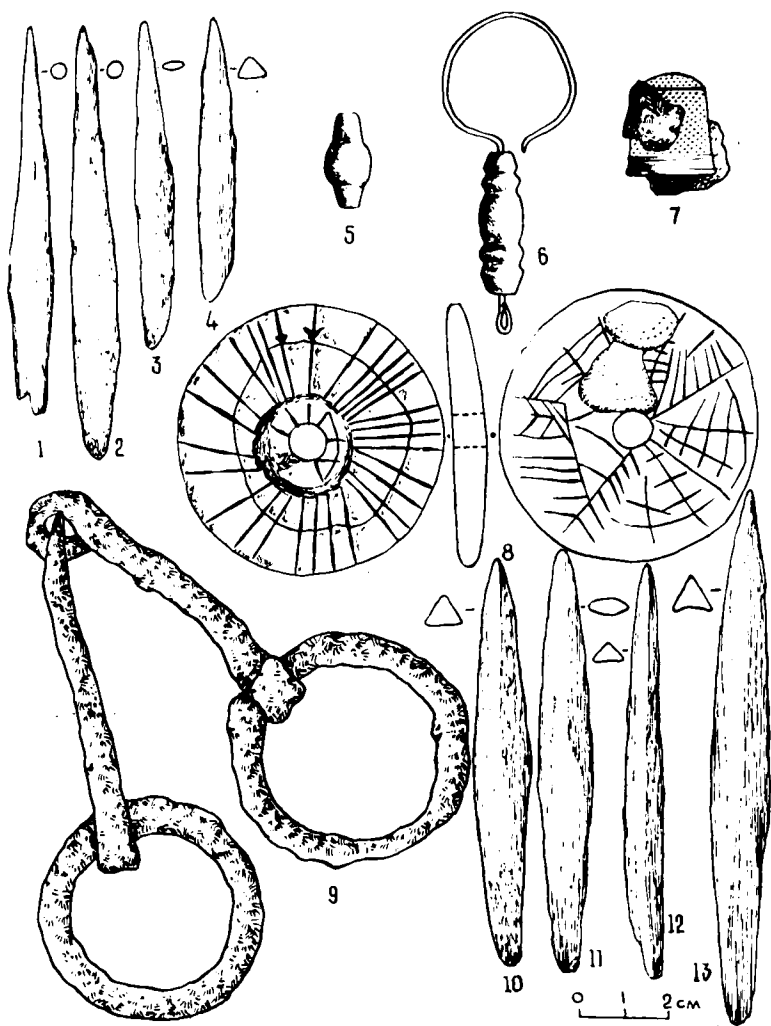

Рис. 42. Козюлинский курганный могильник. Предметы из курганов: 1—4—25, 5—8—26; 9—13—27

Погребение располагалось в южной части кургана на погребенной почве. Размер его 80×25 см. Ребенок 8—9 лет положен на спину, головой ориентирован на СЗ. Сохранность костяка плохая. С умершим найдены два костяных наконечника стрел.

Курган 30. Возможно, два слившихся кургана. Размер раскопа 7,6×4—4,25 м. Высота 30—45 см. При снятии насыпи обнаружена челюсть животного. В раскопке выявлено два погребения, расположенные на погребенной почве.

Погребение 1 расположено в западной части раскопа. Размер 155×47 см. Мужчина около 40 лет был положен на спину, в вытянутом положении, головой ориентирован на ЮВ. Отсутствовали кости грудной клетки. С погребенным были найдены: у кости таза с левой стороны — железный нож в ножнах, у кисти правой руки — 2 костяных на-

конечника стрел, у берцовой кости левой ноги — три костяных наконечника стрел, у правой ключицы — серебряная монета с отверстием, достоинством 1 к.

Погребение 2 располагалось в восточной части кургана. Размер 192×142 см. Захоронены двое, трупосожжение, произведено на месте погребения. Над костяком II прослеживалась сильно прокаленная земля в области тазовых и бедренных костей. Мощность прокала 8—

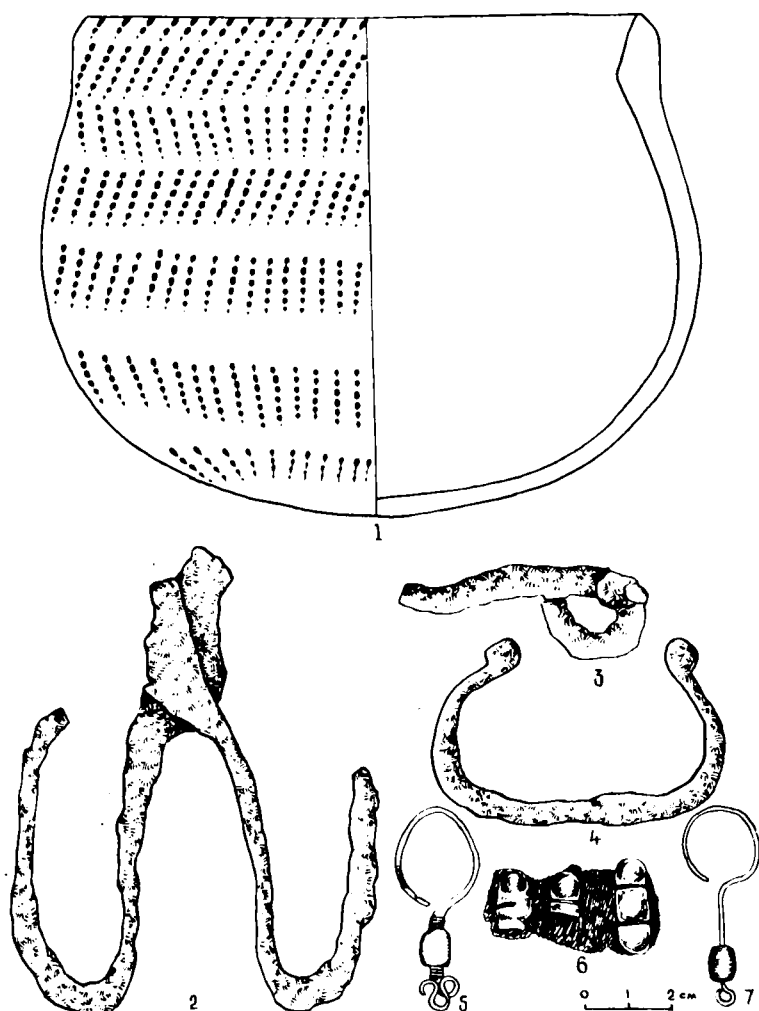

Рис. 43. Козюлинский курганный могильник. Предметы из курганов: 1—30, погребения 2; 2—7—31

10 см. У костяка 1 с правой стороны выявлена сгоревшая обкладка из плашек толщиной 1,5—2 см, шириной 5—7 см. Под умершими была постелена береста. Оба костяка положены на спину, в вытянутом положении, правая рука костяка 1 положена на кость таза. Оба черепа сильно раздроблены, хотя обожжены не сильно. Антропологически определен костяк II — женщина 20—40 лет. При погребенных были найдены: у костяка 1 — железный нож, у берцовой кости правой ноги — обломки костяных наконечников стрел. В ногах костяка II стоял сосуд и лежали три птичьих кости (рис. 43—1).

Курган 31. Размер 4,6×4 м, высота 35—60 см. При снятии насыпи найдены фрагменты черепа и серьги (рис. 44).

Погребение обнаружено почти в центре кургана на погребенной почве. Размер 166×67 см. Захоронены женщина 30—35 лет и ребенок 1—2 лет. Умершие были положены на берестяную подстилку, края которой были загнуты. Костяки обожжены на месте. Оба костяка положены на спину, в вытянутом положении, головой ориентированы на ЮВ. У женщины левая рука согнута в локте и лежала на костях таза. Череп ребенка раздроблен, сохранились плечевые кости, несколько ребер и фрагменты костей ног. Сверху погребенные были накрыты берестой. С погребенными были найдены: на шейных позвонках — украшение, состоящее из бронзовых тройчаток, нашитых на ткань (рис. 43—6), в области детского черепа — бронзовые серьги (рис. 43—5, 7), здесь же серебряная монета, на правой руке женщины — железный браслет (рис. 43—4), в 20 см от берцовой кости правой ноги — ножницы (рис. 43—2), в ногах детского скелета — остатки от железного предмета (рис. 43—3).

Курган 32. Размер 4,8×4,5 м, высота 40—50 см.

Погребение располагалось на погребенной почве. Костяк положен на спину, головой ориентирован на ЮВ. Захоронен подросток 14—16 лет. Прослежена обкладка. С погребенным найдены: перстень (рис. 45—3), напрасло, наперсток, две бусины (рис. 45—1, 2, 5, 6), железная пряжка (рис. 45—4), железная накладная пряжка с железной пластиной (рис. 45—8, 13), удила с железными крюками, крепившимися к ремню узды (рис. 45—10).

Курган 33. Размер кургана 4×4,5 м, высота 35—40 см. При снятии насыпи найден кусок железного шлака.

Погребение располагалось почти в центре кургана, на материке. Женщина 25—30 лет положена на спину, головой на ЮВ. При ней найдены: у черепа с правой стороны черно-белая бусина, жетон, бусы и кусочек ткани, у правой лопатки — железное кольцо, у локтевой кости правой руки — две синие бусины. У черепа с левой стороны — серьга и бусы, у локтевой кости левой руки — железный нож и железная цепочка.

Курган 34. Размер кургана 3,4×4,7 м, высота до 50 см.

Погребение располагалось на материке, в юго-западной части кургана. Женщина 40—50 лет, положена на спину, в вытянутом положении, головой на ЮВ. Костяк нарушен корнями деревьев, сдвинуты кости правой руки. Длина костяка 130 см. Возможно у погребенной была деревянная обкладка, впоследствии подожженная, что прослеживается по кусочкам углей. Угли были и под погребением, видимо, было обожжено место погребения, а затем положена умершая. С погребенной были положены: под черепом — две бронзовые серьги с кусочками бересты и ткани, в области таза — бронзовая пуговица, у бедренной кости левой ноги — перстень с гладким щитком, у ступней ног — металлическая бляшка, на обкладке — фрагменты керамики.

Курган 35. Размер 3,55×3,9 м, высота 30—60 см. В западной части кургана выявлена грабительская яма размером 1,1×1,15 м, глубиной до 50 см. В северо-западной части кургана на погребенной почве обнаружено погребение, ориентированное головой на ЮВ. Погребенный положен на спину, в вытянутом положении. Кости грудной клетки, кисти рук и левая ступня не сохранились. С погребенным найдены: три бронзовые бляшки, у локтевой кости правой руки — железный нож в ножнах (береста с деревом) (рис. 45—7, 9, 12).

Курган 36. Размер 3,15×3 м, высота 25—30 см. При снятии насыпи обнаружены серебряная монета и голубая бусина.

Погребение располагалось в центре кургана на погребенной почве. Захоронен ребенок около 2 лет. Сохранность очень плохая. Раз-

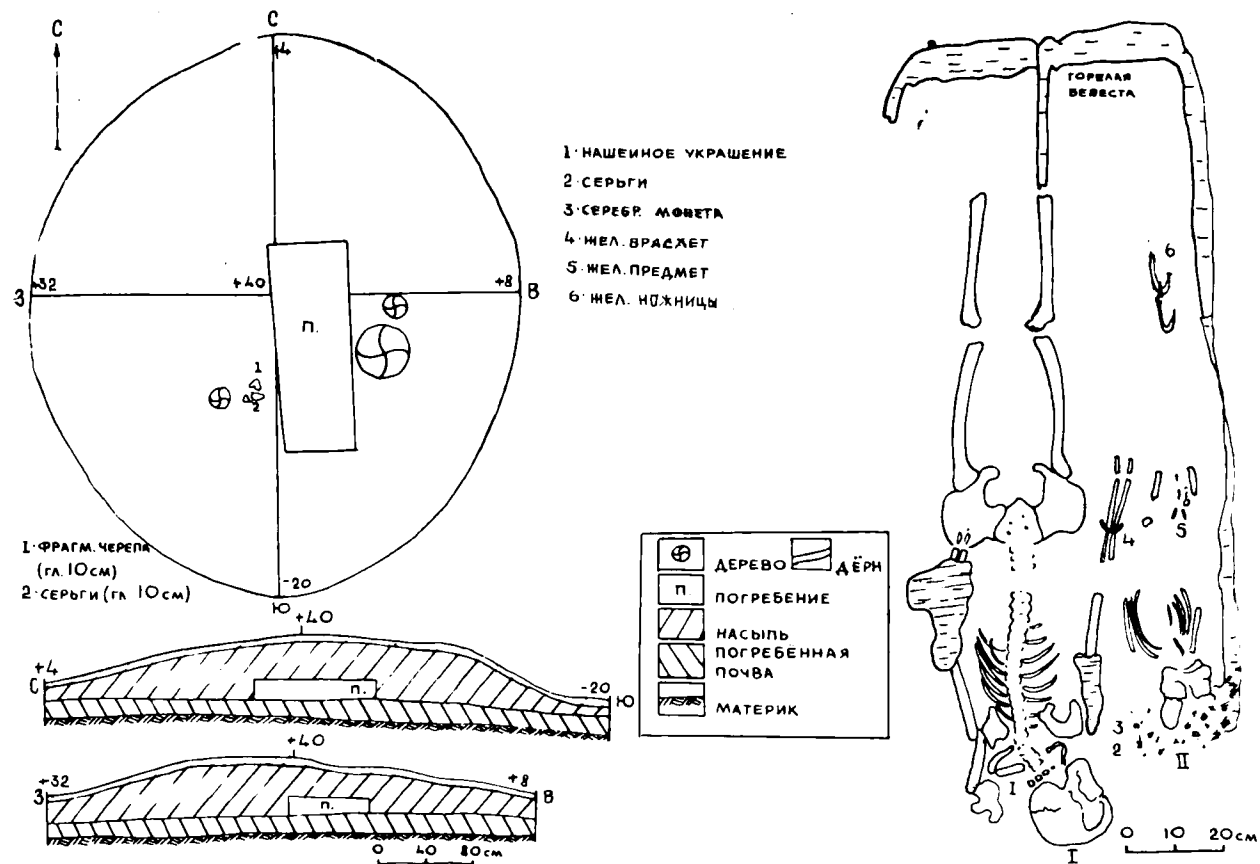

Рис. 44. Козюлинский курганный могильник. Курган 31. План, разрезы и погребения

мер погребения 65×35 см, головой ориентирован на ЮЗ. С умершим были найдены: серьга (рис. 45—11), бронзовые пуговицы (рис. 45—15—17), у костей таза с левой стороны — монета, часть жетона и бляшка-тройчатка; в области груди — плохо сохранившийся железный предмет.

Курган 37. Размер 4,8×6 м, высота 50—55 см. С юго-западной стороны прослеживалась яма, из которой была взята земля для насыпи. Ее размер 2,7×1,6 м, глубина 40 см. При снятии насыпи найдены фрагменты керамики и бронзовая пуговица. На погребенной почве были обнаружены два погребения, ориентированные головой на ЮВ.

Костяк 1. Захоронен ребенок 3—4 лет. Вдоль погребения зафиксирована обкладка из дерева, в ногах она закреплена колышками. Размер с обкладкой: 132×50 см, длина костяка 74 см. С ребенком положены: у черепа с правой стороны — серьга, две монеты, у нижней челюсти — подвески-пуговицы (рис. 46—2), под черепом с этой же стороны — бисер и бусы, с левой стороны — три монеты, среди ребер — два перстень, бусины и бисер, у бедренной кости правой ноги — еще один перстень, у бедренной кости левой ноги с внутренней стороны — наперсток. В ногах в правом углу обкладки был поставлен сосуд. На расстоянии 80 см к ЮЗ расположен костяк 2. Захоронен мужчина 30—35 лет. Оба костяка лежат на одном уровне, что наводит на мысль об одновременном захоронении. Длина костяка 167 см. Он положен на спину в вытянутом положении. Отсутствуют кисть левой руки и некоторые кости стоп, а также несколько позвонков. С ним были предметы: с левой стороны черепа — серебряная монета, у левой лопатки — еще одна монета; у плечевой кости левой руки — курительная трубка (рис. 46—1), у тазовой кости — кресало (рис. 46—3), в ногах — монета.

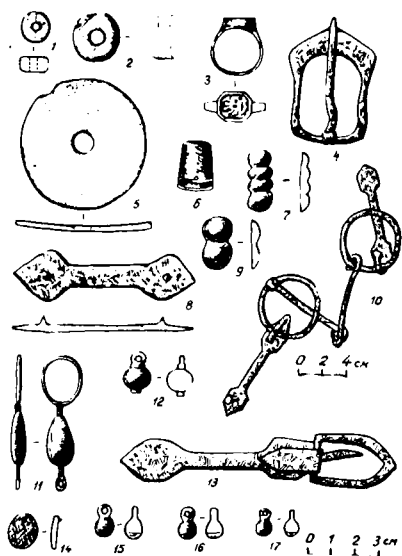

Рис. 45. Козюлинский курганный могильник. Предметы из курганов: 1—6, 8, 10, 13—32; 7, 9, 12—35; 11, 14—17—36

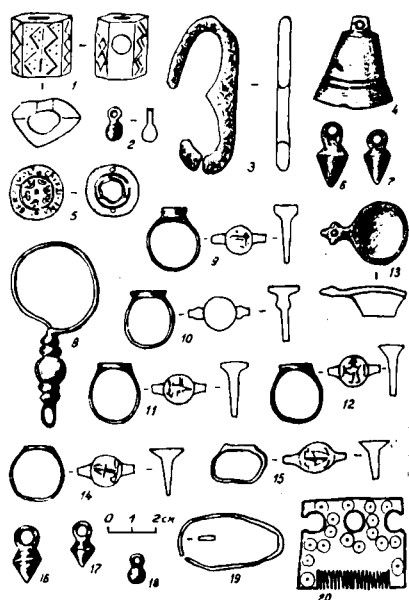

Рис. 46. Козюлинский курганный могильник. Предметы из курганов: 1—3—37, 4—19—43

Курган 38. Размер кургана 3×3,3 м, высота 30—35 см.

Погребение располагалось в северо-западной части кургана в погребенной почве. Размер его 175×50 см, длина костяка 175 см. Муж-

чина около 50 лет положен вытянуто на спине, правая рука согнута, в локте, кисть правой руки под тазом. Ориентирован головой на ЮВ. С погребенным найдены: у черепа с правой стороны — серьга, с левой — монета и оловянные украшения, среди ребер с правой стороны — камень, у правой кисти — железный нож, целый жетон и часть другого. В ногах с правой стороны стоял сосуд.

Курган 39. Размер $3,9 \times 4,3$ м, высота до 50 см. В центре кургана на погребенной почве выявлено погребение, ориентированное головой на ЮВ. Размер погребения 180×47 см, длина костяка 154 см. Женщина 30—35 лет положена на спину, в вытянутом положении, руки слегка согнуты в локтях. Сохранность плохая. С умершей были положены: у черепа с правой стороны — серебряная монета, бронзовая серьга с подвеской, такая же серьга с левой стороны черепа. В области грудной клетки — три бронзовые двухчастные бляшки, серебряная монета, пуговица и бляшка из белого металла. В ногах — бляшка-тройчатка и раздавленный сосуд.

Курган 40. Размер $3,7 \times 4$ м, высота 30 см. Почти в центре кургана, в погребенной почве найдена бронзовая втулка конусовидной формы с остатками обвязки — веревочки. На этом же уровне выявлены угли. Костяк отсутствовал.

Курган 41. Размер $2,8 \times 2,8$ м, высота 30 см. В нем ничего не найдено.

Курган 42. Размер $4,3 \times 4,3$ м, высота 45 см.

Погребение обнаружено на погребенной почве. Умерший был положен вытянуто на спине, головой ориентирован на ЮВ. Длина костяка 132 см. Он обожжен, кости растрескались, многие отсутствуют. Под погребением прослежено пятно обожженной земли размером $1,9 \times 1,05$ м, в ногах — два деревянных столбика, между ними угли. Один столбик обнаружен за черепом, длина его 11 см, на 7 см он был забит в землю, диаметр 5 см, нижний конец приострен. Столбики, видимо, ограничивали место погребения. В ногах, возможно, была обкладка. У берцовой кости левой ноги обнаружены кусочки бересты. С погребенным положены: у левой плечевой кости — железная пластинка, видимо, остатки от кресала, здесь же — два кремня. Выше погребения на 10 см — два фрагмента керамики.

Курган 43. Размер $3,6 \times 3,6$ м, высота 35 см. На погребенной почве обнаружено коллективное детское погребение. Захоронено двое детей, возраст около 5 лет. Размер погребения $1,33 \times 0,75$ м. Ориентированы головой на ЮВ. Положены вытянуто на спину. С погребенными найдено большое количество предметов. Первый костяк I: у черепа с левой стороны — колокольчик с железным язычком (рис. 46—4), жетон с остатками кожи (рис. 46—5). С левой стороны черепа — серьга с подвеской (рис. 46—8), серебряная монета; с правой стороны черепа — бронзовая пуговица (рис. 46—6), раковина, у теменной кости — жетон (рис. 47—2), у ушного отверстия — оловянное украшение, бронзовая пуговица — подвески (рис. 46—7), с этой же стороны у нижней челюсти — два бронзовых перстня (рис. 46—9—10), у плечевой кости с правой стороны обнаружены два бронзовых перстня с рисунками на печатках (рис. 46—11—12), две бронзовые пуговицы, два перстня (рис. 46—14—15), бронзовый предмет, бронзовый гребешок (рис. 46—13, 20). Ниже плечевой кости — оловянный браслет (рис. 46—19). В области грудной клетки положены оловянные украшения, бисер с остатками кожи, две бронзовые пуговицы (рис. 46—16, 17), бронзовая подвеска — пуговица (рис. 46—18), бронзовый перстень, оловянное колечко, бронзовый предмет, у правой локтевой кости — еще два перстенька (рис. 47—1, 3). У второго костяка предметов значительно меньше: у нижней челюсти — серьга с отломанным концом, оловянная спиралька, оловянная пластинка, на левой руке — оловянный браслет (рис. 47—4). У бед-

ренной кости левой ноги — две оловянные пластинки, у правой ноги — оловянная пластинка. При снятии черепа первого костяка найдены жетон и две пластинки. В черепе второго костяка была серебряная монета.

Курган 44. Размер $3,6 \times 4,1$ м, высота 30 см. На материке зафиксировано трупосожжение на месте. Костяк положен на спину, вытянуто, ориентирован головой на ЮВ. Погребенный лежал на берестяной подстилке, с трех сторон был обложен деревом: вдоль костяка положены рубленные повдоль нетолстые деревья. Длина обкладки с левой стороны 178 см, с правой — 140 см. В ногах поставлена вертикально доска, ширина ее 18 см. Кроме того, углы располагались между костями скелета, вероятно, костяк был накрыт продольно жердями (?). С умершим обнаружены: над черепом — напояло, у черепа — серьга и монета, в ногах — растрескавшийся сосуд и монета.

Курган 45. Размер $3,8 \times 4,2$ м, высота 40—55 см.

Погребение располагалось в западной части кургана на погребенной почве. Размер его 180×100 см. Погребены двое. Оба костяка положены вытянуто на спине, ориентированы головой на ЮВ. Сохранность плохая.

Костяк 1. Захоронена женщина 16—18 лет. С ней были найдены: у черепа — серьга, на шее ожерелье; у костей левой руки — голубые бусы, железная цепочка, бронзовый браслет, серьга и бусы, у ступни левой ноги — железный предмет, ниже ног на 20 см — раздавленный сосуд. Костяк 2 находился на расстоянии 35—40 см к югу от костяка 1. У черепа найдены кусок горючего сланца и серьга.

Курган 46. Размер $4,8 \times 4,8$ м, высота 40—50 см. Погребение располагалось в центре кургана, вытянуто на спине, головой на ЮВ. Размер погребения 160×40 см. Над погребением взрослого положен детский череп.

С умершим найдены: у запястья правой руки — железная пластинка — кресало и кремь, на фаланге правой руки — перстень с печаткой, у бедренной кости правой ноги бронзовая бляшка, под костями детского черепа бронзовая подвеска, у таза с левой стороны железный нож, у бедренной кости левой ноги железная скоба, здесь же часть железного предмета, между ног — железный крючок, у правой стопы — часть разрушенного сосуда.

Курган 47. Размер $3,4 \times 4,75$ м, высота 40—55 см. Погребение располагалось почти в центре кургана на погребенной почве. Размер погребения 160×47 см, длина костяка 160 см. Женщина 25—30 лет положена вытянуто на спину, головой на ЮВ. С ней были найдены: с правой стороны черепа — две серьги (рис. 47—5, 16), у нижней челюсти — две монеты, бронзовая тройчатка (рис. 47—7), монета, ниже и выше левой ключицы — бронзовые пуговицы — подвески (рис. 47—8), под ребрами — три такие же пуговицы-подвески, (рис. 47—11, 12), у костей левой руки — две бронзовые спиральки, монета; на запястье — бронзовый браслет (рис. 47—15), у таза с левой стороны — два кольца (рис. 47—9, 10), на правой руке кольцо (рис. 47—13). В области правой ноги — монета, железные шарнирные ножницы (рис. 47—14), костяная проколка, разбитое зеркало.

Курган 48. Размер $3,6 \times 3,6$ м, высота 45 см. Почти в центре кургана на погребенной почве обнаружено погребение. Видимо, была обкладка, углы зафиксированы у плечевой кости. Размер погребения 164×80 см. Длина костяка 160 см. Костяк лежал на спине вытянуто, левая рука несколько отодвинута влево. Кости сохранились не все. С погребенным найдено: в области грудной клетки — бронзовая пуговица (рис. 48—1), ниже ее — бронзовая серьга (рис. 48—5), против локтевой кости правой руки — наперсток (рис. 48—2), ниже — бронзовая колесовидная подвеска (рис. 48—3).

Курган 49. Размер кургана $3,1 \times 5,4$ м, высота 65—80 см. С юго-западной и северо-восточной сторон кургана зафиксированы ямы, откуда брали землю для насыпи. В одной из них найдено скопление костей. В насыпи кургана в нескольких местах найдены кости животных, челюсти, череп и отдельные зубы лошади.

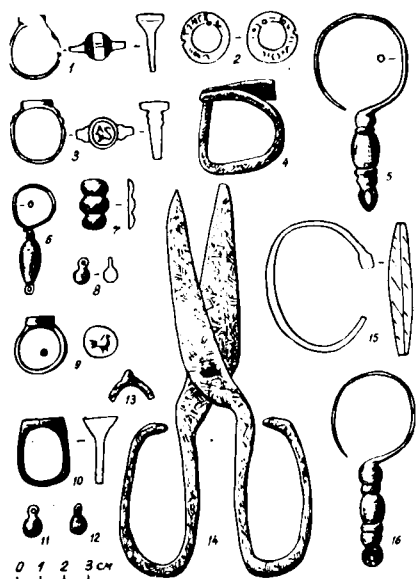

Рис. 47. Козюлинский курганный могильник. Предметы из курганов: 1—4—43, 5—16—47

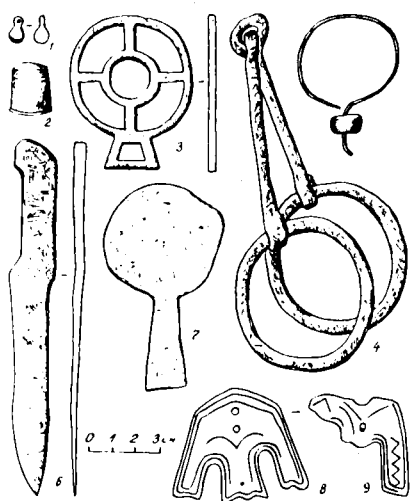

Рис. 48. Козюлинский курганный могильник. Предметы из курганов: 1—3, 5—48; 4, 6—50; 7—9—66

Погребение обнаружено почти в центре кургана. Размер погребения $2,45 \times 1$ м. Погребенный имел обкладку с трех сторон (по продольным сторонам и в ногах). Сверху был накрыт плахами. Умерший мужчина 45—50 лет был положен вытянуто на спину, руки слегка согнуты в локтях. Кости плохой сохранности, многие отсутствуют. Ориентирован головой на ЮВ. С умершим положены: у затылочной кости черепа — серебряная монета, у нижней челюсти и у правой ключицы — по серебряной монете. В области грудной клетки — пуговицы, у правой руки — костяное навершие лыжного посоха, ниже — железный нож в деревянных ножнах, бронзовая пуговица и монета, справа от ножа — перстень, у правой бедренной кости — кресало с кремешком, здесь же пуговица, у левой бедренной кости — железная пряжка и пластинка, железный крючок, ниже — 5 железных и 2 костяных наконечников стрел; у правой ступни — удила, левее их — бабка животного и две бронзовые пластинки. На уровне погребения расчищены два пятна обожженной земли с западной стороны погребения (размер 60×75 м, толщина 4 см) и с восточной (размер 30×40 см, толщина 10—12 см).

Курган 50. Диаметр 4,6 м, высота до 60 см. В западной части на погребенной почве обнаружено погребение. Размер его 185×45 см, длина костяка 170 см. Мужчина 40—50 лет лежал вытянуто на спине, головой на ЮВ. Некоторые кости скелета сдвинуты корнями деревьев. Под погребением прослеживались угли: между ног, между костями таза и ребрами. С ним были положены: под черепом — монета, у костей предплечья правой руки — железный нож (рис. 48—6), у ступни правой ноги — двое удил (рис. 48—4; рис. 50—5), ниже ступни — железное кольцо.

Курган 51. Размер $3 \times 2,8$ м, высота 30 см. При снятии насыпи

в западной части кургана выявлено скопление зубов лошади. Погребение не обнаружено.

Курган 52. Диаметр 5 м, высота 60—90 см. В насыпи в юго-западном секторе найден сосуд. В кургане обнаружено три погребения.

Погребение 1 располагалось в насыпи северо-восточной части кургана на глубине 40—50 см. От погребения сохранились зубы и фрагменты от костей ребенка, сосуд, бронзовая чашечка, которая была в берестяном чехле и в шкурке собаки. Размер погребения 50×50 см.

Погребение 2 обнаружено в этой же части кургана, у самой полы, на глубине 10—15 см. От погребенного сохранились фрагменты черепа, часть плечевой кости правой руки и предметы: пуговица, бронзовая пластинка, сосуд, в нем — бронзовая пластинка. Размер погребения 90×24 см. Погребение ориентировано по линии СЗ—ЮВ, предположительно головой на ЮВ.

Погребение 3 расположено в южной части кургана, на погребенной почве на глубине 70—75 см от современной дневной поверхности. Погребенный ориентирован головой на СЗ, положен вытянуто на спину. Сохранность хорошая. С ним найдены: у бедренной кости правой ноги — железный крючок, бронзовый перстень, ниже — четыре костяных и один железный наконечники стрел; между ног — пришитые на ткани 6 подвесок «крыжовника», у ступни — еще один «крыжовник» и полушарная бронзовая нашивка.

Курган 53. Размер 5×5,3 м, высота 60 см.

Погребение располагалось в западной части кургана на материке. Размер погребения 175×47 см. Женщина 20—25 лет положена вытянуто на спине, головой на ССВ. Сохранность хорошая, кости лежали в анатомическом порядке. Длина костяка 175 см. Под костяком прослежена обожженная кора и пятно обожженной земли.

Курган 54. Размер кургана 4,8×4,2 м, высота с северной стороны 115 см, с остальных — 30 см. В кургане обнаружен череп женщины 18—20 лет и бронзовый предмет в форме усеченного конуса, полый внутри.

Курган 55. Размер кургана 4×4,1 м, высота 30—35 см, с северной стороны — 55 см.

Погребение обнаружено почти в центре кургана на погребенной почве. Размер погребения 130×28 см, длина костяка 109 см. Ребенок 7—9 лет положен вытянуто, на спину, головой на ВСВ. Сохранность плохая, многие кости отсутствуют. С умершим найдены: с правой стороны черепа — две бусины, серьга, у нижней челюсти — оловянная пластинка, между ребрами — оловянный шарик, против тазовой кости две железные пластинки, в ногах поставлен сосуд.

Курган 56. Диаметр 7,1 м, высота до 75 см. Размер грабительской ямы 1,7×1,5 м. Глубина 1 м. Она нарушила погребение. На разной глубине в перемешанной земле встречались кости человека.

Курган 57. Размер 4,1×5,6, высота 50 см. В юго-восточной части насыпи на глубине 35 см от дневной поверхности обнаружены две обгорелые доски. Длина их 1,1 м, ширина 10 и 15 см, толщина 1 см. Вытянуты с З на В. С западной стороны у досок прослежено пятно обожженной земли диаметром 40 см, мощностью 6—10 см. Костяк не обнаружен.

Курган 58. Размер 3,8×4,7 м, высота 40 см. В центре кургана на погребенной почве выявлено погребение, ориентированное головой на ЮВ. Место погребения было обожжено, размер обожженной площадки 2,7×1,3—1,4 м. Мужчина 40—45 лет лежал на спине, вытянуто. Корни дерева несколько нарушили положение костяка. С умершим найдены: пуговица, у левой бедренной кости обнаружен сильно коррозированный железный предмет. Вокруг костяка встречались мелкие фрагменты керамики.

Курган 59. Размер 2,8×2,7 м, высота 30 см. В центре кургана

была грабительская яма размером 55×65 см, глубина на поверхности 20 см. В этом кургане зафиксировано трупосожжение на месте. Умерший был положен на погребенную почву, на берестяную подстилку, головой ориентирован на В. Костяк лежал на спине, в вытянутом положении. Погребение нарушено грабительской ямой в области таза и ног. Размер погребения 170×64 см.

Курган 60. Размер 4,2×3,8 м, высота 35 см.

Погребение располагалось почти в центре кургана на материке, размер погребения 150×32 см. Захоронена женщина 50—60 лет. Кости сохранились не все. С ней найдены: у височной кости — оловянный предмет, у челюсти — бронзовая пуговица.

Курган 61. Размер кургана 2,8×3 м, высота 35 см.

Погребение располагалось в юго-западной части кургана на материке. Размер погребения 90×30 см. Длина костяка 85 см. Ребенок около 5 лет положен на спину, вытянуто, головой на ЮВ. С ним найдены: у черепа — бусина, бронзовая пластинка с отверстием, оловянный предмет, в черепа — две голубые бусины, в области таза — бронзовая пуговица. С левой и с правой сторон костяка и в ногах прослежены ямки от столбиков, видимо, место погребения было огорожено.

Курган 62. Размер 6,5×6,6 м, высота 80—100 см. К кургану прилегают две ямы, оттуда бралась земля для насыпи. Размер ям: юго-западной — 3×2,2 м, глубина до раскопок 20 см, северо-восточной — 2,6×1,8 м, глубина 15 см. В кургане выявлено два погребения.

Погребение 1 располагалось в насыпи кургана на глубине 30 см от современной дневной поверхности. Мужчина 45—50 лет лежал вытянуто на спине, головой ориентирован на ЮВ. Черепа нет. Руки положены на костях таза (возможно они были связаны).

Погребение 2 располагалось в центре кургана, в погребенной почве. Размер погребения 190×50 см. Длина костяка 173 см. Мужчина 50—60 лет положен на спину вытянуто на берестяную подстилку. Многие кости скелета отсутствуют. У стопы левой ноги положено 5 костяных и 1 железный наконечник стрелы.

Курган 63. Размер 4,7×5 м, высота 40 см.

Погребение обнаружено почти в центре кургана, на погребенной почве. Женщина 30—35 лет положена на спину вытянуто, головой ориентирована на ЮВ. Сохранность плохая. С умершей положены: у головы с левой стороны — сосуд, у плечевой кости левой руки — серьги, голубая бусина, у костей таза с левой стороны — три голубые бусины, с правой — железный нож, голубая бусина, железный 4-гранный предмет.

Курган 64. Размер 4×4,2 м, высота 40 см.

Погребение обнаружено в центре кургана на погребенной почве. Сохранность плохая. Женщина 25—30 лет положена на спину, вытянуто, головой ориентирована на СВ. С умершей были положены: в области таза — кожаный пояс с бронзовыми и железными накладками, у левой бедренной кости — железный нож, у левой ноги пять костяных наконечников стрел.

Курган 65. Размер кургана 5×5,8 м, высота — с северной и южной сторон 80 см, с западной и восточной — 40 см. При раскопках было выявлено, что курган насыпался дважды.

Погребение располагалось под второй погребенной почвой в могиле глубиной 30—35 см. Размер могилы 190×63 см, ориентация по линии ЗСЗ—ВЮВ. От погребенного сохранились только фрагменты длинных костей ног и правой руки, от черепа — видны его очертания (тлен) и несколько зубов. Ориентирован головой на ВЮВ. У ног — угольки.

Курган 66. Размер 3,8×4 м, высота 40 см. Парное погребение, располагалось на погребенной почве. Размер 155×100 см. Ориентиро-

вано по линии СЗ—ЮВ. Оба костяка положены на спину в вытянутом положении. Костяк 1. Захоронена женщина 30—35 лет. Сохранность плохая. С умершей положены: под нижней челюстью — пуговица, у правой бедренной кости — железный нож, костяная ложка (рис. 48—7), у голени левой ноги — пять костяных, два железных наконечника стрел и костяные накладки на колчан (рис. 48—8,9; 49—2—8).

Костяк 2 расположен на расстоянии 30—33 см к юго-западу от костяка 1. Погребен мужчина 50—55 лет. Сохранность плохая. С ним положены: серьга и костяная ложка (рис. 49—1,9—10).

Курган 67. Размер кургана 3,2×4 м, высота 60 см.

Погребение располагалось на погребенной почве почти в центре кургана. Погребенный положен на спину, в вытянутом положении, головой ориентирован на ЮВ. Костяк нарушен корнями деревьев: отсутствуют кости кистей рук и почти все кости стоп, череп сдвинут так, что шейные позвонки видны за черепом. Умерший был накрыт берестой. С ним были положены: с правой стороны у черепа — фрагмент керамики, у лучевой кости правой руки — костяная проколка с отверстием кочедык, между ног на уровне колена — 1 железный и 5 костяных наконечников стрел.

Курган 68. Размер 6×7 м, высота 1,2—1,3 м от уровня современной поверхности. В юго-западной части кургана на глубине 35 см от современной поверхности в насыпи кургана располагалось погребение 1. От него сохранились только голенные кости ног и 1 плечевая кость. В насыпи кургана найдены кости животного.

Погребение 2 располагалось в южной части кургана в могиле

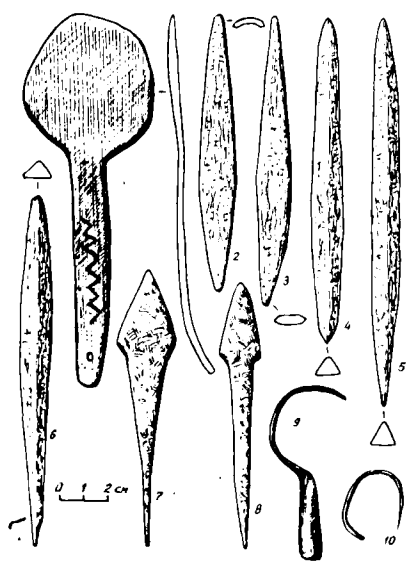

Рис. 49. Козюлинский курганный могильник. Предметы из кургана 66

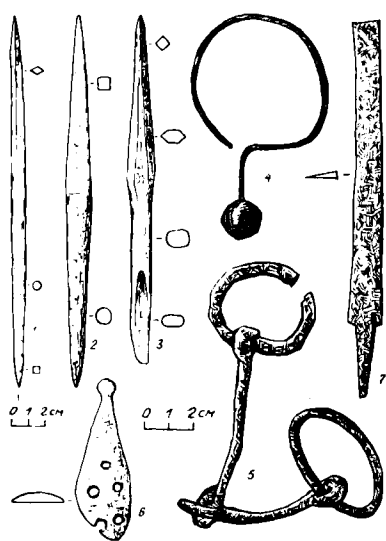

Рис. 50. Козюлинский курганный могильник. Предметы из курганов: 1—3—68, 4—72, 5—50, 6—7—74

глубиной 30 см. Над погребением было перекрытие из двух плах шириной 16—23 см, длиной 1,9 м. Он был положен на уровне погребенной почвы. Сверху на перекрытии береста. Умерший положен на берестяную подстилку, на спине, вытянуто, головой ориентирован на ЮВ. Сохранность удовлетворительная. Отсутствует часть ребер. С умершим найдены: у бедренной кости левой ноги камень, железный нож в деревянных ножнах, у голени правой ноги — 3 костяных наконечника стрел (рис. 50—1—3).

Курган 69. Размер $3,8 \times 5$ м. (Курган частично осыпался, т. к. расположен на краю обрыва). На поверхности кургана зафиксирована современная яма размером $0,8 \times 0,8$ м, глубиной 22—40 см. При снятии насыпи на уровне погребенной почвы в западной половине кургана зафиксированы угли.

Погребение выявлено в юго-восточной части кургана. Оно располагалось на материке, ориентировано головой на ЮВ. Сохранность костяка плохая. Умерший положен на спину вытянуто, руки немного расставлены. Сохранились: череп в фрагментарном состоянии, длинные кости рук и ног, позвоночник, кости таза. С ним были положены: у правой лучевой кости железный нож, против правого колена — 8 костяных наконечников стрел.

Курган 70. Размер $7,45 \times 8,2$ м, высота 1—1,1 м. В южной части кургана, на глубине 50 см (в насыпи) зафиксировано погребение 1 взрослого человека. Головой ориентирован на ЮВ. Длина костяка 170 см. Сохранность плохая: отдельные фрагменты черепа, длинные кости левой руки, часть плечевой кости правой руки, несколько позвонков, кости таза и кости ног. Погребенный положен на спину в вытянутом положении. У левого виска найдена разломанная бронзовая серьга.

Погребение 2 располагалось в северо-восточной части кургана. Длина костяка 170 см. Ориентирован головой на ЮВ. Умерший положен на спину, в вытянутом положении.

Погребение 3 располагалось почти в центре кургана на материке. На глубине 105 см от современной поверхности было расчищено перекрытие, состоящее из трех полубревен. Длина 168 см, ширина 60 см. Сохранность перекрытия плохая. Под ним находился погребенный. Он положен вытянуто, на спине, ориентирован головой на ЮВ. Сохранность удовлетворительная. С ним обнаружены: возле левой ключицы — две бронзовые пуговицы, около бедренной кости правой ноги — железный нож.

Курган 71. Размер $3,4 \times 3,2$ м, высота до 50 см. Погребение не обнаружено. В юго-восточном секторе на глубине 55 см обнаружен железный нож.

Курган 72. Размер $4,4 \times 6$ м, высота 1 м. В кургане выявлено два погребения.

Погребение 1 располагалось в насыпи в западной части кургана на глубине 14—22 см. Оно нарушено грабительской ямой. Захоронен ребенок, положен был на спину, головой ориентирован на ЮВ. Сохранились фрагменты черепа, плечевые кости, несколько позвонков и ребер.

Погребение 2 располагалось в западной половине кургана на погребенной почве. Костяк был засыпан горячей землей. Размер прокала $1,4 \times 2$ м, толщина прокаленной, ярко красной земли до 60 см. Под ней слой углистой прослойки до 15 см толщиной. Костяк лежал с западного края прокала. Умерший положен на спину в вытянутом положении, головой ориентирован на ЮВ. Предметы следов прокала почти не имеют: это украшения в виде подвесок, серьга (рис. 50—4), на запястье левой руки был надет браслет. У бедренной кости левой ноги обнаружена пряжка и железный нож, у тазовой кости слева — железное шило.

Курган 73. Диаметр 5,2 м, высота 60 см. На погребенной почве в восточной части кургана обнаружено погребение. Умерший положен на спину вытянуто, головой ориентирован на ЮВ. Череп лежал левым виском. Сохранность удовлетворительная. С погребенным найдены: в области груди три голубые бусины, удила (рис. 50—5).

Курган 74. Размер $5,2 \times 4,8$ м, высота 50 см. При снятии насыпи на глубине 50 см от современной дневной поверхности (по центру) зафиксирована обожженная земля с углями. Выявлено, что площадь вокруг кургана на уровне погребенной почвы обожжена.

Погребение обнаружено в материке почти в центре кургана. Размер могилы $1,8 \times 1,1$ м. Несколько восточнее погребения, на уровне обожженной площадки выявлены остатки перекрытия. Это сожженные плахи и жерди. Размер перекрытия 2×1 м. Погребено 2 человека. Сохранность костяков плохая. Ориентированы оба головой на ЮВ. С погребенными найдены: у костяка 1 — у бедренной кости правой ноги — фигурка рыбки и железный нож (рис. 50—6—7), у костяка 2 — у нижней челюсти — подвеска, у плечевой кости левой руки — кольцо и железный стержень, у локтевой кости правой руки — железный нож, против колена левой ноги — фрагмент керамики, между костяками — топор-тесло.

Курган 75. Размер $5,8 \times 6$ м, высота до 50 см. При снятии насыпи в юго-восточном секторе на глубине 28 см найдена берцовая кость человека. Погребение располагалось на материке. Захоронено 2 человека, трупобожжение на месте. Над погребением прослежена прокаленная земля и фрагменты сгоревшего дерева. Размер погребения 213×160 —197 см. С юго-западной стороны погребения лежали два полубревна, длина сохранившейся части 0,75 м, ширина 11—12 см, толщина 6 и 9 см. Часть обкладки сохранилась с юго-восточной стороны погребения. Захоронены, видимо, были взрослый и ребенок. От детского костяка сохранились лишь сильно обожженные фрагменты черепа и фрагменты ребер. Костяк взрослого сохранился фрагментарно от черепа до костей таза. Ориентированы головой на ЮЗ. Положены были вытянуто на спине. Под ними прослежена берестяная подстилка. С погребенными найдены: предмет неизвестного назначения и костяной наконечник стрелы.

Курган 76. Диаметр 7 м, высота 70—75 см. На поверхности кургана обнаружена грабительская яма размером $1,2 \times 0,9$ м, глубиной 35 см.

Погребение располагалось в северной части кургана на погребенной почве. Погребенный положен на спину, на берестяную подстилку. Головой ориентирован на ЮВ. Костяк несколько сдвинут (позвоночник, левая ключица, правая рука откинута в сторону, отсутствуют фаланги правой руки, кости левой стопы). При умершем обнаружены: у кости таза — железная пряжка, у бедренной кости правой ноги — кресало с кремнем, у бедренной кости левой ноги — камень, у правой ноги — 4 костяных и 4 железных наконечников стрел и костяной предмет, топор-тесло, у голени левой ноги — разбитый сосуд, среди костей грудной клетки — серебряное кольцо. Около костяка — фрагменты керамики.

Курган 77. Размер $4,4 \times 5,6$ м, высота до 70 см.

Погребение располагалось в центре кургана на погребенной почве. Размер погребения 165×45 см, длина костяка 145 см. Погребенный положен на спину вытянуто, левая рука на костях таза. Сохранность плохая. Умерший ориентирован головой на СЗ. С погребенным положены: на пояс — железные пластинки, у правой тазовой кости — железная пряжка и два железных колечка с пластинками. Все это, видимо, было на кожаном поясе. Здесь же железный нож с деревянной рукоятью, у бедренной кости правой ноги — кресало и два кремешка, у голени правой ноги — 6 костяных и 2 железных наконечника стрел.

Курган 78. Диаметр 7,8 м, высота с северной стороны 80 см, остальных — 50—55 см. В центре кургана была грабительская яма размером $1,7 \times 1,7$ м. Она прокопана до материка и нарушила погребение. В грабительской яме на глубине 60 см от современной поверхности найдены две плечевые кости и часть тазовой кости. На глубине 40 см — железный нож. За пределами грабительской ямы в восточной части кургана на глубине 50 см найден фрагмент керамики.

Коларовский курганный могильник

Коларовский курганный могильник расположен в 12 км южнее Томска, на правом берегу р. Томи высотой 20—25 м (Томский район Томской области). Могильник известен давно [Дульзон А. П., 1956, № 37]. В 1977 г. его обследовал М. В. Шуньков (Архив МАЭС, № 757). Раскопки произведены Л. М. Плетневой в 1978 г. (АО, 1979, с. 265). Площадь могильника заросла березовым лесом. Могильник состоял из 12 курганов, 11 из которых расположены компактной группой и относятся к интересующему нас времени (рис. 51). Курганы имели диаметр 4—6 м, высоту до 0,6 м, все были с грабительской ямой. У нескольких из них прослеживались ямы, образовавшиеся вследствие выборки земли для насыпи. Могильник располагался на месте поселения ирменского времени.

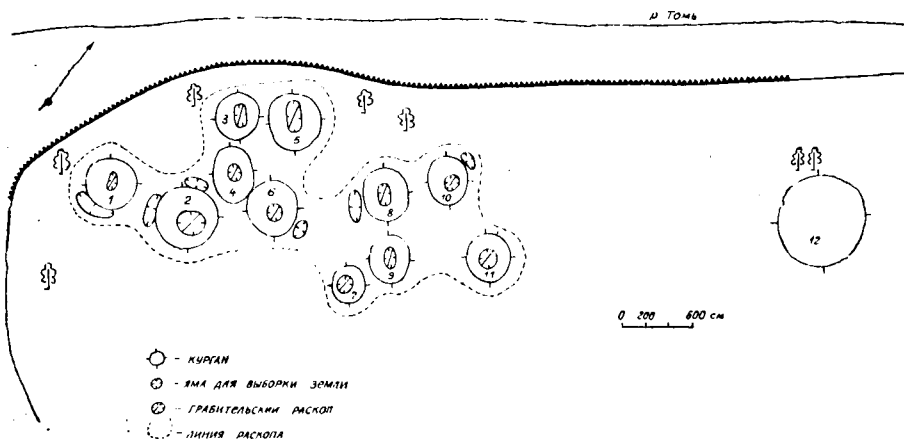

Рис. 51. Коларовский курганный могильник. Общий план

Курган 1. Размер кургана $4,8 \times 5$ м. В центре кургана выявлена грабительская яма размером $1,65 \times 0,9$ м, глубиной $0,2 \times 0,3$ м. С юго-западной стороны кургана зафиксирована яма для выборки земли для насыпи $4 \times 1,1$ —0,6 м, глубиной 0,2—0,3 м. В насыпи кургана найдена керамика и кусочки угля.

Погребение располагалось в центре кургана, сильно испорчено грабителями, ориентировано головой на ЮЮЗ. Умерший был положен на берестяную подстилку и накрыт берестой, возможно, погребенный был в берестяном чехле, так как у ног береста плавно закругляется, ее здесь несколько слоев. В остальной части скелет и его погребальное сооружение нарушены. В голове с правой стороны черепа стоял сосновый столб длиной 32—40 см, нижняя часть его затесана на конус широкими полосами. У погребенного найдены: бронзовое зеркало тагарского времени (вторичное использование предмета), железное кольцо, часть втулки железного предмета и фрагмент железного предмета.

Курган 2. Размер кургана $5 \times 5,6$ м. Размер грабительской ямы $2,4 \times 2,4$ м. С западной и северной сторон кургана зафиксированы ямы для выборки земли (размеры $1,7 \times 1$ м, глубиной 0,15 м; $3,2 \times 0,5$ —0,85 м, глубиной 0,2—0,25 м). В насыпи кургана обнаружена керамика, бусина и точило (рис. 52—1—4). В яме с северной стороны кургана найден разбитый сосуд и угли. В кургане было два погребения. Одно из них полностью разрушено грабителями: найдены лишь разрозненные кости взрослого человека.

Погребение 2 сохранилось частично. Захоронен ребенок около 3 лет на погребенной почве, ориентирован головой на Ю. Предметов нет.

Курган 3. Размер кургана $3 \times 4,5$ м, размер грабительской ямы $0,8 \times 1$ м, глубина $0,15$ м. В насыпи находок не было.

Погребение нарушено грабителями. Захоронен мужчина (старше 25 лет) с ребенком. Погребение располагалось на погребенной почве, на бересте. В анатомическом порядке лежали лишь ноги и руки. У правого колена мужчины положен ребенок 2,5—3 лет. Костяки ориентированы головой на юг. Со взрослым были положены: у левой бедренной кости 6 наконечников стрел, в области груди фрагмент железного предмета, под тазом обнаружена часть костяной рукоятки (рис. 52—5—11).

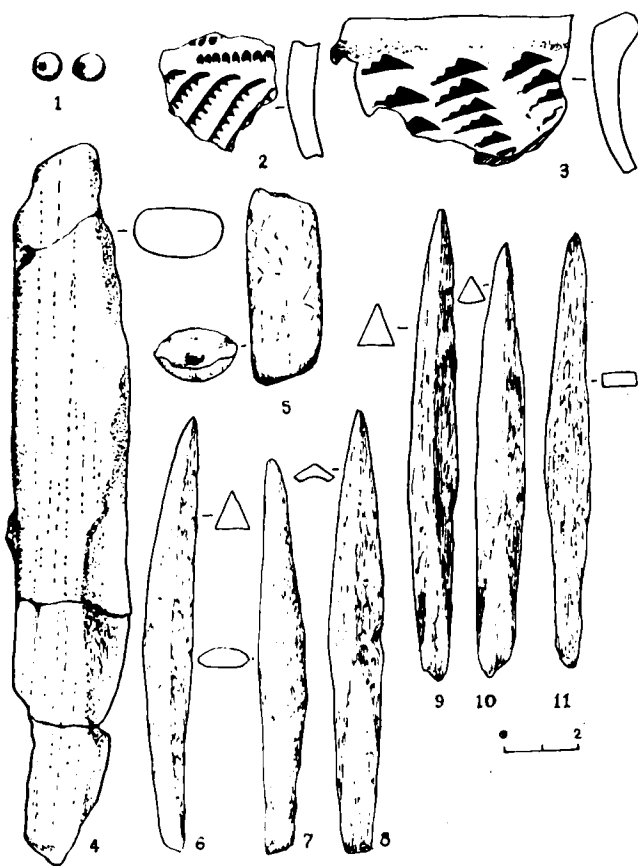

Рис. 52. Коларовский курганный могильник. Предметы из курганов: 1—4—2, 5—11—3

Курган 4. Размер кургана $4 \times 4,2$ м, размер грабительской ямы $1,15 \times 1$ м. С юго-восточной стороны кургана зафиксирована яма размером $1,4 \times 1,05$ м. Находок в насыпи не было. В кургане обнаружены три захоронения.

Погребение 1 расположено в насыпи на глубине 13—15 см. Сохранились обожженные фрагменты черепа, конечностей, позвонков, два зуба. Пол мужской, 20—25 лет. Это — трупосожжение, произведенное на стороне.

Погребение 2 располагалось в восточной части кургана, в насыпи, на глубине 35 см от дневной поверхности. Захоронение вторичное, произведенное после того, как распались связки. Захоронено двое детей 4—5 лет. Сохранность плохая.

Погребение 3 зафиксировано почти в центре кургана, на погребенной почве, на берестяной подстилке. Захоронение парное, оба костяка положены на спину, в вытянутом положении, головой ориентированы на юг.

Костяк 1 — мужчина 35—40 лет. Кости находились в анатомическом порядке, за исключением черепа, который был перевернут, лежал на правом виске. Правая рука вытянута вдоль туловища, левая лежит под тазом. Кости грудной клетки с левой стороны отсутствуют. С погребенным найден железный предмет (рис. 53—8).

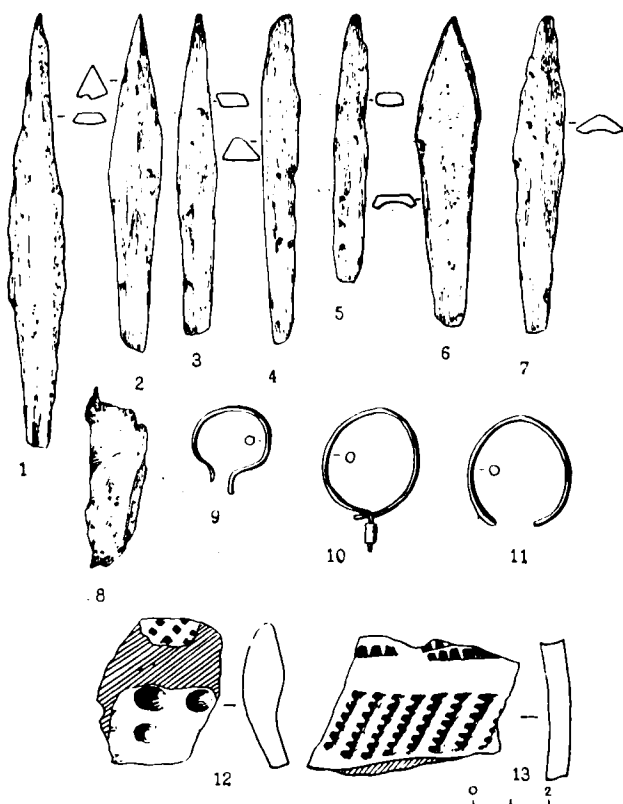

Рис. 53. Коларовский курганный могильник. Предметы и керамика из курганов: 1—9—4, 5—10—13

Костяк 2 — женщина 40—45 лет. Все кости находились в анатомическом порядке, за исключением ключиц. Правая рука согнута в локте, кисть лежит на кости таза, левая вытянута вдоль туловища. В области груди с левой стороны найдена бронзовая серьга (рис. 53—9), у кости таза с правой стороны лежало 7 костяных наконечников стрел (рис. 53—1—7). Оба костяка были покрыты берестой и засыпаны остатками костра. В ногах костяка 2 обнаружен кусок дерева.

Курган 5. Размер кургана 3,6×4 м. Размер грабительской ямы 1,85×1,05 м. В насыпи кургана найдена керамика (рис. 53—12—13). Площадь кургана была обожжена. Погребение зафиксировано на погребенной почве, на берестяной подстилке, головой ориентировано на юг. Костяк нарушен грабителями. Захоронена женщина 40—50 лет, одета она была в суконную одежду коричнево-вишневого цвета, украшенную лентой, состоящей из поперечных холщевых нитей и продольных медных, очень тонких. Ширина ленты 1,5 см (рис. 54—1). От одежды сохранились небольшие фрагменты. В области груди найдена бронзовая

сѣрга, другая — у правого виска (рис. 53—10, 11).

Курган 6. Размер кургана $4,4 \times 5$ м. Размер грабительской ямы $2,2 \times 1,3$ м. В насыпи кургана обнаружены фрагменты керамики (рис. 54—2—4). В грабительской яме найден железный наконечник стрелы. Площадь кургана обожжена.

Погребение полностью нарушено грабителями. Захоронен мужчина 35—40 лет. С умершим найдены: железный топор-тесло (рис. 55—4), костяной и железный наконечники стрел (рис. 55—1—3) и костяная ручка, возможно от ножа (рис. 54—5).

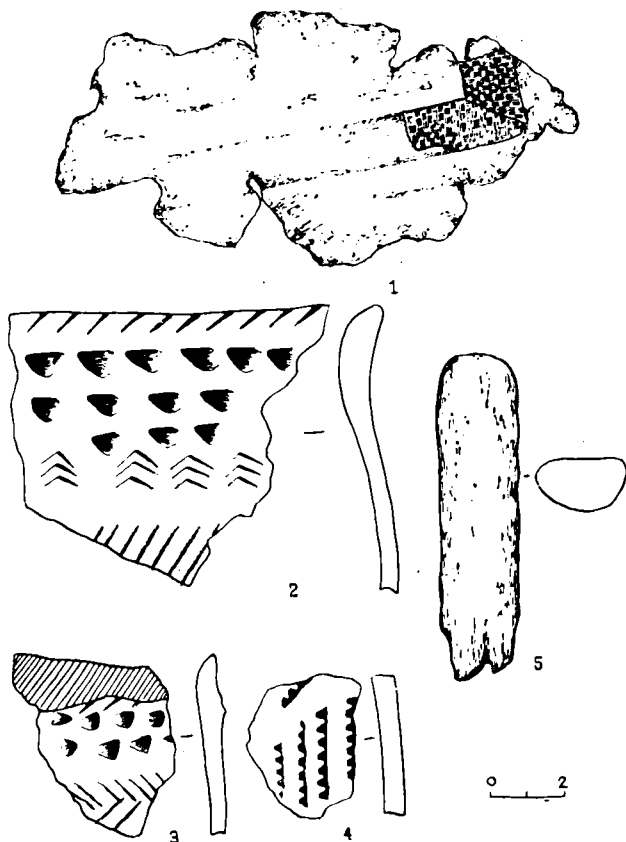

Рис. 54. Коларовский курганный могильник. Предметы из керамики из курганов: 1—5, 2—5—6

Курган 7. Размер кургана 3×3 м. Размер грабительской ямы $1,25 \times 1,7$ м. В насыпи находок не было.

Погребение располагалось в могиле глубиной 0,2 м. Размер могилы 130×30 см. Скелет хорошей сохранности, не нарушен. Положен на спину, в вытянутом положении. Возраст 14—16 лет. Предметов нет. Ориентирован головой на ЮВ.

Курган 8. Размер кургана $3,95 \times 3,25$ м. Размер грабительской ямы $1,8 \times 1,4$ м.

Погребение обнаружено в грабительской яме, костяк нарушен, в анатомическом порядке зафиксированы только череп и длинные кости ног. Погребена женщина 50 лет, головой ориентирована на ЮВ. У черепа с правой стороны найдены пряслице из каменного угля, украшенное резными линиями (рис. 55—5), часть точила, обтесанный красный камень (рис. 55—8, 9). В области груди лежал оло-

вянный перстень со щитком (рис. 55—7) и остатки железного предмета со следами дерева (рис. 55—6).

Курган 9. Размер кургана $3,8 \times 4,3$ м, размер грабительской ямы $1,4 \times 2,1$ м. С западной стороны кургана зафиксирована яма, оттуда брали землю для насыпи. Размер ее $1,15 \times 2,3$ м, глубина 0,15 м. В насыпи кургана найдены бронзовые подвески, в грабительской яме целое стремя и два обломка от другого. Костяк разрушен полностью, обнаружено только несколько разрозненных костей.

Курган 10. Размер кургана $4,6 \times 5$ м. Размер грабительской ямы $2,15 \times 2,2$ м. При снятии насыпи обнаружены: в юго-западном сек-

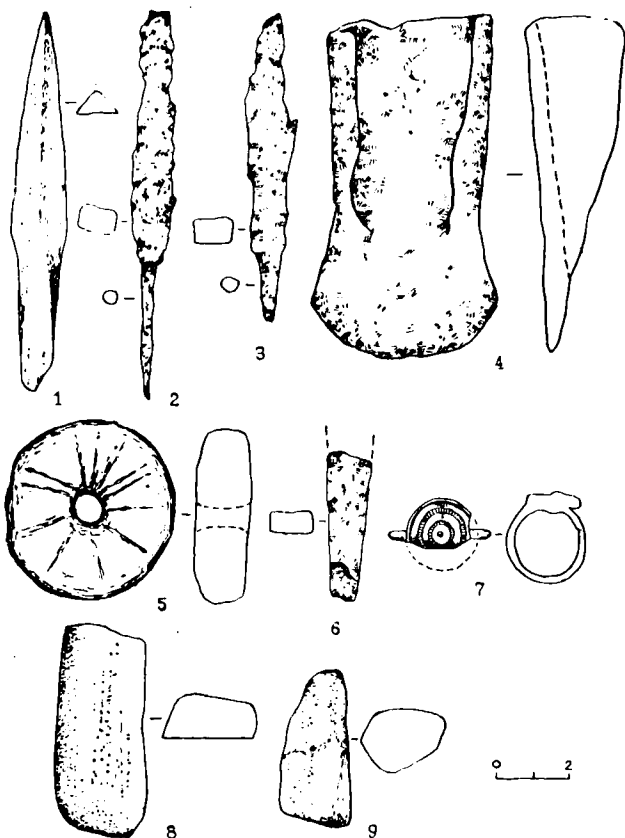

Рис. 55. Коларовский курганный могильник. Предметы из курганов: 1—4—6, 5—9—8

торе — темное пятно размером $1,7 \times 0,3—0,5$ м, глубиной 0,25 м. В ней найдена керамика. В северной части раскопа на глубине 0,4 м выявлены угли. В трех местах насыпи найдены кости лошади и керамика. Раскоп был заложен шире курганной насыпи. В раскопе, в восточной части, обнаружено сидячее погребение, второе погребение располагалось в кургане, потревожено грабителями.

Погребение 1 обнаружено на глубине 0,45 м в материке. Сначала был обнаружен череп, затем была расчищена яма, заполненная черной жирной землей. Размер ямы $1,25 \times 0,28—0,31$ м. Яма углублялась к ногам на 0,45 м. От скелета кроме черепа сохранились лишь кости таза и бедренные кости. Кости очень плохой сохранности. Предметов не обнаружено. Захоронена женщина 30—35 лет.

Погребение 2 расположено в центре кургана, в грабительской яме. Захоронено 2 человека, на погребенную почву положены оба.

Сохранилась часть обкладки из дерева. Сверху было покрытие из досок. Оба костяка нарушены грабителями. В анатомическом порядке лежат лишь кости ног. Череп отсутствует, остальные кости перемешаны. По фрагменту нижней челюсти одного из костяков определен возраст 25—30 лет, пол мужской. С погребенным найдены: с правой стороны у ног — 4 костяных наконечника стрел, в области грудной клетки — еще 3 костяных наконечника, здесь же — железное тесло (рис. 56—1—8). У обкладки второго костяка зафиксированы угли.

Курган 11. Размер кургана 3,8×3,8 м, размер грабительской ямы 1,2×1,15 м. С северо-восточной стороны кургана небольшая яма, размером 0,8×1,2 м.

Погребение расположено в центре кургана, на погребенной почве, ориентировано головой на ЮВ. Костяк нарушен грабителями. Захоронен ребенок 7—9 лет. С ним найдены: у костей черепа с правой стороны баранья бабка и бусы из прозрачного бесцветного, желтого, синего и зеленого стекла (рис. 56—17), с левой стороны — бронзовая бляшка с остатками сукна (рис. 56—13), рядом с ней — оловянная бляшка с ушком (рис. 56—15). Такие же бляшки в области груди, здесь же тонкая бронзовая пластинка с узором. В области таза обнаружены железные предметы: часть железного кольца (рис. 56—9), обломок ножа (рис. 56—12). В области таза — ажурная бронзовая бляха, напоминающая сrostкинские (рис. 56—14) и перстень (рис. 56—10). На ноги были надеты невысокие кожаные башмачки, доходящие до щиколотки. По краю они были украшены тиснением.

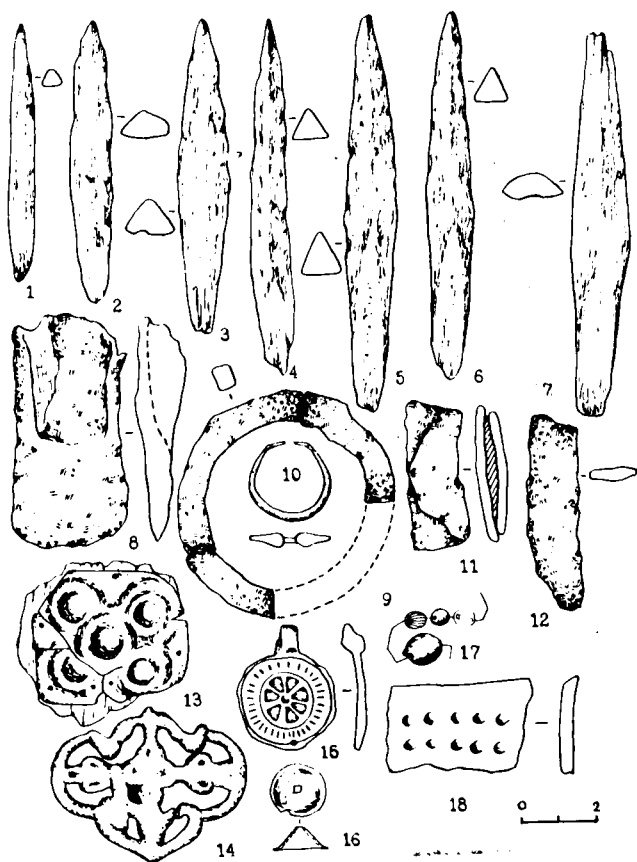

Рис. 56. Коларовский курганный могильник. Предметы из курганов: 1—9—10, 9—18—11

§ 2. Погребальный обряд

Автором данной работы систематизирован список категорий и признаков погребального обряда. Он включает 9 категорий, каждая из которых состоит из нескольких признаков (взяты только присутствующие признаки). Общее количество признаков для рассматриваемой группы могильников 51. Приведем список полностью¹.

I. Тип могильника: 1. Курганный.

II. Стратиграфическое расположение погребения.
1. В насыпи. 2. На погребенной почве. 3. На материке. 4. В могиле.

III. Количественный состав погребенных в одном захоронении

а) Одиночные; б) Коллективные: 1. Два человека (мужчина и женщина, женщина и ребенок, мужчина и ребенок, двое мужчин, две женщины, двое детей). 2. Более двух человек.

IV. Способ погребения

а) Труположение; б) Трупосожжение: 1. Сожжение на стороне. 2. Сожжение на месте (полностью или обжигание сверху); в) Повторные погребения.

V. Положение погребенных

а) Поза: 1. Вытянуто на спине. 2. На левом боку. 3. На правом боку; б) Положение рук: 1. Вдоль туловища. 2. Согнуты в локтях. 3. Положены на таз. 4. Одна рука под тазом; в) Ориентация: 1. Юго-восток. 2. Юг. 3. Юго-юго-восток. 4. Юго-запад. 5. Восточно-юго-восток. 6. Восточно-северо-восток. 7. Северо-северо-восток. 8. Северо-восток. 9. Северо-северо-запад. 10. Северо-запад.

VI. Погребальное сооружение

а) Деревянный настил под погребением;
б) Рама-обкладка: 1. По продольным сторонам. 2. По продольным сторонам и в ногах. 3. С четырех сторон; в) Употребление бересты: 1. Подстилка. 2. Покрывало. 3. Берестяной чехол;
г) Перекрытие из жердей, плах и бревен.

VII. Применение огня

1. Костры в насыпи. 2. Костры рядом с умершим. 3. Обжигание площади кургана. 4. Обжигание места захоронения.

VIII. Наличие костей животных

1. Кости лошади и других животных в насыпи кургана. 2. Кости лошади и других животных в погребении.

IX. Снабжение инвентарем

а) Поло-возрастной состав погребенных; б) Распределение инвентаря.

I. Тип могильника

Все рассматриваемые могильники позднего средневековья Томского Приобья курганные. Курганы имели округлую или овальную форму размером 2—10 м, высотой 30—130 см. Земля для сооружения курганов бралась на территории погребения, вследствие чего у некоторых курганов прослежены ямы. Насыпи курганов во всех могильниках земляные. Ровиков или крепид вокруг курганов не выявлено.

II. Стратиграфическое расположение погребений

Для характеристики этой категории погребального обряда выделено 4 признака: погребение в насыпи кургана, на погребенной почве, на материке и в могиле. Рассмотрим по могильникам. Для Козюлинского курганного могильника характерны все 4 признака: в насыпи захоронено 12 чел. (11,2%), в 5 случаях это дети до 7 лет. Большинство погребений располагались на погребенной почве — 81,3%, (проценты вычислены от 107 погр.), 6(5,6%) погребений — на материке и только два

¹ Римской цифрой обозначены категории, буквами — совокупность признаков, арабскими цифрами № признака.

костяка были в могиле небольшой глубины — 20 см. В Коларовском курганном могильнике 3 костяка были в насыпи (21,5%) — эти дети, 9 умерших положены на погребенную почву (65%) и 2 — в могиле. В могильнике Тоянов Городок 33 погребения зафиксированы на погребенной почве (71,7% от 46 погребений) и 13 (28,3%) умерших были уложены в могилы до 50 см. В могильнике у д. Чернильщиково из 5 умерших 1 лежал в могиле, остальные на погребальной почве.

Из приведенного выше описания следует, что для погребального обряда населения Томского Приобья позднего средневековья характерно положение умерших на погребенную почву (большинство погребений), погребения в неглубоких могилах (от 2% до 28% в отдельных могильниках). Для Козюлинского могильника в 5,6% выявлены погребения на материке.

На примере впускных захоронений в Козюлинском и Коларовском курганных могильниках можно сделать вывод, что детей до 7 лет отдельно в курганах не хоронили (исключение курган 43 ККМ), их подхоронивали к ранее умершим родственникам (погребения в насыпи) или хоронили с одновременно умершими взрослыми.

III. Количественный состав в одном погребении

На материалах могильников позднего средневековья Томского Приобья выявлены следующие признаки: одиночные погребения, их большинство: в Козюлино 96 из 112 (87%), в Коларово 14 из 18, в Тояновом Городке 47 из 48 (97%), в Чернильщиково — 4. Кроме одиночных есть коллективные (2 человека и более).

В Козюлинском курганном могильнике из коллективных погребений в два человека зафиксированы: захоронение мужчины и женщины — 4, женщина и ребенок — 3, мужчина и ребенок — 2; двое мужчин — 2, двое детей — 1. В Коларовском курганном могильнике погребения женщины и мужчины — 1; мужчины и ребенка — 1; двое детей — 1. В Тояновом Городке были захоронены двое мужчин.

Захоронение более чем двух костяков известно одно — в Козюлинском могильнике, кургане 10. В погребении 2 этого кургана было захоронено 8 чел.: две женщины, четверо мужчин и двое детей.

IV. Способ погребения

Выделяются такие признаки, как трупоположение, трупосожжение (на стороне, на месте погребения, обжигание сверху) и повторные погребения.

Основным типом погребения, традиционным для Томского Приобья, является трупоположение. Так, в Козюлинском курганном могильнике из 112 костяков 102 (90,2%) похоронены по типу трупоположения, в Коларовском курганном могильнике из 18 костяков — 16 по типу трупоположения, в могильнике Тоянов Городок из 48 умерших — 47 погребены по типу трупоположения, в могильнике у д. Чернильщиково — 4.

Другим типом погребения, также традиционным для Томского Приобья, является трупосожжение. В Козюлино выявлено трупосожжение на месте — 10 погребений (9,8%). Сюда включено и обжигание сверху. Видимо, его следует рассматривать как трупосожжение. В 6 курганах (30, 42, 44, 59, 72, 75) зафиксировано полное трупосожжение костяков с обожжением значительной площади кургана и сожжение обкладки, берестяной подстилки и берестяного покрывала. В курганах 26, 31, 34 была сожжена обкладка, костяки задеты огнем частично; в кургане 74 при сожжении обкладки костяки не были обожжены. Сожжением обкладки, по-видимому, преследовалась та же цель — сожжение умершего. Очень интересным является трупосожжение в кургане 72. Погребение женщины было засыпано горячей землей, причем слой этой земли был значительный — до 60 см мощности и размером до 2 м. В Коларовском курганном могильнике выявлено одно погребение по

типу трупосожжения, произведенного на стороне (курган 4, погребение 1).

Повторное погребение найдено в Коларовском курганном могильнике (курган 4, погребение 2, захоронены дети).

V. Положение погребенных

1. Поза погребенных. Во всех могильниках, за небольшим исключением, погребенные положены на спину в вытянутом положении. Исключения составляют 2 погребения на боку (одно левом, другое на правом) из Козюлинского курганного могильника, одно погребение (сидячее, мы его относим к более позднему времени) — в Коларовском могильнике и одно погребение на боку из могильника Тоянов Городок.

2. Положение рук. В подавляющем большинстве вытянуты вдоль туловища. Так, в Козюлинском курганном могильнике из 75 костяков, по сохранности которых можно было определить положение рук, у 63 руки лежали вытянуто вдоль туловища, слегка согнуты в локтях — у 7; одна рука под тазом — у 3, в одном случае левая рука оказалось откинутой и в одном случае (курган 62, погребение 1) руки, по-видимому, были связаны и положены на таз (предположительно захоронение позднее — периода гражданской войны). В Коларовском могильнике нарушено 9 погребений, определено положение рук в 6 случаях: у пяти костяков руки лежали вытянуто вдоль туловища и у одного руки были согнуты в локтях.

В могильниках Тоянов Городок и Чернильщикуво положение рук неизвестно.

3. Ориентация. Преобладает во всех памятниках южное и юго-восточное направление. Так, в Козюлинском курганном могильнике из 100 определений 88 костяков ориентированы головой на ЮВ, 2 — на ЮЮВ; 1 — на ЮЗ; 5 — на СВ (из них 3 детских, 1 мужское, 1 женское); 4 — на СЗ (из них 2 — дети, 1 погребение русское, 1 — не определено). В Коларово 5 погребений ориентированы головой на Ю, 3 — на ЮВ, 1 — на ЮЗ. В могильнике Тоянов Городок 20 умерших ориентировано головой на ЮВ, 8 — на юг, 3 — на ЮВ (всего южное направление составляет 86%), 2 — на СЗ, 3 — на СЗ. По могильнику у д. Чернильщикуво данные отсутствуют.

Интересно отметить, что в детских погребениях ориентация была наименее стабильной. Так, из 20 костяков из Козюлино, направление которых можно было определить, 13 костяков были ориентированы на ЮВ, 1 — на Ю, 1 — на ЮВВ, 3 — на СВ, 1 — на СЗ.

VI. Погребальные сооружения

К ним в рассматриваемых могильниках относится деревянный настил под погребением, рама — обкладка погребения, перекрытие погребения и употребление бересты. Следует отметить, что погребальные сооружения встречались редко, большинство погребений совершенно без каких-либо сооружений: умершие положены на землю, сверху насыпан курган. Так, в Тояновом Городке без сооружений захоронено 34 умерших (70,8%), в Чернильщикуво — 4, в Коларовском курганном могильнике — 14, в Козюлино — 90 (95,5%). Перекрытие из бревен в Тояновом Городке зафиксировано в 8 случаях, причем в двух случаях на перекрытии была постелена береста. В Козюлинском курганном могильнике перекрытие над погребением прослежено в 4 (4,5%) погребениях: в кургане 49 вокруг погребенного была сооружена обкладка, сверху сохранилась одна продольная плаха длиной 1,1 м, шириной 13 см. В кургане 68 перекрытие располагалось над погребением 2. Оно состояло из двух широких плах (длина сохранившейся части 1,7 и 1,73 м, ширина 18—23 см). Сверху плахи были покрыты берестой. В кургане 70 перекрытие над умершим состояло из трех плах. Длина сохранившейся части 1,65 м, ширина 10—21 см. Перекрытие в кургане 74 отличалось от описанных

выше тем, что кроме продольных остатков плах была одна поперечная плашка. Перекрытие сожжено.

Обкладка делалась из нетолстых бревен, иногда плах. Чаще всего обкладка располагалась вдоль костяка и в ногах. Так, в Козюлинском курганном могильнике встречено 7 случаев из 10. Один случай (курган 26), когда обкладка была положена продольно и три плашки поперечно лежали за черепом. Продольное расположение обкладки в этом могильнике зафиксировано в 2 погребениях. Всего обкладку имели 9,4%. В могильнике Тоянов Городок из 10 погребений (20,8%), имеющих обкладку, в 7 погребениях были только продольные бревна, в 1 погребении обкладка имела и в ногах, в 2 погребениях со всех 4 сторон. В Коларовском курганном могильнике из 14 погребений обкладка зафиксирована в 1 погребении. Употреблялась обкладка и в Чернильщиковском курганном могильнике. Чаще всего креплений обкладки не обнаружено, видимо, бревна клялись на землю, и возможно немного присыпались землей, если в этом была необходимость. Если ставились плахи на ребро, то их необходимо было закрепить. Так, в Козюлинском курганном могильнике в кургане 61 выявлены ямки от колышков вдоль костяка и в ногах, в кургане 42 зафиксированы 2 ямки в ногах, между ними цепочка углей — следы сгоревшей плашки или жерди. Один колышек был за черепом. Его высота 11 см, 4 см было над землей, 7 см в земле. Ямки имели диаметр до 5—6 см, глубиной до 10—11 см. Сверху погребенные покрывались досками. Таких случаев немного. Они есть в могильнике Тоянов Городок (9 погребений), в 3 — умершие покрыты берестой и сверху досками, в нескольких случаях прослежен накат из бревен. В Козюлинском курганном могильнике отмечено 3 погребения с перекрытием. Так, в кургане 70, погребении 3 перекрытие сооружено из 3 полубревен, длина которых 167 см, ширина 60 см. В двух случаях перекрытие сожжено.

Широко в погребальном обряде использовалась береста. Ее стелили на погребенную почву или в могилу в тех случаях, где была обкладка, сначала клась обкладка, затем стелилась береста, края ее выходили на обкладку.

Употребление бересты в качестве подстилки в Козюлинском курганном могильнике зафиксировано в 17 погребениях (18%), в Коларовском курганном могильнике в 4 погребениях (28,5%), в курганном могильнике Тоянов Городок в семи погребениях (14,4%), в Чернильщиково — в одном.

После того, как умерший был уложен, его сверху покрывали берестой, иногда досками, бревнами, о чем шла речь выше. Берестяных покрывал зафиксировано меньше, чем подстилок: в Козюлино в 8 погребениях, в Коларово — в 2 погребениях, в Тояновом Городке — в 3 погребениях. Как выглядели подстилки и покрывала, были ли это сшитые полосы бересты или отдельные полосы, остается неясным из-за большой фрагментарности материала. А. П. Дульзон в могильниках на Чулыме обнаружил сшитые из двух и более полос берестяные покрывала и подстилки [Дульзон А. П., 1953, с. 140]. Тоже прослежено А. И. Бобровой в Тискинском курганном могильнике [Боброва А. И., 1984, с. 148].

Следует отметить, что почти во всех случаях обкладка прослежена в тех могилах, где она была подожжена. Отсюда можно предположить, что, возможно, употреблялась она чаще, но не сохранилась.

VII. Применение огня

Применение огня в погребальном ритуале очень древний признак. На территории Томского Приобья он известен с эпохи неолита [Дульзон А. П., 1958]. К этой категории нами отнесены такие признаки, как обжигание площади кургана, места захоронения, разведение костров

в насыпи кургана и рядом с умершим. Применение огня по отношению к умершему было рассмотрено выше.

Обжигание площади кургана зафиксировано в Коларовском курганном могильнике (2 кургана) и в могильнике Тоянов Городок (5 курганов). При обжигании площади кургана раскладывали костры из хвороста, видимо, крупные дрова не употребляли, так как при расчистке площади кургана встречаются мелкие угли и небольшой провал земли.

Иногда обжигали только место погребения. Так, в Козюлинском могильнике место погребения обожжено в курганах 19, 22 и 58, причем интересно отметить, что в кургане 19 погребенный был положен не полностью на обожженное место: лишь кости таза и ноги были на месте костра, хотя за ногами осталась еще значительная обожженная площадь. Что это: небрежность в соблюдении ритуала или другая какая-то не известная нам причина?

Костры рядом с умершим выявлены в Козюлинском курганном могильнике (курганы 7 и 11) и в могильнике Тоянов Городок (курган 22). В Козюлино костер располагался слева от ног погребенного и имел размер $0,75 \times 0,9$ м.

Интересной деталью обряда, традиционно сохраняющейся в Томском Приобье, является разведение костров на насыпи или в насыпи. Эти костры разводились и на поминках, и специально для умершего во время похорон. Этот признак погребального обряда зафиксирован во всех могильниках Томского Приобья позднего средневековья, кроме Черныльщиковского, хотя наличие его в последнем отрицать полностью нельзя по причине небольших раскопок и слабой фиксации при исследованиях.

VIII. Наличие костей животных

Этот признак погребального обряда для Томского Приобья является традиционным и известен с эпохи бронзы [Матющенко В. П., 1974].

Чаще всего из костей животных встречаются кости лошади, а именно зубы (видимо, положены были челюсти). Из костей других животных зафиксированы также челюсти и бабки крупного рогатого скота. Так, в Козюлинском курганном могильнике находки костей животных в насыпи зафиксированы в 9 курганах (7, 16, 25, 27, 49, 51, 65). Только в кургане 49 бабки животного были положены с погребенным. В Коларовском курганном могильнике кости животных в насыпи встречены в 6 курганах. Вместе с умершими в этом могильнике кости не обнаружены. В могильнике Тоянов Городок кости лошади найдены в насыпи кургана. Положение черепов, челюстей коня можно, по-видимому, связать со снабжением умершего едовым животным, а нахождение костей крупного рогатого скота — со снабжением умершего пищей.

IX. Снабжение инвентарем

I. Половозрастной состав погребенных определен по остеологическому материалу из Козюлинского и Коларовского курганных могильников.

Из Козюлинского курганного могильника определен 101 костяк. Детей до 7 лет — 17, 7—14 лет — 6, всего детей и подростков захоронено 23. Отмечается, что дети захоронены со взрослыми в одном погребении: в 6 случаях (курганы 5, 10, 15, 31, 37, 46) 3 ребенка в возрасте 1—2 лет, в 3 случаях — 3—5 лет, в 1 — 6—8 лет. Они захоронены в 2 случаях с мужчинами, в 1 — в коллективном погребении, где было четверо мужчин и две женщины. 10 курганов сооружено специально для детей различных возрастов: в 3 были захоронены дети 1,5—3 лет; в 1 — два ребенка 3—5 лет, в остальных — старше 5 лет. В нескольких курганах погребения детей были впускными. Отдельного места для курганов с детьми на могильнике отведено не было. По размерам они в ряде случаев уступают курганам, в которых захоронены взрослые.

В большинстве случаев дети погребены по обряду трупоположения, обожженне замечено в кургане 31, где была захоронена женщина с ребенком. Если посмотреть на топографию курганов, то проследить какую-либо закономерность в расположении погребений по полу, детских и взрослых не удастся, как не выделяются какие-либо группы в общем расположении (семейные, родовые и т. д.)

В возрасте 14—20 лет захоронено 8 человек. Из них женщин — 6, 1 мужчина, 1 — не определен. Группа возмужалого возраста (20—40 лет) наиболее многочисленная (50,5%). В Козюлинском могильнике к этой группе отнесено 25 женщин и 24 мужчины (в 2 случаях пол не определен). В возрасте от 40 до 60 лет захоронено 5 женщин и 12 мужчин (видимо, продолжительность жизни у мужчин несколько выше, чем у женщин) старше 60 лет — один мужчина. Всего женщин захоронено 36, мужчин 38.

В Коларовском курганном могильнике определено 24 костяка, из них 8 принадлежало детям от 1 года до 7—9 лет. Интересно отметить, что умерших детей в возрасте 2—3 лет — 3; 4—5 лет — 2; 7—9 лет — 1. Только для ребенка в возрасте 7—9 лет насыпан отдельный курган, остальные дети либо захоронены со взрослыми, либо подхоронены к ним в курган.

Мужчин захоронено 6 в возрасте 25—40 лет, женщин — 10; одна — 14—16 лет, 5 мужчин — от 25 до 40 лет, 4 женщины — от 40 до 50 лет.

2. Распределение инвентаря по половозрастным группам

Несмотря на то, что рассматриваемые могильники относятся к позднему средневековью, местное население соблюдало свои прежние обряды и продолжало хоронить с тем, что по его представлению было необходимо умершему в потустороннем мире.

Инвентарь, обнаруженный в могильнике, отражает хозяйственную и бытовую сторону жизни людей, их эстетические и религиозные представления. Погребальный инвентарь составлялся из прижизненного по избирательному принципу, в основе которого лежали представления о потустороннем мире. Найдены оружие (железные наконечники стрел, пожи-засопожники, топоры-тесла), орудия труда (сошники, ножи, наконечники стрел, топоры-тесла), предметы домашнего обихода (кресало, кремни, напярсла, ножницы, наперстки, глиняные и железные сосуды), предметы конской сбруи (стремена, удила, пряжки), украшения (перстни, серьги, бусы, браслеты, подвески).

Следует отметить новые черты в погребальном обряде по сравнению с предшествующим временем: в погребения стали класть серебряные и медные монеты. Они были положены в основном со взрослыми в группе 18—40 лет, в погребениях умерших в возрасте 40—50 лет серебряные монеты встречены в одном (курган 39), в группе умерших старше 50 лет серебряных монет нет, у детей они не найдены. Монеты часто с отверстиями, имеются сведения, что их собирали на шнурок, так как они мелкие и могли легко потеряться. Кроме того, монеты с отверстиями могли применяться как украшения, но этот факт по данным могильника у д. Козюлино не установлен.

В нескольких курганах встречены счетные жетоны. Их производили в Германии. Встреченные в Козюлинском могильнике изготовлены Вольфом Лауфером, годы работы которого относятся к 1618—1660 гг., и Гансом Краувинкелем (годы работы его 1580—1610) [Дульзон А. П., 1953, с. 162]. Счетные жетоны использовались в накосных и нагрудных украшениях. Так, в кургане 3 пять пар жетонов скреплены через отверстия в нижнем и верхнем крае жетонов шелковой нитью, здесь же были голубые и синие бусы и бронзовая пронизка. Торгово-денежные отношения стали нормой в обществе того времени, что нашло отражение и в погребальном обряде.

В основном погребальный обряд не был еще глубоко задет христианизацией. Это выразилось в том, что население продолжало класть с умершими предметы, необходимые ему в потусторонней жизни. Рассмотрим снабжение инвентарем по половозрастным группам также на примере Козюлинского курганного могильника, во-первых, потому, что этот могильник дает наибольшую выборку по количеству раскопанных курганов, во-вторых, он менее ограблен, чем Коларовский курганный могильник. Данные по Тоянову Городку опубликованы [Плетнева Л. М., 1976, с. 69—70].

I группа — дети. В большинстве погребений есть предметы: в большей части это украшения, но почти в каждом случае положено по 1—2 бытовых предмета: сосуд (к. 55), наперсток, сосуд (к. 37), нож и пряжка (к. 72, п. 2). Среди детских погребений обилием предметов выделяется погребение двоих детей 3—5 лет в кургане 43. С ними были положены 36 предметов: это жетоны, серьги, бронзовые пуговицы, металлический гребешок, бронзовый колокольчик с железным язычком, бисер, бронзовые колечки, оловянные пластинки, одна серебряная монета.

Наряду с этим следует отметить детские погребения без инвентаря (курганы 11, п. I; 17, 25).

Следующая группа 20—40 лет. Это наиболее многочисленная группа. Как и раньше, в этой группе погребенных наибольшее количество инвентаря в расчете на каждого умершего. Следует отметить некоторую нивелировку между мужским и женским инвентарем, видимо, вследствие того, что в общем-то инвентаря стали класть меньше, больше встречается украшений. Интересным, на наш взгляд, фактом является наличие удил в женских могилах (курган 27, 73). Наиболее часто встречаемый в женских могилах набор: серьги, бусы, подвески, пуговицы, зеркала, ножницы, наперстки, сосуды, железные ножи, есть костяные и железные наконечники стрел.

Для мужских захоронений характерны: костяные и железные наконечники стрел, части упряжи, ножи, в том числе боевые, топоры-тесла, кресала с 1—3 кремешками, встречаются и украшения — серьги, перстни, бусы (возможно, они имели другой смысл — например, как оберег от мышей и т. д.), в двух погребениях найдены каменные курчильные трубки.

Обилием инвентаря выделяются погребения в курганах: 11, погр. 2 (мужчина 25—30 лет), 24 (мужчина около 40 лет), 47 (женщина 25—30 лет), 76 (мужчина 30—40 лет), 77 (мужчина 20—30 лет). Видимо, эти люди, в первую очередь мужчины, занимали какое-то выделяющее их из общей среды положение.

Например, в кургане 24 были положены кукла, нож, кресало, костяные и железные наконечники стрел, топор-тесло, сосуд и перстень. Это воин и охотник. С женщиной в кургане 47 найдены серьги, 4 монеты, бронзовые пуговицы, нашивки, браслет, ножницы, костяная проколка, зеркало, кольцо. В кургане 76 обнаружены кресало с кремнем, 4 железных и 4 костяных наконечника стрел, нож, железная пряжка, топор-тесло, сосуд. Здесь мы видим тоже полный сбор как охотничьего инвентаря, так и оружия.

Среди погребенных этой возрастной группы есть неимущие. Так, в кургане 6 умерший мужчина 35—40 лет без инвентаря был захоронен в поле кургана (может быть и позднее захоронение), в кургане 53 захоронена женщина 20—25 лет, в кургане 70, погребении 2 захоронена женщина около 40 лет. Интересное захоронение в кургане 45. Это парное погребение мужчины и женщины. С женским костяком обнаружены серьги, ожерелье из бус и подвески, железная цепочка, плохо сохранившиеся железные предметы, сосуд. С мужчиной найдена одна серьга у черепа, другая в стороне от костяка и фрагмент горючего сланца. В возрастной группе 40—60 лет отличий в снабжении инвентарем от пре-

дыдущей группы не наблюдается. Из 10 погребений этой группы нет инвентаря у одного (курган 62, погребение 1). В кургане 66 парное захоронение мужчины (50—55 лет) и женщины (30—35 лет). С женщиной найдены пуговица, наконечники стрел, нож и костяная ложка, у мужского костяка — серьга с правой стороны черепа и костяная ложка.

К возрастной группе старше 60 лет отнесены 3 погребения, одно из них парное — мужчины и женщины (курган 74). Инвентарь есть у всех погребенных, но в малом количестве.

Намеренной порчи инвентаря, положенного с погребенным, не было.

Проанализируем погребальный обряд поздних могильников Томского и Среднего Приобья по тем же категориям, по которым был описан погребальный обряд памятников Томского Приобья. Для работы были использованы публикации по могильникам: р. Чулым — Балагачевскому и Тургайскому [Дульзон А. П., 1952, 1953], Остяцкому [Дульзон А. П., 1953], Берегаевскому [Матющенко В. И., Коркина И. А., 1978], на Оби — Тискинскому [Чиндина Л. А., 1975, Боброва А. И., 1979, 1980, 1982, 1984], на р. Кети — Лукьяновскому I и II, Максимо-ярскому [Гребнева Г. И., 1977, 1981]. Назовем общие черты для всех могильников.

Совместные могильники для взрослых и детей.

I тип могильника — курганный. II стратиграфическое расположение: во всех могильниках преобладают погребения на древней дневной поверхности. Есть захоронения в небольшом количестве в могилах. Это, как правило, неглубокие ямы (20—50 см).

III. Количественный состав в одном погребении. Преобладают одиночные захоронения. Но в каждом могильнике есть и коллективные погребения: от 2 до 8 (1 случай) человек.

IV. Способ погребения. Основным типом погребения является труположение. Во всех могильниках есть в небольшом количестве трупосожжение. В большинстве случаев это сожжение на месте, очень редко сожжение на стороне. Повторные погребения встречены в Козюльно, Тояновом Городке, Тискино.

V. Положение погребенных

1. Поза. Почти все погребенные были положены на спину, руки вытянуты вдоль тела. В некоторых случаях руки согнуты слегка в локтях, одна рука может лежать на костях таза или под костями таза.

2. Ориентация. Здесь есть сходство и различие. Сходство проявляется в преобладании южной, юго-восточной и восточной ориентации погребенных [Дульзон А. П., 1953, с. 140—141; Боброва А. И., 1982; с. 37; Гребнева Г. И., 1980, с. 175; по памятникам Томского Приобья см. § 1 гл. II]. Как удалось установить, наиболее неустойчивой была ориентация в погребениях детей.

Южную ориентацию А. П. Дульзон считает более ранней [Дульзон А. П., 1953, с. 155]. А. И. Боброва выявила на Тискино в курганах второй группы (XIV—XVIII вв.) отход от ориентации В—ЮВ, характерной для XII—XIV вв., и преобладание ориентации на юг с отклонением на В и З [Боброва А. И., 1982, с. 37].

В памятниках Томского Приобья в более раннем могильнике у д. Коларово преобладает южная ориентация, а в курганном могильнике у д. Козюльно, более позднем, юго-восточная ориентация.

Возможно, что описанное явление отражает не только хронологическую разницу в возрасте могильников. Вместе с тем этот признак одинаково проявляется в Томском Приобье и в Причулымье.

VI. Погребальное сооружение

Погребенные укладывались часто на берестяную подстилку, покрывались берестой — это традиционный обряд, характерный для Западной Сибири с неолита. В рассматриваемое время существовала рама-обклад-

ка из плах или бревен. Сверху накладывались или очень редко поперечные плахи (бревна, полубревна), которые покрывались берестой. В некоторых случаях отмечено употребление берестяного чехла для умершего [Боброва А. И., 1982, с. 37; Дульзон А. П., 1953, с. 140]. Наиболее часто они встречались в курганах у д. Тургай (26%) и Болагачево (17%).

VII. Применение огня

Для могильников Лукьяновского I, Максимоярского на р. Кеть, для могильников Причулымья, в редких случаях для Коларовского и Козюлинского могильников в Томском Приобье характерно обжигание площади кургана или места захоронения [Гребнева Г. И., 1980, с. 175; Дульзон А. П., 1953, с. 139; Матюшенко В. И., Коркина И. А., 1978, с. 50].

В могильниках Причулымья [Дульзон А. П., 1953, с. 142], в Тискинском курганном могильнике [Боброва А. И., 1982, с. 37], в могильниках Томского Приобья зафиксировано сожжение обкладки, разведение костра над погребенным. По-видимому, это следует рассматривать как один из вариантов предания умершего огню.

VIII. Инвентарь. Проявлением дохристианских и домусульманских верований в загробную жизнь является наличие инвентаря, положенного с умершим. Эта категория универсальна для всех поздних могильников Томского и Среднего Приобья. При этом соблюдается половозрастной принцип. Все необходимое, определенное ритуалом, кроме крупных предметов (саней, лодок), клалось вместе с умершим. Наиболее часто встречаемые предметы: костяные и железные наконечники стрел, ножи хозяйственные и боевые, топоры, тесла, кресала, предметы конской упряжи, глиняные и берестяные сосуды (не везде), различные украшения. Иногда встречаются монеты, счетные жетоны — это влияние русской культуры. По категории VIII (кости животных) мы не располагаем данными о всех могильниках.

Выделенные сходные черты в погребальном обряде Томского и Нарымского Приобья позднего средневековья объясняются, по-видимому, следующими причинами: вследствие стабильного проживания населения на указанной территории в сходных экологических условиях сложилась похожая материальная культура и выработалось во многом сходное (особенно в своих проявлениях, что нашло отражение в археологических источниках) мировоззрение, несмотря на то, что могильники оставлены разноэтничным населением (селькупам, чулымскими тюрками и томскими татарами).

Попытаемся в погребальном обряде селькупов, хантов, томских татар выявить те черты, которые отражают их традиционную культуру. Несомненно, большое влияние на ритуал погребального обряда оказало принятие христианства селькупам, хантами и мусульманства татарами. Но несмотря на это в погребальном обряде сохраняются традиционные черты, что отмечают исследователи [Пелих Г. И., 1972; Кулемзин В. М., 1977; 1984; Томилов Н. А., 1983]. Местное население не могло в течение довольно непродолжительного времени отказаться от веками установившегося ритуала. В памятниках XVII—XIX вв. археологи отмечают в погребальном ритуале гибридные явления: захоронения с крестом и монетами по христианскому ритуалу и положение вещей в могилу по традиционному обряду.

В данном случае мы обратимся к сохранившимся традиционным чертам в погребальном обряде. В целях возможного сопоставления с археологическими материалами описание проведем по предложенному выше списку признаков, по тем категориям, где такой материал имеется.

II. Стратиграфическое расположение

У селькупов, хантов и томских татар для умершего копают могилу

глубиной от 20 см до 1,5 м [Пелих Г. И., 1972, с. 67; Кулемзин В. М., 1984, с. 141; Томилов Н. А., 1983, с. 112]. У селькупов, хантов известны также и наземные захоронения [Пелих Г. И., 1972, с. 62; Кулемзин В. М., 1984, с. 141]. Кроме того, у селькупов зафиксированы погребения на деревьях с последующим захоронением [Пелих Г. И., 1972, с. 72—74].

IV. Способ погребения. У всех названных народов основным способом погребения является труположение. Трупосожжение отмечено только у селькупов [Пелих Г. И., 1972, с. 72].

1. Поза. Хоронили умершего в вытянутом положении, с вытянутыми вдоль тела руками (иногда руки под тазом или на костях таза [Пелих Г. И., 1972, с. 62, 67, 79; Кулемзин В. М., Томилов Н. А., 1983, с. 109]).

2. Ориентация. В ориентации погребенных есть сходство и различия. Так, ханты хоронили головой на В [Кулемзин В. М., 1977, с. 161], селькупы головой клали вверх по течению реки или на В, или на ЮВ [Пелих Г. И., 1972, с. 62, 79]. Томские татары хоронили головой на В или лицом на В, головой на Ю [видимо, это связано с мусульманским обрядом]. Есть случаи ориентирования головой на СЗ [Томилов Н. А., 1983, с. 109].

VI. Погребальное сооружение

Захоронение в гробах было характерно для всех анализируемых групп населения. Кроме того, селькупы хоронили в колодах, деревянных ящиках, обставляли рамой.

Для всех западносибирских народов характерно широкое употребление бересты в погребальном обряде. У селькупов и хантов береста использовалась как подстилка, покрытие погребенного, ею выстилали колоду или гроб, застилали перекрытия и в бересту заворачивали умершего, иногда шили чехол из берестяных полос, в него укладывали умершего [Пелих Г. И., 1972, с. 62, 67, 72; Кулемзин В. М., 1977, с. 161, 1984, с. 140]. У томских татар на дно могилы насыпали березовые стружки [Томилов Н. А., 1983, с. 108].

Устройство надмогильных сооружений

Этот признак в археологических материалах почти не прослеживается. Этнографический материал интересен в плане сопоставления его у селькупов, хантов и томских татар. Надмогильные сооружения селькупов имели 3 разновидности. Наиболее распространенной формой был срубный домик из бревен или широких плах в 4—5 венцов с двускатной крышей [Пелих Г. И., 1972, с. 63—64]. Ханты делали дощатые или срубные домики [Кулемзин В. М., Лукина Н. В., 1977, с. 162]. Томские татары ставили четырехугольные срубы, чаще всего решетчатые из 3—5 венцов высотой 0,5—0,7 м, иногда до 1,5 м, длиной 2,7 м, шириной до 1,5 м. Встречаются и сплошные срубы [Томилов Н. А., 1983, с. 114—115]. Еще исследователи XVIII в. отмечали, что кладбища издали похожи на деревню [Паллас П. С., 1786, ч. 2, с. 424; Георги И. Г., 1799, ч. 2, с. 29]. Они отмечали наличие таких построек у томских татар и у селькупов р. Парабели.

Интересно отметить, что ханты и томские татары ставили на могиле сосновый кол (позднее кресты) [Кулемзин В. М., Лукина Н. В., 1977, с. 161; Томилов Н. А., 1983, с. 118]. Н. А. Томилов замечает, что сосновую палку ставили со стороны головы, если дух умершего становился злым. Один случай был встречен в Коларовском могильнике, где со стороны головы стоял сосновый кол, сохранившийся в высоту 45 см, заточенный на четыре грани.

У селькупов погребальные сооружения делали из сосны или кедры [Пелих Г. И., 1972, с. 62].

IX. Снабжение инвентарем

В основе этого акта лежало представление о том, что человек не

умирает, а только переходит в другой мир [Кулемзин В. М., 1984, с. 128—132]. Умершему клали самые необходимые вещи [Кулемзин В. М., 1977, с. 161; Пелих Г. И., 1972, с. 65, 67, 79; Томилов Н. А., 1983, с. 110]. Это явление было широко распространено у всех сибирских народов. Здесь не безынтересным представляется следующее: согласно мировоззренческим представлениям у селькупов вещи не портили, клали их целыми [Пелих Г. И., 1972, с. 65]. Отсутствие порчи предметов для умершего характерно и для ненцев и иганасян [Грачева Г. Н., 1983, с. 96, 117]. То есть элемент погребального ритуала известен северным самодийцам, проживающим в Западной Сибири. У хантов же наоборот, все предметы должны быть приведены в состояние, соответствующее закономерностям нижнего мира, т. е. испорчены.

Во время похорон и поминок на кладбище разводили огонь и готовили пищу [Кулемзин В. М., 1984, с. 141], резали скот и ели мясо над могилой [Томилов Н. А., 1983, с. 117]. Г. И. Пелих отмечает, что селькупы в день похорон убивали оленя и съедали его вокруг зажженного костра. Умершему клали куски мяса на могилу [Пелих Г. И., 1972, с. 62]. Как селькупы, так и ханты клали умершему ту пищу, которой он питался при жизни: охотнику — мясную, рыбаку — рыбную [Пелих Г. И., 1972, с. 62, 67; Кулемзин В. М., 1984, с. 142].

Проведенный анализ показывает наличие целого ряда общих черт в погребальном обряде селькупов, хантов и томских татар, что говорит о близости этих культур.

С другой стороны, анализ показывает сохранение у ныне живущих народов Западной Сибири некоторых черт того погребального обряда, который сложился в эпоху позднего средневековья.

Глава третья

ИНВЕНТАРЬ И КЕРАМИКА

§ 1. Инвентарь

Инвентарь достаточно разнообразен. Он характеризует различные стороны хозяйственной деятельности, уровень военного искусства населения Томского Приобья в позднем средневековье. Кроме того, он представлен украшениями, предметами личного обихода и культовыми предметами.

1. Орудия труда и оружие

Сошники. Основным орудием обработки земли были сошники. В Томском Приобье сошники известны из курганов VI—VIII вв. [Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983, с. 73].

Сошник найден на городище Шеломок (рис. 57—1). У него более оформлены плечики, острый рабочий конец, разомкнутая втулка. Размеры: длина его 23 см, длина втулки 10,2 см, рабочей части 12,8 см.

К орудиям заготовки сена следует отнести косу-горбушу, найденную в котловане жилища № 23 Могильницкого поселения II (рис. 17—5). Рукоять отделялась от рабочей части уступом, конец рукояти загнут. Конец рабочей части отломлен. Длина до рукояти 29 см, длина черешка 7 см. Черешок, видимо, вставлялся в деревянную основу. Ширина лезвия 2,5 см.

Коса-горбуша была распространенным инструментом. Б. А. Колчин отмечает, что сельскохозяйственные орудия, получив форму и технологию изготовления еще в конце I тыс. н. э., существовали в таком виде в продолжении многих веков русского земледелия [Колчин Б. А., 1959, с. 69]. Не исключено, что коса-горбуша из Могильницкого поселения II — предмет русского привоза.

Для размола зерна местное население пользовалось каменными жерновами. Фрагменты их найдены на городище Кижирово.

Топоры и тесла. Проушной топор русского типа найден только один (в жилище 23 Могильницкого поселения II (рис. 17—1). У топора широкое выпуклое лезвие, задний конец его приподнят к рукояти, верхняя грань обуха уплощена. Выделяется бородка. Отверстие для рукояти подпрямоугольной формы. Такой формы топоры наиболее поздние [Молодин В. И., 1979, с. 66].

Укажем несколько аналогий. Подобные топоры обнаружены на Остяцкой горе [Дульзон А. П., 1955, табл. VI—3], в могильнике близ Обдорска [Руденко С. И., 1914, рис. 1а].

В могильниках Тоянов Городок у д. Чернильщиного найдено, по одному проушному топору в форме клина [Грязнов М. П., 1976, табл. 1—5, рис. 59—1]. Верхняя грань обуха уплощена, отверстие овальной формы, сечение клиновидное. В. И. Молодин относит подобные топоры к наиболее ранним и, возможно, местного происхождения [Молодин В. И., 1979, с. 65, 68—69], а А. Ф. Медведев — к XIV — началу XV вв. [Медведев А. Ф., 1959, рис. 63]. Тесла до появления проушных топоров и наряду с ними выполняли те же функции, что и топор проушного типа. Тесла были полифункциональным инструментом, их применяли для рубки, долбления лодок, строгания, вытесывания различных деревянных предметов. Зародившись в конце первой половины I тыс. н. э., они просуществовали на территории Западной Сибири до начала XX в., а для некоторых видов работ употребляются и сейчас [Кулемзин В. М., Лукина Н. В., 1977, табл. IV, 3, 4; Томилов Н. А., 1980, рис. 7—12]. В позднесредневековых памятниках Томского Приобья они найдены в Козюлинском, Коларовском могильниках, Тояновом Городке, на городищах Кижирова, Шеломок.

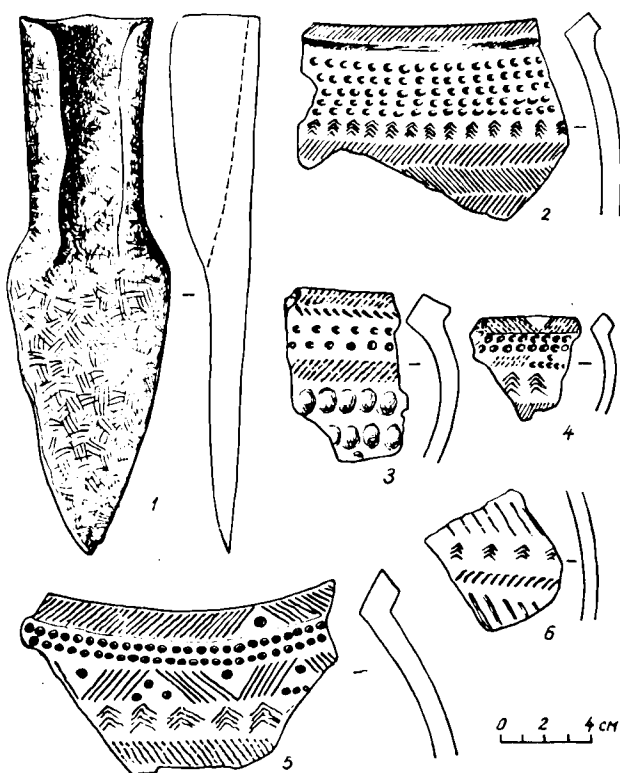

Рис. 57. Городище Шеломок. Сошник и керамнка

Все тесла сделаны из полосы железа с загнутыми ушками для рукояти. Все они трансцевидной формы с расширяющимся лезвием, в продольном сечении — клиновидные. Отличаются оформлением рабочего края, у большинства из них рабочий край прямой, у некоторых овальной формы, что было связано с различным функциональным назначением орудий. Общая длина тесла от 9 до 13,3 см, ширина рабочего края от 4 до 6,3 см.

Подобные орудия труда были широко распространены в Западной

Сибири: у барабинских татар [Молодин В. И., Соболев В. И., 1979, рис. 2—7], у чулымских тюрков [Дульзон А. П., 1953, табл. IX, 3, 4; Матюшенко В. И., Коркина И. А., 1978, рис. 12—4], у селькупов [Дульзон А. П., 1955, табл. VII, 2; Чиндина Л. А., 1975, табл. 11, 6].

В Коларовском курганном могильнике найдено тесло с широким овальным лезвием (рис. 9—14).

На городище Кижирова выявлен предмет, похожий на тесло, но возможно функциональное назначение его было иным. Этот предмет имеет относительно короткую втулку и очень широкое лезвие. Его длина 13,3 см, длина втулки 5 см, ширина лезвия 11 см (рис. 7—2). Возможно, это была сечка, употреблявшаяся в быту.

Нож. Самым распространенным универсальным орудием труда является нож. Ножи найдены на всех памятниках Томского Приобья.

Типология ножей, проведенная В. И. Молодиным на материалах Кыштовского могильника, вполне пригодна для ножей из Томского Приобья. Все они разделились на четыре типа. Основными признаками для выделения типов являются положение спинки и черешка, форма спинки, направление геометрических осей черешка и лезвия [Молодин В. И., 1979, с. 72].

Тип I. Спинка прямая, черешок заострен, отделяется от спинки уступом. Лезвие прямое. Длина ножей этого типа 26, 8—18 см. Ширина лезвия у черешка от 2,4 до 1,8 см (рис. 38—10). Выделяется нож с Могильнического поселения II. Это длинный нож с прямой спинкой и прямым лезвием, слегка закругляющимся у носка, с уступом, отделяющим длинный узкий черешок от лезвия (рис. 17—4). Такой нож, видимо, можно отнести к типу боевых, так называемых засапожников [Колчин Б. А., 1959, с. 56].

Тип II. Спинка выпуклая, имеет скос к острию, черешок может быть отделен небольшим уступом. Длина ножей этого типа 33—15,7 см, ширина лезвия у черешка от 3 до 1,4 см (рис. 33—1). В этой группе выделяется нож из кургана 7 Козюлинского могильника. Его длина 33 см, ширина 2,3 см (рис. 30—8). Он был положен в деревянных ножнах вдоль левой ноги, дужка ножен находилась на уровне тазовых костей, вероятно, нож подвешивался к поясу. Такой нож был либо охотничьим, либо боевым.

Тип III. Спинка ножей прямая или чуть изогнутая, она переходит в черешок, расположенный под небольшим углом по отношению к спинке. Длина ножей от 20,3 до 13,3 см, ширина лезвия от 2 до 1,1 см (рис. 36—1).

Тип IV. Лезвие симметричное, закругленная к острию спинка. Черешок широкий, служит продолжением спинки. Длина ножей 16,5—13,3 см, ширина лезвия у черешка 1,8—1,3 см (рис. 37—7). Среди ножей есть миниатюрные, длина их от 8,7 до 13 см. По конструктивным особенностям они относятся к I, II, IV типам.

Судя по остаткам дерева на черешках, рукояти ножей в большинстве были деревянными. Заостренный черешок вставлялся в рукоять до упора, но встречались случаи, когда черешок состоял из двух половинок, скрепленных заклепками (IV тип). Иногда на рукоять надевалось металлическое кольцо.

Ножи носили в берестяных, деревянных ножнах, их остатки встречены на ножах из погребений Козюлинского могильника и Тоянова Городка.

Определить функциональное назначение для каждого ножа затруднительно, безусловно, среди них есть боевые, охотничьи, кухонные, косторезные, сапожные, столярные. Ножи — слишком распространенная категория предметов, конструктивно они очень похожи, поэтому нет необходимости приводить аналогии, они есть во всех позднесредневеко-

вых памятников как Западной Сибири, так и других территорий. По этой же причине отличить местные ножи от привозных вряд ли возможно без большой серии анализов по технологии их изготовления. Нам представляется, что ножи как предметы первой необходимости были местного производства. Но, случаи покупки привозных ножей исключать нельзя.

Наконечники стрел. В конце I — начале II тыс. н. э. были выработаны те типы наконечников стрел, которые просуществовали вплоть до огнестрельного оружия. Они были одинаковыми как на западе в древней Руси [Колчин Б. А., 1953], в Новгороде [Медведев А. Ф., 1959, рис. 13], так и на востоке: у кыргызов [Худяков Ю. С., 1980, с. 78—113], чжурчженей [Медведев В. Е., 1977, с. 134—136, табл. XV—XVI]. Широкому распространению общих типов наконечников стрел, как и вооружения вообще, способствовали бурные политические события конца I — первой трети II тыс. н. э.

Железные наконечники стрел относятся к двум группам: четырехгранных и плоских наконечников. Автор придерживается типологии Ю. С. Худякова (1980).

• К группе четырехгранных относятся 4 экземпляра. 1. Удлиненно-треугольные (тип 3 по Худякову Ю. С.) 3 экземпляра. Найдены в Коларовском и Козюлинском курганных могильниках. Длина пера от 6,3 см до 7,2 см, ширина пера 1,3 см, длина черешка 4—4,5 см (рис. 55—2); 2. Томары (тип 4 по Худякову Ю. С.) 1 экз. Найден в Козюлинском курганном могильнике. Наконечник с вытянуто-трапецевидным пером, тупым острием и упором. Длина пера 8,5 см, ширина у тупого конца 3,5 см, черешок отломлен. Подобные наконечники известны в более ранних памятниках: Надеждинском могильнике [Медведев В. Е., 1977, табл. XV, 21], в могильнике барабинских татар Туруновка-2 [Соболев В. И., 1978, рис. 2—3].

Группа плоских наконечников

Тип 1. Удлиненно-треугольные. 2 экземпляра найдены в Козюлинском курганном могильнике, курган 66. Перо треугольное, остроугольное острие, плечики прямые. Длина пера 3,5 см, ширина 1,7 и 2,5 см, длина черешка у обоих экземпляров 8 см.

Тип 2. Асимметрично-ромбические. Найдены в могильниках Козюлинском, Тоянов Городок, на Могильницком поселении 1. Это самая многочисленная группа (34 экз.). Наконечники с ромбической формой пера, с упором или без упора. Перо варьирует от остроугольного к тупоугольному. Длина пера от 5 до 8 см, ширина от 1,7 до 5 см в его самой широкой части. Длина черешка от 4,2 до 6 см (рис. 37—9, 10; рис. 38—1; рис. 41—9 и т. д.)

Подобные наконечники найдены в средневековых памятниках Западной Сибири: в Балагачевском [Дульзон А. П., 1953, табл. 1—6, 8], в Тискинском [Чиндина Л. А., 1975, табл. 11—15, 16], в Берегаевском [Матющенко В. И., Коркина И. А., 1978, рис. 4—2, рис. 12—6] и в Кыштовском могильнике [Молодин В. И., 1979, табл. XXXVIII, 5, 17]. Широкое распространение в Сибири эти наконечники получили с монгольского времени, в эпоху позднего средневековья они были основным типом, их застали русские у местного населения.

Тип 3. Срезны. Найдены на Могильницком поселении 1. Длина пера 3,5 см, ширина 4,7 см, ширина черешка 6,5 см. Наконечник с овально-трапецевидной формой пера, с тупым широким острием, пологими плечиками (рис. 15—6).

Наконечник копья. Наконечники копий в эпоху железа были малораспространенным видом вооружения в Западной Сибири. Один наконечник копья происходит из жилища 48 Могильницкого поселения III. Копье втульчатое, форма пера треугольная, перо в сечении ромбическое, плечики покатые. Втулка разомкнута. Длина копья 34 см,

длина пера 20,5 см, диаметр втулки 3,4 см (рис. 21—1). Один наконечник известен из селькупского могильника у д. Тискино. Форма пера несколько отличается от описанной выше [Боброва А. И., 1982, рис. 4, 4].

Костяные наконечники стрел. Их принято относить к орудиям охоты, хотя по пробивной силе они могли бы употребляться как боевые [Молодин В. И., 1979, с. 77]. Костяных наконечников найдено значительно больше (в 2,5 раза), чем железных (130 экз.). Исследователями высказывалось мнение о том, что костяные наконечники клали в могилы взамен железных.

Костяные наконечники найдены на всех памятниках. Больше их в могильниках. Так, в Козюлинском могильнике они положены с погребенными по 2 шт. в 9 случаях, по 1 шт. — в 9, 3 шт. — в 1,4 шт. — в 3,5 шт. — в 1,6 шт. — в 3,7 шт. — в 1,8 шт. — в 1. В нескольких погребениях положены костяные наконечники вместе с железными: 6 костяных и 1 железный наконечники; 4 костяных и 1 железный; 3 костяных и 1 железный.

Наконечники стрел, если их встречалось несколько, положены кучкой, остриями в одну сторону. Были ли они в колчане, сказать трудно. В кургане 49 Козюлинского могильника 5 железных и 2 костяных наконечника стрел лежали у левого колена, немного выше их (ближе к поясу) находился железный крючок, на который обычно прикреплялся колчан. Возможно, в этом кургане стрелы были положены в колчане. Мы проследили место расположения наконечников стрел в погребениях Козюлинского могильника. С левой стороны костяка зафиксировано 12 случаев (2 — у руки, 1 — у бедра, 3 — у колена, 2 — у голени, 1 — у локтя), с правой стороны — 8 случаев (1 — у бедра, 1 — у костей таза, 3 — у колена, 3 — у голени). Чаще располагались наконечники у колена (6 случаев) и у голени (5 случаев). Древки не найдены, за исключением одного случая. В жилище 23 Могильницкого поселения II вместе с железным наконечником лежали фрагменты от 10 древков. Это хорошо обработанные, выпрямленные прутья.

Костяные наконечники просуществовали очень длительное время, мало изменяя свою форму. Пока нет исследования, в котором хронологически были бы прослежены изменения в форме, размерах и т. д.

Все наконечники, происходящие из Томского Приобья, черешковые. По форме пера, плечиков, шейки, сечению выделяются следующие типы. Автор придерживается типологии В. И. Молодина [Молодин В. И., 1979, с. 77].

Тип I. Это небольшие по размерам (от 5 до 12 см) наконечники, имеющие веретенообразную форму, в сечении овальные (рис. 32—32).

Тип II. 1 экз. Отличается от первого типа сечением — почти круглое, длина наконечника 24 см (рис. 36—7).

Тип III. Наконечники стрел с треугольной формой пера, треугольным сечением, часто на одной стороне имеется выемка. Плечики покатые. Длина пера намного больше черешка. Длина от 11 до 18 см, ширина наконечника от 1,0 до 1,9 см. Это наиболее многочисленный тип (рис. 33—5).

Тип IV. Наконечники по форме пера треугольные, ромбовидные в сечении. Длина их от 14,5 до 10 см, ширина пера 1,3—1 см (рис. 37—1—3,5).

Тип V. Наконечники отличаются от предыдущего типа шестиугольным сечением. Длина 13—11 см, ширина пера 2—1,7 см. Перо длиннее черешка (рис. 37—4).

Наконечники III—V типов имели острый режущий край. Вряд ли они различались по функциональному назначению. Интересной находкой является заготовка для 2 наконечников стрел с обращенными остриями в разные стороны (городище Кижирова). В связи с тем, что ко-

стяные наконечники стрел имели очень широкое распространение как во времени, так и пространстве, приводить аналогию, видимо, нет необходимости.

Крюки железные. Предположительно служили для подвешивания колчанов. Найдены в 4 курганах Козюлинского курганного могильника (рис. 29—4). Представляют собой железную пластину с крюком на узком конце. Длина пластин с крюком от 7 см до 13,7 см.

Употребление подобных крюков для подвешивания колчанов зафиксировано с раннего средневековья [Смирнов К. Ф., 1961, с. 109, рис. 10]. Особенно широкое распространение в Сибири они получают в конце I — начале II тыс. н. э. Находки их известны на Алтае [Гаврилова А. А., 1965, с. 67, рис. 9, 13], в Хакасии [Кызласов Л. Р., 1969, табл. I, 28], в Приамурье [Медведев В. Е., 1977, табл. XLVI, 9—12], в Забайкалье [Асеев И. В. и др., 1984, табл. 1—3, 6; табл. XXXVI, 5, 6]. Эти крюки имеют петлю на конце, то есть они подвешивались, а не прибивались к поясу, как во всех предыдущих случаях).

В эпоху позднего средневековья крюки, подобные Козюлинским, в Приобье найдены в Тискино [Боброва А. И., 1982, рис. 4—6], в Балагачево [Дульзон А. П., 1953, табл. VII, 3], в Кыштовке [Молодин В. И., 1979, табл. XLI, 2].

Накладки на колчан. Колчанов или каких-либо достаточных фрагментов для реконструкции их футляра не найдено. В кургане 66 Козюлинского курганного могильника обнаружены две костяные накладки на футляр колчана. Накладки располагались в нижней части колчана с двух сторон. Обе накладки имеют отверстия для прикрепления их к основе: у одной накладки их 2, у другой 1 (накладка обломана). Обе накладки орнаментированы. Размер целой накладки 4,7×5,3 см. Накладка имеет форму пальметты (рис. 48—8). На фрагменте второй накладки нанесена зигзагообразная линия (рис. 48—9).

Фрагменты железной цепочки. (Козюлинский могильник, курган 45). Подобные цепочки употреблялись для крепления портупен при ношении кинжала, ножей в ножнах, колчанов. Подобная цепочка есть в Балагачевском могильнике [Дульзон А. П., 1952, табл. XIV, 7].

Кресала. Приспособлением для добывания огня было кресало и кремь. Кресало — это металлическая пластинка, служившая для удара о кремь. Этот инструмент был распространен очень широко и применялся долгое время. Широко распространились кресала с конца I — начала II тыс. н. э. [Колчин Б. А., 1953, 1959; Степи Евразии, 1981; Медведев В. Е., 1977].

В Томском Приобье в памятниках позднего средневековья кресала найдены в городище Кижирово и в могильниках у д. Козюлино и Тоянов Городок. Почти во всех случаях вместе с кресалами найдены кремни от 1 до 3. Обычно это пластины, отколотые от куска породы.

Кресала делятся на три типа: калачевидные, прямоугольные с загнутыми концами для вставки в деревянную основу и кресала в форме прямоугольной пластинки (рис. 28—2; 33—10; 46—3). Кресала, подобные описанным выше, встречены в позднесредневековых могильниках: Балагачево [Дульзон А. П., 1953а, табл. VII, 5], Берегаево [Матющенко В. И., Коркина И. А., 1978, рис. 44,4; рис. 8, 1, рис. 12,5].

По археологическим материалам кресала в Томском Приобье фиксируются с начала II тыс. н. э.: в Басандайском курганном могильнике [Басандайка, 1947, табл. 47, 56, 60], в Курганной группе в устье М. Киргизке [МАЭС, колл. № 7558], в Астраханцевской курганной группе [МАЭС, колл. № 7592].

Какой из типов кресал является более ранним, установить вряд ли возможно, так как в ранних памятниках имеются все типы.

Напрясла. Этот очень древний предмет с эпохи неолита дожил

до наших дней [Кулемзин В. М., Лукина Н. В., 1977, табл. 5—1]. Они найдены среди предметов в погребениях могильников Коларовского, Тоянова Городка, Козюлинского, Чернильщиковского, на городищах Книжирово, Шеломок, Басандайка, на Могильницком поселении 1. Напрясла сделаны в большинстве из глинистого сланца, два предмета вырезаны из пластин каменного угля, несколько напрясел выполнены из кости. По размерам они довольно стандартны, большинство из них имеют диаметр 5,2—5 см, диаметр отверстия в центре 0,8—1 см. Несколько напрясел диаметром 6,8—7 см, одно — 4,8 см. Толщина от 1,3 см до 0,3 см. Только два напрясла имеют рисунки: радиально расходящиеся от центрального отверстия лучи на одном из них и две окружности на другом, рисунки типа елочек (рис. 42—8; 59—7).

Подобные предметы встречаются во многих позднесредневековых памятниках: Тургайском могильнике [Дульзон А. П., 1953, табл. V—I], Молчановском курганном могильнике [Дульзон А. П., 1953, табл. XXIV, 3], в Кыштовском могильнике [Молодин В. И., 1979, табл. XLI, 12].

Наперстки металлические, 3 экз. Найдены в Козюлинском курганном могильнике. Все они фабричного производства. Подобные предметы есть в Кыштовском могильнике [Молодин В. И., 1979, рис. 31, 5], в могильнике близ Обдорска [Руденко С. И., 1914, рис. 26], в коллекции из раскопок В. В. Радлова на Чулыме [Кренке Н. А., 1984, рис. 2—4].

Железные ножницы, шарнирные, 5 экз. Найдены в могильнике Тоянов Городок [Грязнов М. П., 1976, табл. 1, 4; табл. II, 4; табл. VI, 21] и в Козюлинском курганном могильнике (рис. 43—2; 47—14). Скорее всего, они являются одним из предметов русского привоза. Подобные предметы распространены были довольно широко, в том числе у чулымских тюрок [Дульзон А. П., 1952, табл. XI, 2, 3], у селюков [Дульзон А. П., 1953, табл. XXIV, 1; 1955, табл. VII, 3], найдены в могильнике близ Обдорска [Руденко С. И., 1914, табл. IX, 9].

2. Конская упряжь

Стремена. Они найдены в Козюлинском (1 пара), в Коларовском (1 пара) курганных могильниках и в могильнике Тоянов Городок (3 пары). Интересно отметить, что стремяна с правой и левой ноги несколько различаются по форме (рис. 29—1,2) [Грязнов М. П., 1976, табл. IV, 6]. В погребении 2 кургана 7 Козюлинского могильника стремяна были надеты на ноги умершего.

Все стремяна арочной формы с прямой или чуть прогнутой подножкой и прямоугольным (Козюлино) или трапецевидным выступом для ушка. Высота стремени (вместе с ушком) от 13,5 до 14 см, ширина (в широкой части) от 12,5 см до 13,5 см. Отверстие в ушке овальной формы. Ширина подножки от 4,6 до 5,6 см. Стремяна такой формы появились в начале II тыс. н. э. и продолжали бытовать в Сибири довольно длительное время [Кирпичников А. Н., 1973, рис. 29, тип. VII, а; Медведев А. Ф., 1959, рис. 22,6; Степи Евразии..., 1981, рис. 72, 23, 43, рис. 73, 7]. В Западной Сибири такие стремяна дожили до недавнего времени. Они найдены в могильниках Кыштовском [Молодин В. И., 1979, табл. XLIV, 1], Тискинском [Чиндина Л. А., 1973, табл. 13, 17], в коллекции В. В. Радлова из раскопок на Чулыме [Кренке Н. А., 1984, рис. 1—7]. Появление стремян с прямой подножкой было связано с развитием военного дела, в частности, с изменением военно-тактических приемов, при которых увеличивалась нагрузка на стремяна. Появлялись обувь с жесткой подошвой [Кирпичников А. Н., 1973, с. 45—46].

Стремянами пользовались не только воины. Они имели универсальное ездовое назначение [Кирпичников А. Н., 1973, с. 44].

Удила. Найдены в Козюлинском могильнике (7 экз.), в Тояновом Городке (9 экз.). Удила состоят из двух колец и двух подвижных, с

крюковым сцеплением звеньев (за исключением двух пар). По типологии А. Н. Кирпичникова, такие удила относятся к IV типу [Кирпичников А. Н., 1973, с. 16]. Звенья у удил часто разные по размерам (асимметричные): длина звеньев от 7,3 до 9 см с разницей в длине звеньев от 0,5 до 2,2 см. Диаметр колец колеблется от 4,5 до 6 см. Двое удил из Тоянова Городка относятся к типу кольчатых удил без перегиба, грызло у них состоит из одного изогнутого стержня [Грязнов М. П., 1976, табл. VII, 2; табл. V, 5]. А. Н. Кирпичников выделил такие удила в VI тип (1973, с. 17). Появились кольчатые удила в конце I тыс. н. э. [Медведев А. Ф., 1959, рис. 23, Кирпичников А. Н., 1973, с. 16]. Кольчатые удила из-за простоты изготовления получили широкое распространение и дожили до современности. За кольцо прикреплялся повод узды и ремень оголовья. У удил из кургана 32 Козюлинского могильника за кольца закреплены при помощи крюка железные пластины, к которым прикреплялся повод (рис. 45—10).

Шпора. Найдена одна в кургане 7 в погребении 2 Козюлинского курганного могильника (рис. 28—4).

Пряжки. Найдены в могильниках Тоянов Городок и Козюлинском. Пряжки могли быть как поясным предметом одежды, так и предметом конской упряжи. По расположению их в погребениях Козюлинского могильника можно выделить поясные.

Пряжки для конской упряжки копировали поясные [Кирпичников А. Н. 1973, с. 76], поэтому формы их были одинаковыми.

1. В наших материалах есть железные пряжки кольцевые 2 экз. Диаметр их 4 и 4,2 см. Язычок подвижный, сужающийся на конце. Пряжки такого типа (с диаметром до 3 см) известны с раннего средневековья [Кызласов Л. Р., 1960, рис. 28—24; Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983, рис. 5,1].

2. Пряжки с овальной рамкой и подвижным язычком. Размер 5,2×3,7 см; 4×3,5 см. Через такие пряжки мог проходить ремень шириной 2,5 см (рис. 28—6).

3. Пряжки с рамкой пятиугольной формы (3 экз.). У них усилены (широкая) передняя часть, заканчивающаяся мыском (рис. 28—5; 36—10; 45—4). У одной из них стороны прогнуты. Пряжки описанной формы известны с начала II тыс. н. э. [Кирпичников А. Н., 1973, рис. 43; Кызласов И. Л., 1983, табл. XIII].

В западносибирских материалах позднего средневековья пряжки описанных форм известны в Пачангском могильнике [Дульзон А. П., 1955, табл. VII, 5], в могильнике у д. Балагачево [Дульзон А. П., 1952, табл. XIV, 9], в Тискинском могильнике [Чиндина Л. А., 1973, табл. 12—3], в Кыштовском могильнике [Молодин В. И., 1979, рис. 24, 3].

Следует отметить, что железные пряжки стали более крупными по размеру. Костяные подпружные пряжки с начала II тыс. н. э. встречаются крайне редко.

3. Украшения

Перстни. 60 экз. Типология перстней для Западной Сибири на материалах могильника Кыштовка-2 разработана В. И. Молодиным [Молодин В. И., 1979, с. 87—89]. Автор придерживается этой типологии. Выделяются три группы: первая — перстни со вставками, вторая — перстни-печатки, третья группа — кольца.

Группа 1 — перстни со вставками. Найдены в Таяновом Городке (курган 27, 1 экз.), в Козюлинском могильнике, в курганах 7, погребении 3 (рис. 30—4); 8, погребении 1 (рис. 32—7), 47 (рис. 47—13), 3 экз. Гнезда для вставок были круглыми (тип 1, подтип 1 по Молодину). В одном случае сохранилась вставка из голубой бусины.

Группа 2 — перстни-печатки. Обнаружены в могильниках Тоянов Городок (16 экз.), Козюлинском и Чернильщиковском (32 бронзовых

и 3 оловянных). Типологии в этой группе подвергались только перстни с Козюлинского и Коларовского могильников.

Тип I, подтип 1 — перстни с округлой печаткой и такими же боковыми площадками — 1 экз. (рис. 25—15).

Тип I, подтип 2 — перстни с округлой печаткой без боковых площадок — 15 экз., из них два оловянных, остальные бронзовые. Нам представляется, что подтип 3 первого типа (у нас подтип 2) и подтип 1 третьего типа по типологии В. И. Молодина принципиальных отличий не имеет. Поэтому мы объединили перстни такого вида в подтип 2 первого типа. Из материалов по Томскому Приобью сюда следует еще отнести: подтип 4 — перстни с округлой печаткой с ромбической формой дужки около печатки — 1 экз., подтип 5 — печатка округлая, дужка около нее ступенчатая — 1 экз.

Тип II. В. И. Молодиным выделено 6 подтипов. Вряд ли правомерно выделять шестой подтип на том основании, что перстень сделан из олова. В. И. Молодин на с. 88 указывает на то, что деление на подтипы основано на внешних различиях перстней (форма печатки или вставки). На этом основании подтипы 2 и 6 мы объединяем. Подтип 1 — печатка округлая с расширяющейся к ней концами в форме треугольника дужки — 1 экз. (рис. 25—17).

Подтип 2 — печатка в виде овала — 8 экз., из них 1 — оловянный, остальные бронзовые (рис. 32—18—20).

Подтип 3 — печатка в форме ромба, 1 экз. (рис. 32—9)

Подтип 4 — печатка в форме восьмиугольника, 2 экз. (рис. 25—16; 45—3).

Подтип 5 — по Молодину в наших материалах не встречен.

Подтип 6 — печатка в форме цветка, 2 экз. (рис. 39—4).

Группа 3 включает два бронзовых кольца.

Многие печатки перстней орнаментированы: птица в различной позе изображена на 7 печатках (рис. 36—11; 47—9), человек — на 1-м, цветок — на 3; оловянные перстни, печатки которых украшены концентрическими кругами с насечками — 2 экз., печатки, разделенные на части поперечными и продольными линиями, — 7 экз. (рис. 47—1; 59—12). На двух из них боковые сегменты заштрихованы.

Перстни как украшения известны с эпохи бронзы. Каждая эпоха была подвержена своей моде. На протяжении всего времени существования неизменными оставались кольца из круглой проволоки.

Для позднего средневековья в Западной Сибири характерны перстни, печатки с различными рисунками. Поскольку украшения, как и другие предметы, стали предметом привоза, то они почти потеряли свое значение как этнопоказательный признак, хотя в некоторых случаях по заказу местного населения их изготавливали с учетом традиционных орнаментов того или другого народа.

Аналоги обширны по выше указанным причинам. Они есть в памятниках Причулымья [Дульзон А. П., 1955, табл. XIII, 1], есть в коллекции с о-ва Фаддея и залива Симы (Истор. памятник, 19, табл. XIV, 6), в могильнике Кыштовка-2 [Молодин В. И., 1979, табл. XLV, рис. 28]. В то же время надо отметить, что совершенно одинаковых перстней, сделанных по одной или близкой матрице, нет. Наиболее близки перстням из Притомья перстни из раскопок А. П. Дульзона на Чулыме. Как особенность томских перстней следует отметить оформление печатки в виде цветка, украшение щитков цветами, разделение щитков на сегменты.

Серьги. Они найдены во всех могильниках. Находятся серьги в большинстве случаев у черепа справа или слева. Так, в Козюлинском могильнике у черепа слева по 1 серьге зафиксировано 7 случаев, 2 случая у левой ключицы, один случай под черепом слева, 1 — на черепе слева; с правой стороны черепа по одной серьге известно 6 случаев,

по 2 серьги — 2, одна серьга лежала на костях грудной клетки с правой стороны, в 5 погребениях найдено по паре серег, по одной справа и слева у черепа. Серьги зафиксированы у детей 3—5 лет (курганы 37, погр. 1; 43), у подростков 7—9 лет (курганы 2, 55). Вероятно, это были девочки. Женщины носили по паре сережек, по 1 в каждом ухе, по одной серьге слева зафиксировано в 6 погребениях, справа — в 4, у мужчин выявлено по 1 серьге справа у черепа в 3 погребениях (курганы 11, погр. 2; 38, 48), в одном случае слева у черепа (курган 45, погребение 2), в одном погребении 1 серьга лежала слева, 2 — справа у черепа (курган 47). Серьги по форме можно разделить на 3 типа.

Тип I. Бронзовые серьги в форме загнутого кольца (диаметр от 1,3 до 1,7 см), оттяжка обвита часто тонкой бронзовой проволокой, на нее надеты круглые или овальные бусины, чаще по 1 из голубого или синего стекла (рис. 45—11; 59—4). У таких серег была дополнительная деталь: в ухо продевалось незамкнутое кольцо из бронзовой проволоки с острыми концами, на которые подвешивались описанные выше серьги. Подобного типа серьги известны в памятниках XIII—XIV вв. [Астраханцевский могильник, МАЭС, колл. 7592]. В позднесредневековых памятниках они найдены в Тургае [Дульзон А. П., 1953, табл. XII, 4], в Тискино [Чиндина Л. А., 1975, табл. 7—6].

Тип II. Серьги в форме вопросительного знака. Все сделаны из бронзы. Большинство имеют диаметр от 3,7 до 2 см, но есть несколько экземпляров с диаметром от 5,3 до 4 см. По оформлению оттяжки серьги второго типа можно разделить на несколько подтипов. У всех серег этого типа оттяжка заканчивается кольцом.

Подтип 1. На оттяжку одета трубочка биконической формы (рис. 39—5, в Козюлинском могильнике 5 экз.).

Подтип 2. На оттяжку одета трубочка, имитирующая бусины по 5 шт.: по 1—3 крупные, по 2—4 мелкие (рис. 25—1,2). Таких серег большинство. В Козюлинском могильнике — 10 экз.

Подтип 3. На оттяжку одета бусина, 1 экз. (рис. 33—8).

Подтип 4. Украшения для оттяжки сделаны в форме усеченного конуса. Основа выполнена из кости, на нее прикреплена серебряная обкладка (рис. 32—2). Серьги в форме знака вопроса — наиболее распространенный тип в позднее средневековье. Их можно встретить повсюду. Приведем лишь несколько аналогий. Они найдены в могильниках чулымских тюрков: Тургайском [Дульзон А. П., 1953, табл. XII, 9, 10], в селькупских могильниках Тискино [Чиндина Л. А., 1975, табл. 14—5] и Остяцкая гора [Дульзон А. П., 1955, табл. XI, 7], в могильниках южных хантов Кыштовка-2 [Молодин В. П., 1979, табл. XLVI, 1—12], В. В. Радловым на Чулыме [Кренке Н. А., 1984, рис. 2—3,6].

Тип III. Серьги в форме незамкнутого кольца, изготовлены из бронзовой проволоки. Такие серьги выявлены в Коларовском могильнике и в Козюлино.

Браслеты. В Козюлинском могильнике их найдено 5 шт., четыре из них оловянные, один бронзовый. Два браслета найдены с детьми 3—5 лет (курган 43), один в погребении мужчины (курган 11, погребение 2), два в погребении женщины (курган 45, костяк I; курган 47). Носили их на запястье. Оловянные браслеты по технике изготовления двух типов.

Тип I. Изготовлены из круглой, немного расплющенной оловянной проволоки (рис. 36—8; 43—4), 3 экз.

Тип II. Изготовлены из оловянной пластинки (рис. 47—15), 1 экз.

Бронзовый браслет пластинчатый, один конец в форме овала. В середине пластина расширяется до 1 см против 0,4 см в остальной части. Браслет на внешней стороне украшен насечками и прямой линией, проходящей по середине ширины браслета. Браслеты известны по поздним археологическим памятникам на Чулыме [Дульзон А. П., 1953,

табл. XIII], в могильнике Кыштовка-2 [Молодин В. И., 1979, рис. 27]. Браслеты из Козюлино отличаются от кыштовских отсутствием застежек.

Металлические браслеты, чаще из низкопробного серебра, носили сибирские татарки [Валеев Ф. Т., 1980, с. 154].

Бусы и бисер. Они найдены во всех могильниках. Надо отметить, что в каждом могильнике их немного. Так, в Козюлинском могильнике всего 105 бусин, из них 89 голубых, 9 черных, 1 фиолетовая, 4 темно-синих, 1 прозрачная с белыми полосками, 1 коричневая (рис. 25—8—10; 32—15—17). Только в одном погребении зафиксировано ожерелье, состоящее из 3 голубых бусин, 3 бронзовых подвесок с ушками, 8 черных стеклянных подвесок с металлическими ушками и 2 крупных синих бус (курган 45).

В Тояновом Городке бусы обнаружены в 4 курганах. В кургане 51 их было значительное количество (48 целых и 20 расколотых бусин), достаточное для ожерелья. В ожерелье, видимо, входили две бронзовые бляшки, 4 подвески с отверстием. Все бусы в ожерелье были голубого цвета. В Коларовском могильнике бусы выявлены в одном кургане (рис. 56—17). Найдены они и в могильнике у д. Чернильщикова (рис. 59—8). Чаще всего бусы находятся в погребениях россыпью в области груди, шеи, есть несколько случаев — под погребениями в единичных экземплярах, у черепа и в области ног.

По форме их можно разделить на круглые, разного размера и продолговатые. В двух случаях бусы были со вставками: одна темно-синяя с белыми полосками, другая голубая, с полосками в виде спирали.

Бисер встречается редко. Так, в Козюлинском могильнике он зафиксирован в 2 курганах (26,43), в Тояновом Городке — в одном кургане (41) в Коларовском могильнике его нет. Бисер круглый, рубленый, черного, белого цветов.

Бусы, описанные выше, как считают исследователи, были привозными. Они найдены во многих позднесредневековых могильниках. Укажем аналогию в могильниках на Чулыме [Дульзон А. П., 1953, табл. XV; Кренке Н. А., 1984, рис. 2, 12, 14], в Тискинском могильнике [Чиндина Л. А., 1975, табл. 9—8,9], в могильнике Кыштовка-2 [Молодин В. И., 1979, рис. 26].

Бронзовые бляхи

1. Бронзовая ажурная бляшка из погребения кургана 11 Коларовского могильника напоминает сrostкинские бляшки, размер 5,3×4,2 см (рис. 56—14).

2. Прямоугольная бляшка из погребения кургана 11 Коларовского могильника. Она сделана из тонкой металлической пластинки, штампованная, выделяются 4 выпуклости по углам и одна в центре (рис. 56—13).

3. Бронзовая бляшка из погребения 2 кургана 7 Козюлинского могильника в форме полумесяца с выступами в центре по бокам и снизу. На обратной стороне массивная петелька (рис. 28—1). Лежала между ног на куске кожаного ремня.

4. Колесовидные подвески 2 шт. Найдены в курганах 20, погребения 1; 48 (рис. 40—1; 48—3). Они подвешивались к поясу. Подобные бронзовые подвески известны в Томском Приобье с эпохи раннего железа и доживают до наших дней. В 1970 г. в Музей археологии поступила коллекция, собранная у васюганских хантов, в том числе в ней находился матерчатый пояс с подобными подвесками [Каталог, 1979, с. 247]. Такие подвески считаются предметом привоза. Они встречаются довольно широко, назовем лишь несколько памятников: Кыштовский могильник [Молодин В. И., 1979, табл. XLVII, 2], могильник Остяцкая Гора [Дульзон А. П., 1955, табл. XI, 4], могильник у с. Балагачево

[Дульзон А. П., 1953, табл. XIV, 4], есть они в коллекции с о-ва Фаддея и залива Симса [Историч. памятник, 1951, табл. XIII, 25].

Коньковая подвеска. Найдена в кургане 22, погребении 1 Козюлинского могильника. Выполнена из бронзы, в середине петля треугольной формы, в обе стороны от нее расположены головки животных (рис. 40—4). Такие подвески широко были распространены на северо-востоке европейской части СССР и в Припиртышье в предшествующие эпохи [Оборин В., 1973, рис. 3—1; 1976, 38а; Конников Б. А., 1984, рис. 4—1]. Аналогий в позднем средневековье в Приобье нам не известно.

Подвески. Они найдены во всех могильниках. Среди них можно выделить несколько групп: 1. Бронзовые цельнолитые с ушком. 2. Подвески-пуговицы, основа у них стеклянная, ушко металлическое.

Группа I. Тип I. Подвески с коническим туловом, округлым верхом с петелькой (рис. 25—5, 6, 20; 46—6, 7, 16, 17).

Тип II. Подвески овальной формы с ушком.

Подтип 1. Подвески с ребристой поверхностью, так называемый «крыжовник» (рис. 32—5).

Подтип 2. Подвески с гладкой поверхностью (рис. 45—15—17).

• Подтип 3. Бронзовая подвеска овальной формы, полая внутри, вдоль проходит ребро, наверху — ушко (рис. 30—2).

Тип III. Оловянная подвеска с кольцом наверху и с шишечкой снизу. Выполнена изящно, выпуклые полосы чередуются с точечным орнаментом (рис. 30—1).

Группа II. Тип I. Подвески-пуговицы. Стекло черного цвета, ушко металлическое. Чаще всего они круглой формы (рис. 38—9).

Бронзовые цельнолитые подвески встречены в могильниках Остяцкая Гора [Дульзон А. П., 1955, табл. XII, 2, 7, 8], Тискино [Боброва А. И., 1984, рис. 1, 9], из раскопок А. В. Радлова на Чулыме [Кренке Н. А., 1984, рис. 2, 11], Кыштовка-2 [Молодин В. И., 1979, табл. XLVII, 9, 14—17, 29].

Стеклянные пуговицы с металлическим ушком, аналогичные такому в Кыштовке-2 [Молодин В. И., 1979, табл. XLVII, 18—21]. Описанные подвески нашивались на одежду в качестве украшений по полам, иногда на рукава. Часть из них служила пуговицами.

4. Различные предметы

Костяное навершие посоха. 2 экз. Это очень редко встречающийся в археологических материалах предмет. Найдены в Козюлинском курганном могильнике (курган 49) и в Тояновом Городке (курган 11). Кость плоская, овальная в сечении, загнута почти под прямым углом. Один конец вставлялся в посох, он заострен с обеих сторон. Длина рукояти 14,5 см, длина вставки 14,5 см. Такие наконечники посохов известны по этнографическим материалам хантов [Кулемзин В. М., Лукина Н. В., 1977, табл. VI, 5, рукоять надета на палку]. Это единственный предмет в коллекции, свидетельствующий о средствах передвижения — лыжах.

Ложки. Такие предметы встречаются очень редко. Они найдены в Козюлинском курганном могильнике (рис. 48—7; 49—1) и на Могильником городище (1 экз.) (рис. 12—9). Все они сделаны из кости. Одна из ложек из Козюлинского курганного могильника на ручке имеет украшения с обеих сторон в виде зигзагообразной линии. На конце — небольшое отверстие (рис. 49—1). Подобная костяная ложка найдена на Вознесенском городище [Соболев В. И., 1978, рис. 5—л].

Курительные трубки. 2 экз. Обе происходят из Козюлинского курганного могильника (курган 23, 37). Трубки сделаны из сланца (рис. 40—8; 46—1). Все грани трубки из кургана 37 орнаментированы зигзагообразными линиями. Трубки найдены у чулымских тюрков

[Дульзон А. П., 1953, табл. XXI, 5], у селькупов [Дульзон А. П., 1955, табл. IX, 2, с. 99], но они сделаны из бронзы и аналогии находят в Восточной Сибири.

Медный гребень (рис. 46—20). Найдены в кургане 43 Козюлинского могильника. Размер 4,5×3,7 см, высота зубьев 0,8 см, ширина зуба — 1 мм. В верхней части в середине гребня отверстие. Заканчивается гребень двумя выступами, похожими на головки фигурок, обращенных в разные стороны. Находки костяных гребней известны в Приобье с раннего средневековья [Чиндина Л. А., 1984, рис. 28, 1, 2, 4]. В памятниках позднего средневековья гребни найдены в Балагачево [Дульзон А. П., 1953, табл. XI, 4], на Остяцкой Горе [Дульзон А. П., 1955, табл. XI, 6], медный гребень известен из сборов полярной экспедиции на о-ве Фаддея и залива Симса [Исторический памятник, 1951, с. 7].

Зеркала. Найдены в Тояновом Городке (1 экз.), в Коларовском могильнике (1 экз.), в Козюлино в 4 женских погребениях и одном погребении подростка 9—12 лет, вероятно, девочки (курган 41, погребения 3). Все зеркала, за исключением Коларовского, стеклянные, дошли разбитыми на мелкие кусочки. Стекло темное, с серебристым налетом на одной из сторон. Располагались зеркала в разных местах (по материалам из Козюлино): за головой (курган 14, погр. 3), на поясе (курган 19, погр. 2), у голени левой ноги рядом с сосудом (курган 26, погр. 1), у левой ступни (курган 45, 47). В последнем — вместе с ножницами и костяной иглой, в кургане 45 зеркало имело металлическую ручку.

Интересным является нахождение бронзового зеркала с фигуркой козла из погребения кургана 1 Коларовского курганного могильника. Оно лежало на поясе. Дело в том, что в данном случае мы имеем вторичное использование предмета: такие зеркала датируются V—III вв. до н. э. и встречаются на памятниках Томского Приобья. Ближайшим к Коларово таким памятником является поселение Шеломок I и Шеломок II. При раскопках зеркала найдены на обоих памятниках [Плетнева Л. М., 1977]. Возможно, что в Коларово его использовали не в качестве зеркала, а как «диковинный» предмет. В памятниках позднего средневековья зеркала найдены в могильниках у с. Балагачево [Дульзон А. П., 1953, табл. XI, 5], Кыштовка-2 [Молодин В. И., 1979, с. 96—99].

Стеклянные зеркала являлись, видимо, предметом привоза.

§ 2. Керамика

Керамика, являясь наиболее массовыми находками на местах поселений и необходимым элементом в погребальных комплексах, сохранила свое значение от эпохи неолита до позднего средневековья. Особенности западносибирской керамики — богатая орнаментация. Она позволяет исследователям использовать ее как один из факторов, отражающих культурогенез.

В Томском Приобье керамика встречена на всех известных поздне-средневековых памятниках. В могильниках она зафиксирована как в насыпи курганов (Коларовский, Козюлинский), так и в погребениях (Козюлинский, Тоянов Городок, Черныльщичково, Тахтымышево).

Для анализа керамики были отобраны целые сосуды, сосуды графически восстановленные, а также крупные фрагменты (венчики), на которых орнамент прослеживался полностью. Вся керамика изготовлена ручным способом. По назначению она делилась на кухонную, столовую и ритуальную посуду. Сосуды по форме делятся на две группы: горшки и чашки (тазы). При анализе орнаментации керамики автор придерживается тех определений понятий (элемент, мотив, компози-

ция), которые даны в работе О. Б. Беликовой, Л. М. Плетневой (1983, с. 51—52).

Орнамент на керамике — один из элементов традиционной культуры местного населения.

Отличительной особенностью керамики позднего средневековья является заполнение орнаментом чаще всего всей поверхности сосудов или значительной ее части (рис. 7, 10, 33—2 и др.). Несколько сосудов из всей коллекции украшены только в верхней части. Неорнаментированы небольшие сосудики вместимостью 0,1—0,4 л. Так, из 24 сосудов Козюлинского могильника не орнаментирован только 1. Так же, как в предшествующее время, орнаментация каждого сосуда была индивидуальна, двух совершенно одинаково украшенных сосудов нет.

Если говорить об элементах орнамента, то их немного: ямка, лунка, гребенчатый штамп, резная линия, треугольники, отпечатки ногтя. Способ расположения элементов — вертикально, горизонтально, наклонно — дает признаки орнаментальных композиций. Иногда элементы в признаке сочетаются по 2—3. Построение композиции зависит от формы предметов. Композицию на сосудах принято рассматривать по вертикали: сверху вниз. Она распадается на несколько зон, отличных друг от друга по оформлению:

1) оформление среза венчика, 2) полоса под срезом венчика — по венчику или шейке сосуда. Эта полоса венчает композицию и оформляется в виде бордюра, 3) заполнение орнаментального поля по тулову сосуда. В каждой зоне своя соподчиненность.

Для характеристики орнамента на керамике, происходящей с памятников позднего средневековья Томского Приобья, составлен список признаков (1—39).

Список признаков орнамента для керамики позднего средневековья Томского Приобья

1. Ряд ямок	• • •
2. Полоса от оттисков палочки	с с с
3. Лунки	∪ ∪ ∪
4. Полоса из оттисков горизонтальной гребенки	•••••
5. Пояс из вертикальных оттисков прямопоставленной гребенки	⋮
6. Пояс из оттисков прямопоставленной гребенки, наклон влево	⋮
7. Пояс из оттисков прямопоставленной гребенки, наклон вправо	⋮
8. Пояс из вертикальных оттисков косопоставленной гребенки	⋮
9. Пояс из оттисков косопоставленной гребенки, наклон вправо	⋮
10. Пояс из оттисков косопоставленной гребенки, наклон влево	⋮
11. Прямые оттиски раздвоенной гребенки	⋮
12. Наклонные оттиски раздвоенной гребенки, наклон влево	⋮

13. Наклонные оттиски раздвоенной гребенки, наклон вправо

14. Зигзаг из оттисков гребенки

15. Сочетание зигзага из оттисков гребенки с ямками

16. Сочетание зигзага из оттисков гребенки с треугольниками

17. Усеченный зигзаг из оттисков гребенки

18. Мотив «гребенчатая елочка»

19. Пояс из вертикальных оттисков резной палочки

20. Пояс из резных линий, наклон влево

21. Пояс из резных линий, наклон вправо

22. Мотив «резная елочка»

23. Прямые оттиски раздвоенной резной линии

24. Оттиски раздвоенной резной линии, наклон влево

25. Оттиски раздвоенной резной линии, наклон вправо

26. Зигзаг из резных линий

27. Зигзаг из резных линий в сочетании с треугольниками

28. Зигзаг из резных линий в сочетании с ямками

29. Оттиски уголком дощечки

30. Оттиски уголком гребенки

31. Пояс из сочетания

32. Пояс из сочетания

33. Пояс из сочетания

34. «Ногтевой» орнамент

35. Пояс из строенных оттисков уголком лопатки с фигурным краем

36. Пояс из горизонтальных оттисков уголком лопатки с фигурным краем

37. Пояс из сочетания

38. Короткие прямые насечки

39. Короткие наклонные насечки

Рассмотрим орнаментацию сосудов по зонам.

Оформление среза венчика. Используются признаки: крупные лунки (3)*, оттиски прямо и косо поставленной гребенки с наклоном вправо и влево (6, 7, 9, 10), усеченный зигзаг из оттисков гребенки (17), последний дополняется лунками (3).

* Под цифрой обозначены номера признаков.

Орнаментация венчика и шейки сосуда. Украшению венчика и шейки придавалось особое значение. Бордюр состоял из следующих признаков: 1—3, 5, 6, 8, 10, 14—18, 20, 22, 26—33, 35—39. Как видим, набор признаков значителен, но на одном сосуде их могло быть не больше 3, чаще всего их было 2. Например, признак 5 и 14 (пояс из вертикальных оттисков прямопоставленной гребенки и зигзаг из оттисков гребенки), 6 и 16 (пояс из оттисков прямопоставленной гребенки, наклон влево и зигзаг из оттисков гребенки в сочетании с треугольниками) или 3 и 6 (лунки и пояс из оттисков прямопоставленной гребенки, наклон влево) и т. д. Наиболее часто повторялись ряды ямок, лунок и оттиски уголком лопаточки.

Орнаментация тулова. Для орнаментации тулова характерна многократная повторяемость одних и тех же признаков. Орнамент украшает чаще всего весь сосуд, редко половину высоты сосуда или одну треть.

При нанесении орнамента на тулово использовались все признаки, но частота их использования и соподчиненность были различными. Основными и чаще всего используемыми были признаки 5—13 и 18—25. Это полосы из оттисков гребенки или резных линий вертикального или наклонного расположения, часто употреблялся мотив «елочка». Полосы разделялись одним или несколькими (чаще двумя) горизонтальными рядами ямок, мелких лунок или треугольных оттисков уголком лопаточки. Иногда это были пояса из сочетания ямок и оттисков гребенки (31), ямок и оттисков уголком палочки (32), или пояс из наклонных резных линий (влево и вправо) и ямок между ними (33), встречаются пояса из строенных оттисков уголком лопаточки с фигурным краем (35, 36) и пояс из двух ямок и наклонных резных линий (37).

Орнаментальные полосы на тулове было 5—7. Во всей композиции чувствуется соразмерность, придающая сосуду нарядный вид. Законченность композиции обуславливали некоторые элементы, которые не были повторением основного узора или были расположены другим способом. Так, например, после мотива гребенчатой елочки выполнено два ряда прямых оттисков гребенки или после наклонных рядов из оттисков гребенки (наклон влево) дан разреженный ряд более удлиненных оттисков с наклоном в противоположную сторону. Очень редко композиция заканчивается поясом из треугольных оттисков уголком дощечки. Следует отметить такую деталь: орнамент, заканчивающий зону на тулове, никогда не повторяет зоны под венчиком и на шейке.

Для керамики позднего средневековья характерна гребенчатая орнаментация (72,5%). Второе место по распространенности занимают орнаменты из резных линий (18,3%). На третьем месте стоят орнаменты из таких признаков, как ямки, лунки, полоса из оттисков палочки (1—3). Только на керамике позднего средневековья встречается такой орнамент, как ногтевой, и характерен он в основном для определенного типа посуды — тазов (рис. 6—2, рис. 58). Изредка нанесен в сочетании с другими признаками на других сосудах.

По качеству теста и по нанесению орнамента посуда довольно четко различается: основная часть сосудов выполнена достаточно аккуратно с четким нанесением орнамента. Меньшая часть сосудов, но присутствующая во всех поселенческих коллекциях, исполнена из хорошо отмученной глины, равномерного хорошего обжига, тонкостенная и с тщательной прорисовкой орнамента. Эта посуда имеет парадный вид. Как правило, это сосуды емкостью 5—7 л. И, наконец, третья группа сосудов с очень небрежным нанесением орнамента.

Причин такого явления, по-видимому, несколько:

1. Назначение посуды. 2. Мастерство исполнителя. 3. Общий стиль, характеризующий ту или иную этнографическую группу.

ХОЗЯЙСТВО

§ 1. Железоделательное производство

Почти 3 тыс. лет назад человечество нашло способ получения нового металла — железа. Переход к использованию железа вызвал ускоренное развитие производительных сил. «Человеку стало служить железо, последний и важнейший из всех видов сырья, игравших революционную роль в истории» [Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 21, с. 163]. Применение железа расширило технические возможности человека, ускорило развитие хозяйства. Железо получали способом прямого восстановления его из руд, так называемым сыродутным способом. Суть сыродутного способа не изменялась на протяжении всей истории его существования. Metallургическое железо, употребляемое в технике, никогда не является чистым железом, оно представляет собой сплав железа с другими элементами [Байков А. А., 1948, с. 121].

Весь процесс получения железных изделий состоял из двух последовательных этапов: 1) получение железа из руды — железоделательное производство, 2) изготовление из него необходимых предметов — железообрабатывающее производство.

Рассмотрим первый этап. Для получения железа необходимы были следующие компоненты: руда, топливо, флюсы, печь.

Руда. Она найдена на городище Шеломок, на поселении Могильники II и на городище Кижирова. В двух первых случаях это был сидерит, в последнем — магнетит [Малолетко А. М. и др., 1983], определенное магнетита произведено Свешниковой В. Л., зав. минералогическим музеем ТГУ.

В археологической литературе по Сибири не упоминается использование сидеритовых руд в железоделательном производстве. Для доказательства возможности применения именно сидеритовых руд для получения железа были сделаны анализы шлаков и руды с городища Шеломок [Малолетко А. М. и др., 1983, с. 118—121]. Состав микропримесей в руде и в шлаке оказался очень близким. По результатам анализов руд с трех памятников Томского Приобья было сделано заключение, что томские металлурги использовали для получения железа магнетитовые и сидеритовые руды [Малолетко А. М., и др., 1983, с. 115].

Употребление болотных руд на материалах Томского Приобья не фиксируется. После постройки Томска сидеритовые руды были найдены кузнецом Федором Еремеевым в районе Лагерного сада [Пугачев А. Р., 1949, с. 121]. Но их оказалось немного, так как залежали они небольшими линзами. Возможно, что местное население пользовалось такими месторождениями. Наиболее надежной базой являлся рудный Алтай.

Обязательным условием получения качественного железа было обогащение руды. Оно включало несколько операций. На месте добывания руды ее дробили, отделяя пустую породу, затем, видимо, уже на месте плавки руду обжигали, дробили и просеивали через решето с ячейками определенного размера [Колчин Б. А., 1953, с. 39; Байков А. А., 1948, с. 340, 360; Серошевский В. Л. 1896, с. 383]. Совершенно необходимой операцией, как это показал эксперимент Б. А. Колчина и О. Ю. Круга, была сушка руды [Колчин Б. А., Круг О. Ю., 1965, с. 214]. По этнографическим материалам выявлено несколько приемов при обогащении руды: 1) просушка (выветривание), 2) обжиг, 3) размельчание, 4) промывка, 5) просеивание [Колчин Б. А., 1953, с. 39].

Обогащение руды было вызвано технологическим процессом получения железа: 1) оно давало возможность металлургу получить в печи необходимую температуру, 2) при удалении пустой породы обеспечивался больший выход готового железа. Одна из операций, а именно обжиг руды, зафиксирована на Могильницком поселении II.

Топливо. Очень важным элементом в сыродутном процессе был древесный уголь. Еще недавно, в 40—50-е гг. XX в., древесноугольная металлургия была известна на Урале. Исследователи отмечали более высокие качества железа, стали и чугуна, полученных с применением древесного угля, меньшую подверженность их коррозии [Бардин И. П., 1946; Коробкин В. А., 1943, 1948; Смольников Н. И. и др., 1941].

Древняя металлургия железа была полностью основана на сыродутном процессе с применением древесного угля. Древесный уголь получали двумя способами: ямным и кучным [Колчин Б. А., 1953, с. 40; Сунчугашев Я. И., 1979, с. 102—105, 108—109]. В историческое время известны были несколько методов получения кучного угля: итальянский, французский, немецкий, уральский, шведский и др. [Коробкин В. А., 1948, с. 258—276]. В. А. Коробкин отмечает, что около 300 лет назад углежжение на Урале производилось ямным способом. Этот способ более примитивный, чем кучное углежжение [Коробкин В. А., 1948, с. 175].

Интересно, что ямный способ получения древесного угля известен и в настоящее время. Так, Б. А. Колчин и О. Ю. Круг древесный уголь для эксперимента получали в Прилуцком леспромхозе, где его производят обычным ямным способом [Колчин Б. А., Круг О. Ю., 1965, с. 202].

Роль угля в металлургическом процессе сводилась к получению высокой температуры в печи и созданию сильно восстановительной атмосферы.

Для обеспечения успешной плавки уголь должен был обладать несколькими качествами: быть сухим и определенного размера. Это подтвердили экспериментальные плавки, проведенные Б. А. Колчиным и О. Ю. Кругом [Колчин Б. А., Круг О. Ю., 1965, с. 202].

При раскопках на городище Шеломок в месте скопления шлаков (объект № 3, 1976 г.) найдено значительное количество угля, который был выжжен из сосны (определение В. Д. Несвитайло, сотрудника института биологии и биофизики Томского университета). Сосновый уголь употреблялся в Древней Руси [Колчин Б. А., 1953, с. 40], в Хакасско-Минусинской котловине в эпоху средневековья [Сунчугашев Я. И., 1979, с. 117]. При углежжении применялись и другие породы: ель, береза, осина; в южных районах — дуб, бук и др. [Коробкин В. А., 1948, с. 30]. При получении угля порода древесины, из которой получен уголь, существенного влияния на его теплотворную способность не оказывает. Теплотворная способность угля зависела от конечной температуры переуглевания. Она возрастала до температуры переуглевания 600°. При дальнейшем повышении температуры теплотворная способность остается почти стабильной [Коробкин В. А., 1948, с. 73]. Наиболее качественный уголь получался при температуре переуглевания 500—600°.

Флюсы добавлялись для придания шлакам текучести, что обеспечивало вывод шлаков из печи. Применение флюсов зависело от состава руды. При употреблении болотных руд флюсы применялись редко. Флюсы найдены на городище Шеломок. Это болотный мергель.

Печи. Имеющиеся материалы по Томскому Приобью фрагментарны, и поэтому реконструкция печи представляется чрезвычайно трудоемкой и в некоторой степени условной. Приведем описание всего имеющегося материала.

Городище Кижирово. При раскопках 1972 г. на валу (теперь запаханном) были обнаружены остатки печи в обломках, а по

склону рва — слой шлака. Под шлаком была прослойка прокаленной земли, под ней — прослойка углистой земли.

Во все годы раскопок городища Кижирова в культурном слое были обнаружены шлаки, куски руды, железные изделия.

Городище Шеломок. На этом памятнике найдено наибольшее количество находок, свидетельствующих о железоделательном производстве на месте. Это остатки печей, горн, огромное количество шлаков, флюсы, железные предметы, древесный уголь. С целью наиболее эффективного исследования памятника на предмет железоделательного производства в 1976 г. студентами-геофизиками ТПИ под руководством Г. Г. Номоконовой и З. А. Мышко была проведена магнитометрическая съемка на нераскопанной части городища. На магнитометрическом плане выделились участки с положительными аномалиями, которые вызваны были скоплением железных шлаков, криц, развалом плавильных печей, печей-очагов в жилищах и железными изделиями. Проведенными по результатам магнитометрической съемки раскопками в 1976, 1981—82 гг. были выявлены развалы двух плавильных печей и горна, места выброса шлаков, обнаружены печи-очаги в жилищах, в одной аномалии найден сошник.

Дадим описание материала.

Раскопки 1976 г. На объекте 1 выявлен сошник, плитка из обожженной глины размером $4,5 \times 4,5 \times 3,2$ см (с этой стороны часть стенки сколота). Это часть заслонки, закрывающей отверстие внизу печи, через которое выпускали шлак и вынимали крицу. С одной стороны плитка была ошлакована. В ней есть воздуходувное отверстие. Кроме того, обнаружен железный шлак округлой формы размером $14 \times 13,5$ см, толщиной 6—7 см.

На объекте 2 выявлен развал печи, состоящей из обломков обожженной глины, найдены куски шлака, часть стенки печи из обожженной глины с приставшим к ней шлаком и воздуходушным отверстием. Размер фрагмента $14 \times 8,5$ см, толщиной 5,3 см. В середине фрагмента располагалось воздуходушное отверстие размером $2 \times 1,5$ см, с одной стороны шлак заплыл в отверстие. Кроме того, на этом объекте найдены куски шлака.

На объекте 3, расположенном на восточном склоне городища, найдено большое количество шлаков, древесного угля, фрагменты футировки, валик из обожженной глины и флюсы. У подошвы Шеломка был обнаружен кусок сидеритовой руды.

В коллекции раскопок 1959 г. выявлено большое количество шлаков, фрагментов стенок печей, фрагменты заслонок с воздуходушными отверстиями, несколько фрагментов кирпичей с овальным краем.

В 1982 г. на объекте 4 обнаружена разрушенная печь. Размер развала $1,48 \times 0,4—0,8$ м. При ее расчистке выявлены: сверху обожженная земля с кусками прокаленной глины. Толщина этой прослойки 5—24. Под ней прослойка мешаной земли. Сохранилась часть камеры печи. Стенки ее из прокаленной глины, толщина сохранившейся части 8—9 см. Камера имела диаметр нижней части 40 см. Сохранился под печи. Толщина футировки 4—5 см. Рядом с остатками печи располагалась площадка, насыщенная кусками прокаленной глины. Размер ее $0,9 \times 0,3—0,4$ м. Здесь же были куски разбитой заслонки. После реставрации размер сохранившейся части ее 23×9 см, толщина 4,7 см. В середине ее, у нижнего края, воздуходушное отверстие, диаметром 2 см. Вся заслонка сильно прокалена, на внутренней стороне ошлакована.

Около печи и площадки было большое количество железных шлаков. Печь находилась в помещении размером $3,4 \times 4,4$ м, глубина котлована 20 см. Это помещение можно рассматривать как производствен-

ное. Не исключено, что оно было одновременно и жилищем мастера. С северной стороны печи найден разбитый сосуд.

Могильническое поселение II.

Объект 41 (описание см. в § 2 первой главы). Внутри объекта обнаружены разбитые сопла. Одни из них имеют ошлаковку, другие чистые. Сделаны они из глины, хорошо обожжены. Размеры их: длина 7 и 8 см, толщина стенок 1,6 и 2 см. Диаметр внутреннего отверстия у всех фрагментов сопел 2 см. Кроме сопел найдено несколько фрагментов кирпичей. Они сильно прокалены, углы у некоторых округлены. Толщина их 4,3—4,5 см, ширина большой грани 6,7 см. Вероятнее всего, этот объект был и жилищем мастера, и производственным объектом с горном.

Астраханцевская курганный группа (раскопки 1982—83 гг.). Значительно позже окончания функционирования могильника на части его территории располагались производственные объекты.

Объект 1. В насыпи кургана 5 расчищены остатки от металлургической печи. Размер 1,2×1 м. Сверху прослеживалась обожженная глина толщиной 10 см, под ней в юго-восточной части прослежена часть камеры и основание печи. Диаметр основания 50 см. Основание было выложено камнями, на камнях были куски обожженной глины и шлака. Выше камней располагалась глиняная часть печи. К СЗ от камеры под слоем обожженной глины прослежен слой шлака (10 см толщиной), под ним — углистый слой (15 см толщины). Это прямоугольник, куда выпускался шлак из печи и где, вероятно, стояли меха. Размер его 1,2×1,4 м, глубина от поверхности 85 см.

При раскопках кургана 79 был заложен раскоп с включением межкурганного пространства. К северо-востоку от кургана 79 была обнаружена разрушенная печь и площадка из обожженной земли размером 4,4×0,6—2,4 м. Западнее этого пятна и в нем расчищены остатки сгоревших плашек. Пятно имело мощность 30 см в северной части, где оно примыкало к горну и до 5 см в южной части. В северо-западной части этого пятна находилась разрушенная печь. Диаметр камеры 50 см. Камера заполнена обломками стенок — кусками обожженной глины. В нескольких кусках этой глины прослежены воздухоудные отверстия. На дне камеры лепешкой лежал шлак с железом. Высота сохранившейся стенки 20 см. Она плавно переходит в округлое дно. Толщина стенки и дна 16—20 см.

Свидетельства местного железоделательного производства есть на других памятниках. Железные шлаки найдены на городищах Басандайка [Басандайка, 1947, с. 54, 57, 60, 62, 63, МАЭС, колл. № 6733—36], Могильники [МАЭС, колл. № 6920], Коларово [МАЭС, колл. № 7343], на поселениях Могильником I [МАЭС, колл. № 6918], Могильником II [МАЭС, колл. № 6919].

Имеющиеся археологические материалы в нашем распоряжении представляют собой лишь фрагменты единого процесса. Составить представление, как выглядела печь, как протекал сыродутный процесс, мы можем, обратившись к письменным источникам и свидетельствам очевидцев. В описании Гр. Агриколы содержатся свидетельства, относящиеся к XVI в., то есть ко времени функционирования городищ Томского Приобья [Агрикола Гр., 1962, с. 341—409]. Исходя из общей технологии сыродутного процесса, это описание можно принять к сведению, хотя организация железоделательного производства протекала в других социальных условиях.

Широкое распространение сыродутного процесса как определенного этапа в развитии металлургии и однотипность его технологии позволяют нам обратиться к этнографическим материалам.

Очень интересными являются сведения о выплавке железа «кондомскими татарами», которые приводит Л. П. Белковец из работы И. Г. Гмелина [Белковец Л. П., 1980, с. 58—59]. Кроме подробного опи-

Сания печи и хода плавки ценным указанием для нас является то, что плавка проводилась в жилом помещении, чему мы находим подтверждение на материалах Томского Приобья.

Наиболее полные сведения по интересующему нас вопросу имеются по Якутии. В монографическом исследовании В. Л. Серошевского очень подробно описано сооружение печи и процесс ее работы, тщательно описаны меха [Серошевский В. Л., 1896, с. 381—383].

В более позднее время насущные проблемы развития этого обширного края заставляли изучать возможность местного железоделательного производства. Так, в статье Е. Д. Стрелова (1928, с. 48—63) приведены описания горна и процесс плавки по материалам А. А. Гайдука, который был специально послан губернатором в 1910 г. для ознакомления с месторождениями железа по рр. Лютянги и Ботомы. Второй раз эти же места обследовал П. А. Харитонов в 1920 г. В статье приводятся описания П. А. Харитонova, наблюдавшего плавку. Кроме того, приведены рисунки горна, мехов, инструментов и меры для руды. Последовательное и полное описание П. А. Харитонova послужило одним из источников при подготовке эксперимента, проведенного Б. А. Колчиным и О. Ю. Кругом [Колчин Б. А., Круг О. Ю., 1965, с. 202].

Одно из поздних наблюдений сыродутного процесса в Якутии относится к 1929 г. Его наблюдал и подробно описал Ф. П. Славинский во время этнографической экспедиции. Эти материалы и наблюдения А. А. Гайдука были использованы академиком-металлургом А. А. Байковым при изучении способа прямого восстановления железа и руд.

Приведем описание А. А. Байкова как наиболее полное и наиболее последовательное. «Печи эти представляют деревянный с квадратным основанием сруб из бревен, заполненный глиной, в котором оставляется рабочее пространство печи. В передней стене сруба имеется отверстие для подвода дутья, выпуска шлака и вынимания крицы. Во время работы отверстие это бывает закрыто и через него проходит только сопло, соединенное с мехами. Разогрев печь дровами, высыпая на лещады слой мелкого, просеянного угля высотой до 10 см, располагая его горизонтально, закрывают отверстие так, что через него проходит сопло, зажигают уголь и всю печь заполняют углем, после чего начинают вдвигать воздух мехами. Когда уголь несколько выгорит и уровень его у колошника понизится, добавляют сверху опять уголь и посыпают его толченой рудой в количестве около 3 кг и так поступают несколько раз, пока не израсходуют всей приготовленной для одной операции руды (около 20 кг). После этого прекращают дутье, пробивают под соплом отверстие, через которое выпускают шлак, снова заделывают отверстие и пускают дутье, пока уголь не выгорит до «постели». Тогда убирают меха, открывают нижнюю амбразуру и вытаскивают раскаленную добела крицу железа, которую охлаждают, выбрасывая на снег, и очищают с поверхности шлак. После этого начинают следующую операцию. Из 16 кг руды при хорошей работе в среднем получают 7—8 кг железа, на что требуется 2 часа времени. Железная руда добывается тут же. Руда эта представляет бурный железняк, довольно чистый в отношении фосфора и серы и с высоким содержанием железа (57,35%). Руда подвергается предварительному обжигу на кострах, после чего она измельчается в порошок, просеивается через сито с мелкой решеткой из тонких прутьев и в таком виде поступает в печь» [Байков А. А., 1948, с. 358—360].

На основании изучения литературы [Рыбаков Б. А., 1948, 792 с., Колчин Б. А., 1953; 1965, 1975, Колчин Б. А., Круг О. Ю., 1965, с. 196—215; Ефимова А. М., 1958, с. 292—315; Байков А. А., 1948, 120—145, 339—381; Серошевский В. Л., 1896, Сунчугашев Я. И., 1979, 192 с.; Зяняков Н. М., 1982, с. 120—123] и имеющихся материалов из Томского Приобья попытаемся реконструировать печь для получения железа.

Это были небольшие домницы высотой примерно 70 см, с диаметром камеры до 40 см. Камеры были с полукруглым дном. Печи сооружались несколькими способами. В нижней части печи укладывались крупные гальки (городище Шеломок, Астраханцево), затем надстраивали печь из глины, обмазывая глиной и камнями. Толщина футировки на камнях 3—4 см, толщина глиняных стен печи 10—18 см.

Второй способ: возведение печи полностью из глины (Шеломок, Астраханцево). Третий способ: вырывали печь в материке. Особенно это удобно было делать на склоне. Так, на Шеломке найдены куски обожженных стенок, структура которых показывает, что это не тесто, а кусок почвы. На стенках печей фиксируется постепенное уменьшение действия огня в глубь их.

Верхняя часть печей представляла собой свод с отверстием для загрузки шихты и выхода газов. Внизу печи оставлялось отверстие, в которое вставлялась заслонка, сделанная также из глины, швы замазывались. В заслонке было воздуходувное отверстие для нагнетания воздуха в печь.

По окончании плавки заслонка ломалась для того, чтобы достать крицу. Как и когда выпускали шлак томские металлурги из печей, остается неясным. Шлак можно было выпустить один раз по окончании плавки. В этом случае был меньше выход восстановленного железа, так как в шлак переходило не только то железо, которое требовалось для ошлаковки пустой породы, но и часть восстановленного железа. Были и неудачные плавки. Так, на Шеломке найден конгломерат. Чтобы варка железа была удачной, необходимо соблюсти массу условий: уголь и руда должны быть обязательно сухими, необходимо поддерживать ровный температурный режим, усиливая его в конце варки. Это было самым сложным для металлурга. Необходимо в совершенно точное время выпустить шлак, чтобы он не выводил лишнего железа. При выпуске шлака уходила из печи и часть тепла, необходимо было очень быстро восстановить температуру в печи.

После сооружения печи ее сушили на воздухе, затем протапливали дровами. Плавка начиналась с прогрева печи. После этого ее загружали послойно древесным углем и рудой. Так повторялось несколько раз. О количестве загружаемой руды в течение одной плавки есть разные сведения: 6—8 кг [Колчин Б. А., Круг О. Ю., 1965, с. 196—215], 1 пуд [Байков А. А., 1948, с. 360], 1,5 пуда [Стрелов Е. Д., 1928, с. 57].

В печи происходил следующий процесс. Железная руда представляет собой в основном окись железа Fe_2O_3 и пустую породу SiO_2 , Al_2O_3 , CaO . При нагревании окись железа Fe_2O_3 переходит в закись железа FeO . Закись железа соединяется с пустой породой — кремнеземом и другими окислами в легкоплавкий жидкий железный шлак. На одну единицу кремнезема при образовании шлака расходуются две единицы железа. Жидкий шлак периодически выпускают из печи. Та закись железа, для которой не хватает пустой породы, восстанавливается до железа. Температуры в печи достаточно для образования шлаков и недостаточно для расплавления железа. Оно в виде зерен опускается на дно печи и благодаря способности железа легко свариваться при высоких температурах в твердом состоянии образует крицу. Такое железо называется сварочным. Вследствие соприкосновения с накопленным древесным углем железо поглощало углерод, количество которого в зависимости от условий работы могло меняться от 0,1 до 1% и даже более. Благодаря этому в сыродутных печах можно было приготовить и мягкое железо, и твердую сталь.

После окончания плавки убирают меха, открывают отверстие внизу печи и клещами вытаскивают крицу. Поскольку крица рыхлая, в ней есть шлак, то ее сразу обрабатывают молотами. Крица уплотняется, шлак в большей части выжимается из нее [Байков А. А., 1948, с. 339—

357; Агрикола Гр., 1962, с. 395]. Б. А. Колчин и О. Ю. Круг в ходе эксперимента пришли к выводу, что получение металлической крицы являлось самостоятельной и довольно сложной операцией, которую могли проделывать как металлурги, так и кузнецы [Колчин Б. А., Круг О. Ю., 1965, с. 209, 215].

Шлаки. Шлаки — это сплавы различных окислов металлов и металлоидов. Важнейшими окислами, определяющими химическую природу шлаков, являются SiO_2 , CaO , Al_2O_3 , FeO , Fe_2O_3 . Цель шлакообразования — отделить пустую породу от металлов. Шлак выполняет несколько функций: 1) является той средой, в которой протекают химические реакции, связанные с восстановлением металлов; 2) располагаясь в горне шахтной печи над расплавленным металлом, является той средой, в которой происходит осаждение капель металла, а также защищает металл от окислительного действия печных газов или от насыщения металла газами, ухудшающими его качество; 3) шлаки определяют наивысшую температуру, которую можно получить в печи, то есть регулируют тепловой режим; 4) являются цементирующим веществом при различных спекательных процессах. Образование шлака в печи происходит сложным путем. Компоненты породы, нагреваясь в печи и находясь в тесном контакте, взаимодействуют друг с другом, переходят в жидкое состояние [Гофман И. П., 1948, с. 153—180]. Это качество шлаков позволяет выпускать их из печи в жидком состоянии, то есть отделять от восстановленного железа.

Древний металлург должен был обладать знанием всех процессов и большим опытом, чтобы вести плавку. Эксперименты, проведенные Б. А. Колчиным и О. Ю. Кругом, показали, насколько сложно определить точное время выпуска шлака [Колчин Б. А., Круг О. Ю., 1965, с. 196—215]. При слишком раннем или позднем выпуске шлак захватывает с собой большое количество закиси железа, уменьшая полезный выход металлического железа [Колчин Б. А., Круг О. Ю., 1965, с. 214].

Археологи из остатков металлургического процесса чаще всего находят шлаки. Исследованию были подвергнуты шлаки с городища Шеломок. Были определены физические свойства шлаков, химический и минеральный составы, определена температура плавления шлаков [Коваленко Л. Н., 1977, с. 19—20; Малолетко А. М., Мананков А. В., Паскаль Ю. И., Плетнева Л. М., 1983, с. 115—138].

Качественный спектральный анализ показал присутствие в шлаках большого количества железа, в том числе и металлического, алюминия, магния, марганца, кремния. По минеральному составу шлаки вюстит-фаялитовые содержат включения металлического железа и силикатное стекло [Коваленко Л. Н., 1977, с. 19]. Химический состав шлаков и руды с городища Шеломок показал их идентичность.

Для определения температуры плавки в печи был произведен расплав части стенки печи, которая с внутренней стороны была оплавлена до состояния пузырящихся стекловидных потоков черного цвета. При температуре 1100° отмечены первые признаки пучения породы. При температуре 1180° порода проявляет признаки растекания. При температуре 1250° переходит в жидкое состояние. И. П. Гофман обращает внимание исследователей на то, что температура шлакообразования всегда выше температуры плавления шлака на $100\text{—}200^\circ$ и даже на 300° [Гофман И. П., 1948, с. 165]. В нашем случае эксперименту была подвергнута стенка печи, которая расплавлялась. Поскольку основу шлака и печи составляют силикаты, в данном случае кремнезем, то это указывает И. П. Гофман, видимо, следует учитывать и температура плавки может быть определена в 1350° и более.

Н. М. Зиняковым проведено металлографическое исследование 20 предметов из Козюлинского могильника [Зиняков Н. М., Архив ЛАИ КемГУ]. Среди них 8 ножей, 2 кельта, 7 наконечников, кресало, кольцо,

удила. По технологической конструкции ножей можно выделить 3 группы: ножи цельножелезные, цельностальные, ножи, изготовленные с применением односторонней поверхностной цементации. Цельножелезный нож был мягкий, и кузнец для большей твердости проковал лезвие ножа в холодном состоянии. Для изготовления цельностальных ножей (их 3) применялась низкоуглеродистая сталь. 3 ножа изготовлены с применением односторонней поверхностной цементации. Они обладали хорошими рабочими качествами: сохраняли твердость и не ломались при изгибах. Дополнительной операцией в одном случае являлась твердая закалка. Сварную конструкцию имели 2 ножа. Один из них сварен из двух полос железа и одной полосы стали, выходящей на лезвие; другой сделан из двух полос стали и полосы железа. Для улучшения рабочих качеств он был закален в холодной воде. Кельты откованы из низкоуглеродистой стали. Наконечники стрел изготовлены из разных материалов: 2 — из железа, 3 — из сырцової стали, 1 — из высокоуглеродистой стали, 1 — с применением односторонней поверхностной цементации. Кресало отковано из стали с неравномерным распределением углерода и закалено в холодной воде. Удила изготовлены из железа, кольцо — из высокоуглеродистой стали.

Н. М. Зиняков пришел к выводу, что в качестве исходного материала применяли железо, сырцовую и высокоуглеродистую сталь. По качеству металла изделия распределяются следующим образом: орудия труда изготовлены из металла среднего и хорошего качества. Металл низкого качества шел на изготовление наконечников стрел и принадлежностей конской сбруи (удил). Кроме того, для изготовления наконечников стрел употреблялась и сталь среднего качества. Кузнецы того времени владели разнообразными технологическими приемами многослойной сварки и закалки.

§ 2. Хозяйственные занятия и домашние ремесла

Нам уже приходилось отмечать, что Томское Приобье расположено в зоне оптимальной биологической продуктивности [Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983, с. 101]. Зона лесостепи и южной кромки тайги при любых неблагоприятных климатических условиях была в более выгодном положении. Хозяйство населения Томского Приобья издавна базировалось на комплексном ведении его: скотоводстве, земледелии, охоте, рыболовстве.

Скотоводство. З. Я. Бояршинова, рассматривая население Западной Сибири до начала русской колонизации, пишет следующее: «Основными видами хозяйственной деятельности чулымских, томских, обских тюркоязычных групп были охота, рыболовство, собирание корней и стеблей дикорастущих съедобных растений, а также собирание грибов, ягод, кедровых орехов. Охота, рыболовство и собирательство дополнялись, особенно у жителей Притомья и чатов на Оби, скотоводством и примитивного вида земледелием» [Бояршинова З. Я., 1960, с. 84]. Эти же наблюдения отражены в работах Н. А. Томилова (1980, с. 11—13).

Материалы, полученные при раскопках уже после выхода в свет книги З. Я. Бояршиновой, позволяют несколько по-новому расставить акценты в оценке роли скотоводства у населения Томского Приобья.

По данным анализа остеологического материала, произведенного И. В. Цалкиным [Архив музея АЭС, № 264, 266], преобладали кости домашних животных. По всем памятникам позднего средневековья Томского Приобья они составили 65,8%. На Могильницком городище их 66,1%. На Могильницком поселении I — 78,3% и на Могильницком поселении II — 59,3%. Среди костей преобладали кости лошади (75%),

затем кости крупного рогатого скота (20%) и 5% — кости мелкого рогатого скота. Основным направлением в скотоводстве было коневодство. К орудиям заготовки сена следует отнести косу-горбушу.

Исходя из приведенных данных занятию скотоводством следует отвести значительную роль, чем это отражено в литературе. Из письменных источников известно, что томские татары сразу же с приходом русских были обязаны заниматься гоньбой, что было возможно при условии наличия лошадей и знания коневодства.

Земледелие. Как свидетельствуют письменные источники времени прихода русских, у местного населения земледелие было развито слабо. Так, З. Я. Бояршинова отмечает, что в курганах Томского уезда почти не встречаются орудия земледелия, за редким нахождением мотыг, но зато часто встречаются наконечники корнекопалок. Она пришла к выводу, что земледелие у местного населения до прихода русских крестьян было самого примитивного типа [Бояршинова З. Я., 1950, с. 49—50]. «Пашенное земледелие появилось, прежде всего, у служилых чатских и томских татар и к концу I половины XVII в. под влиянием развития русского земледелия в Томском уезде» [Бояршинова З. Я., 1950, с. 51]. Такой же точки зрения придерживаются Н. А. Томилов (1980, с. 12) и Н. Ф. Емельянов (1980, с. 58). Имеющиеся в нашем распоряжении вновь полученные археологические материалы не могут полностью осветить вопрос о типе земледелия у местного населения в XVI—XVII вв., но вносят существенные дополнения.

При исследовании материалов V—VIII вв. в Томском Приобье было установлено, что в это время появилось земледелие на основании находок сошников [Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983, с. 101]. Оговоримся сразу, что в тексте допущена ошибка («Три сошника к плугу с однолезвийным полозом»). Следует читать «к ралу с однолезвийным полозом».

В материалах XVI—XVII вв. также есть сошник, значительно больших размеров, чем сошники VI—VIII вв. (определения сошников произведены Ю. А. Красновым). Таким образом, находки сошников фиксируют наличие земледелия в Томском Приобье с третьей четверти I тыс. н. э. Другое дело, что это земледелие не было плужным. Плужное земледелие стало осваиваться с проникновением русской культуры. Из других находок следует отметить ручные жернова, изготовленные из гранита. На них мололи зерно. Какие культуры сеяли местные жители до прихода русских, по археологическим материалам не известно. В русских источниках называется ячмень [Бояршинова З. Я., 1950, с. 50]. Не зафиксированы археологами и древние пашни.

Охота. В исторической литературе первое место в хозяйственных занятиях отводится охоте. По археологическим материалам — одна из отраслей, составляющих комплексное хозяйство. Она служила источником, дополняющим продукты питания, давала сырье для одежды. Продукты пушного промысла были главным источником обмена и торговли.

Анализ костей диких животных с городищ Кижирово, Могильники и поселений Могильническое I, II показывает, что охотились в то время на лося, медведя, зайца, соболя, лисицу, бобра. Кости диких животных составляют 34,2% от общего количества. Орудиями охоты были лук и стрелы (в том числе и костяные) и различного рода ловушки. С приходом русских в охоте стал преобладать пушной промысел, особенно к северу от Томского Приобья. «В ясачных книгах Томского уезда в числе мягкой рухляди перечисляются бобры, соболи, кунницы, выдры, росомехи и различные породы лис (бурые, черно-бурые, красные, рыжие, черночеревые)» [Бояршинова З. Я., 1950, с. 33].

Рыболовство. Рыбная ловля была одним из традиционных видов хозяйства Томского Приобья. Развитая речная сеть, огромное ко-

личество озер благоприятствовали развитию рыболовства. Ловили муксунов, осетров, стерлядь, шук, язей, в озерах — карасей. Орудиями лова были сети. На городищах и поселениях найдено большое количество грузил, в Тояновом Городке — рыболовные крючки.

Н. А. Томилов отмечает: «Некоторые способы заготовки рыбы впрок и употребление ее в пищу томских татар сходны были с таковыми способами хантов, манси, селькупов, ненцев, кетов, западных групп эвенков, якутов, северных алтайцев, чулымских тюрков и других народов и групп, занимавшихся речным и озерным рыболовством» (1980, с. 184). Это говорит о глубоких традициях в рыболовстве сибирских народов.

Отведение значительной роли собирательства в какой-то мере основывалось на неправильном определении функционального назначения орудия, которое в литературе получило название «корнекопалка» [Дульзон А. П., 1953, с. 144; Бояршинова З. Я., 1960, с. 86]. На это было уже обращено внимание Э. Л. Львовой. Ею сделан вывод: часть из предметов, обозначенных как «корнекопалка», находится в погребениях воинов (по материалам раскопок А. П. Дульзона на Чулыме) и является оружием.

Однако и в более поздней литературе мы вновь встречаемся с прежним определением [Скобелев С. Г., 1986, с. 7]. Получены и совершенно новые данные из раскопок Астраханцевской курганный группы в 1985 г.: топоры-тесла (по прежней терминологии «корнекопалки») положены в могилы воинов-всадников и лежали у конских черепов [Архив МАЭС, № 948].

Безусловно, собирательство было довольно широко развито и являлось подспорьем в хозяйстве. Археологических свидетельств собирательства не зафиксировано.

Кожевенное и портняжное ремесло

Потребность в кожевенных изделиях местное население удовлетворяло почти полностью за счет местного производства. Необходимо было изготавливать обувь, шапки, рукавицы, пояса, конскую сбрую, седла, кожаные сумы, оружейные ремни и другие бытовые предметы. Кожу различной выделки изготавливали из коровьих, овечьих и конских шкур. При развитом скотоводстве все эти материалы были свои. Методы обработки кожи по археологическим материалам не прослеживаются. Из кожаных предметов найдена обувь, кусочки кожи от поясов. Обувь, типа башмаков найдена в Коларовском и Козюлинском могильниках. Башмаки доходили до щиколотки, имели отвороты, которые были украшены позументом. Подошва пришивалась к башмаку, была она без каблучков, задник был утолщен за счет кожаной прокладки. Из письменных источников известно, что русские получали от местного населения не только пушнину, но и готовые меховые изделия (шубы, рукавицы, шапки, одеяла). Возможно, какую-то часть этих товаров производили томские татары. К предметам, свидетельствующим о портняжном деле, относятся шарнирные ножницы и наперстки, которые найдены в Тояновом Городке и в Козюлино. Эти предметы, видимо, привозные. К сожалению, одежда не сохранилась, за исключением фрагментов кафтана и кусочков шелковой ткани. Но эта одежда и ткани — привозные.

Гончарное производство. Очень древний вид занятий. Посуду, как столовую, так и кухонную, изготавливали в каждой семье. Местное население в XVI—XVII вв. продолжало пользоваться глиняной посудой, о чем говорят массовые находки керамики на поселениях и городищах. Кроме глиняной, в быту использовалась железная, деревянная, берестяная посуда. Металлической посуды было мало, достаточно сказать, что в Козюлино в 78 курганах не найдено ни одного железного котла, а в Тояновом Городке их только 2.

Обработка дерева. Население Томского Приобья было издавна знакомо с обработкой дерева (строительство жилищ и хозяйственных построек, изготовление домашней утвари). Из дерева были и основные средства передвижения: лодки и лыжи. Из дерева же изготавливали различную посуду. Деревянные предметы наиболее подвержены разрушению. До нас дошли остатки деревянных конструкций жилищ и хозяйственных построек, древки стрел, остатки деревянных рукоятей. По наличию костяных наверший лыжных посохов можно судить об употреблении лыж, а по напраслам — об изготовлении веретен. К инструментам деревообработки из найденных следует отнести: топоры, тесла, ножи, долото.

Обработка кости. По техническим приемам близка обработке дерева. Из кости делали наконечники стрел, обкладки луков и седел, навершия лыжных посохов, напрасла, ложки и массу других предметов, необходимых в быту. При изготовлении костяных предметов пользовались ножом, резцами, напильником. Кость резали, сверлили, полировали. В качестве материала использовались кости крупных животных, рога оленей и лосей.

Резьба по камню. Свидетельств этого рода занятий немного. Это каменные жернова для ручного размола с городища Кижирова и курительные трубки из Козюлино. Жернова сделаны из гранита округлой формы с отверстием в середине верхнего жернова. Курительные трубки вырезаны из сланца. Этот камень легко поддается обработке. На одной из трубок ножом вырезан орнамент.

В заключение следует подчеркнуть, что основу хозяйства населения Томского Приобья в XVI—XVII вв. составляли производящие отрасли: скотоводство и земледелие. Охота и рыболовство играли значительную роль. Все вместе представляло единый комплекс и являлось основой экономического уклада. Хозяйство было натуральным, с незначительным развитием торгово-обменных связей. В дальнейшем, с освоением русскими территориями Сибири, хозяйственный уклад местного населения был приспособлен к нуждам феодального государства.

§ 3. Русское влияние на культуру местного населения

Влияние русской культуры на культуру местного населения, взаимодействие обеих культур — это тема специального исследования. Мы же обратим внимание лишь на те моменты, которые нашли отражение в археологических материалах Томского Приобья.

Продвижение русских в Томское Приобье шло с севера по р. Оби, а затем и по р. Тому. В 1598 г. князец Пегой Орды Воня потерпел поражение и его земли по рр. Ваху, Тыму, Васюгану, Парабели, Чае и Шегарке были присоединены к Русскому государству [Емельянов Н. Ф., 1980, с. 22]. В этом же году окончательно был разбит Кучум. В начале XVII в. началось присоединение правобережья р. Оби. Было образовано два уезда — Сургутский и Кетский. В 1603 г. князец томских татар Тоян прибыл в Москву с челобитной, в которой просил царя Бориса Годунова построить в его владениях город с тем, чтобы охранять от набегов южных соседей [Миллер Г. Ф., 1937, т. I. с. 411—412]. В сентябре 1604 г. Томск был построен и владения Тояна с 300 ясачными людьми вошли в состав Томского уезда. Так, с начала XVII в. начинается история взаимодействия, взаимовлияния культур местного и русского населения.

Царское правительство, заинтересованное в получении ясака с местного населения и его покорности, указывало, что надо приводить

народности «под государеву руку ласкою, а не войною и не жесточью» [Бояршинова З. Я., 1950, с. 77]. Упомянутые в русских документах городки князцов Тояпа, Басандая, Еваги [Бояршинова З. Я., 1960, с. 97; Емельянов Н. Ф., 1980, с. 50] являются ни чем иным, как городищами, зафиксированными археологами. Но, к сожалению, точной привязки к местности нет, и мы не можем с определенностью связать исторические данные с археологическими. Несомненно то, что известные археологические памятники датируются XVI—XVII вв., и они расположены на территории, которую русские застали населенной разными группами татар. На однородность населения указывает и орнаментация керамики.

С приходом русских местное население начало постепенно втягиваться в сферу отношений феодального государства. Проводниками русской государственной системы, русской культуры, в первую очередь, были представители власти, промысловники, торговые люди и служители христианской церкви.

Все эти явления нашли опосредованное выражение в археологических материалах. Торговля в основном носила меновый характер, но постепенно местное население вступало в товарно-денежные отношения. Наиболее показательным в этом отношении является нахождение русских серебряных и медных монет в Козюлинском курганном могильнике и в Тояновом Городке. Все медные монеты, найденные в Козюлино, чеканены в 1655—1663 гг. Место чеканки — Москва, Псков, Новгород (определение Я. А. Яковлева). Имеют хождение по Сибири с 1656 г. [Спасский И. Г., 1970 г., с. 129—132]. Серебряные монеты относятся к царствованию Михаила Федоровича (1613—1645 гг.) и Алексея Михайловича (1645—1676 гг.). Одна монета имеет дату 1534 г. В погребениях найдено медных монет до 15 шт., серебряных — до 5.

В исторических исследованиях отмечено, что в XVII в. значительное количество товаров ввозилось в Сибирь из Центральной России. Так, в Тобольск ввозили ткани всех видов, готовую одежду, обувь, предметы домашнего обихода, металлы и металлоизделия, галантерейные и парфюмерные товары, предметы культа, канцелярские товары, пряности, фрукты и т. д. [История Сибири, т. 2, с. 80]. Этими привозными товарами пользовалось не только русское, но и местное население. Так, в кургане 5 Коларовского могильника найдены фрагменты кафтана из темно-вишневого сукна. Пола была обшита позументом. Особенно ценились русские топоры. Но, надо сказать, что железоделательное и железообрабатывающее производство у томских татар было развито довольно высоко. Топоры русского типа найдены в могильнике Тоянов Городок, в кургане 1 (возможно, что и местного производства) и в жилище 23 Могильницкого поселения II. Интересен тот факт, что в Козюлинском курганном могильнике, где в нескольких курганах найдены серебряные и медные монеты из 78 раскопанных курганов, не найдено ни одного топора русского типа. Возможно допустить и такую мысль: их не полагалось класть по причинам ритуального характера.

К бытовым предметам русского типа относятся шарнирные ножицы и наперстки, найденные в Тояновом Городке и Козюлино.

Наиболее массовыми предметами русского привоза были украшения: серьги, перстни, бусы и бисер. Эти предметы найдены во всех могильниках. Есть свидетельство письменных источников о торговле этими товарами и о специальном их изготовлении для торговли с местным населением.

Видимо, наиболее «дикивинным» предметом для местного населения были стеклянные зеркала. Они найдены в Тояновом Городке, Коларовском и Козюлинском курганных могильниках в женских погребениях и в погребении подростка (девочки?).

Исторические документы засвидетельствовали службу татар в Томске. Так, в «Отписке Тобольского воеводы князя Ивана Катырева-Рос-

товского Томским воеводам Василию Волынскому и Михаилу Новосильцеву о киргизском восстании, о нападении черных калмыков и об укреплении Томского города (1609 г. не ранее июля 9)» сказано следующее: «...что они томских сторожей и татар погромили. А в Томском городе служилых людей и татар мало, а казаков 100 чел., и те стоят в городе и в остроге на караулах без перемены, а на заставах и на караулах в отъезде и на пашнях людей и животину оберегати нечем...» [Миллер Г. Ф., 1937, т. 1, с. 428—429].

Есть и археологические свидетельства пребывания томских татар в Томске. При раскопках на Воскресенской горе в Томске (места, где возводился Томск) среди массы русской керамики найдена такая, которая аналогична керамике с городищ Басандайка, Шеломок, Тимирязевского (Тояновского) городища 1.

Освоение Сибири русскими шло по двум направлениям: по пути объясачивания местного населения и по пути земледельческого освоения. В приведенном выше документе, датированном июлем 1609 г., сказано и о пашне. Особенно благоприятные условия для развития земледелия были в междуречье рр. Оби и Томи к югу от Томска. Как уже отмечено нами, земледелием в этих районах занималось и местное население (найжены сошники, жернова). С приходом русских местное население знакомились с новыми методами ведения хозяйства, в том числе и земледелия. Впоследствии у местного населения под влиянием русского населения стало развиваться огородничество.

Русское влияние проникает буквально во все сферы хозяйства местного населения. Одним из фактов является нахождение косы-горбуши в жилище 23 Могильницкого поселения II. Видимо, для заготовки сена на зиму местное население наряду с традиционными методами стало использовать орудия русского типа.

Известно, что томские татары и чаты не были обложены ясаком, а выполняли другие повинности. Одной из главных была гоньба [Бояршинова З. Я., 1950, с. 104; Емельянов Н. Ф., 1980, с. 83].

В археологических материалах именно этот факт не отображен, но развитие коневодства в Томском Приобье известно с эпохи раннего железа, особенно интенсивным оно было, видимо, в конце первой трети II тыс. н. э., когда довольно значительным был приток тюрского населения, основой хозяйства которого было коневодство. Оно зафиксировано и ко времени прихода русских [Миллер Г. Ф., 1937, с. 428—429; Бояршинова З. Я., 1950, с. 51].

Влияние русской культуры коснулось всех сторон жизни коренного населения. Русский феодализм был неотделим от православной церкви. С одной стороны, коренное население подвергалось насильственной христианизации, с другой стороны, царские власти проявляли известную терпимость к религиозным верованиям местного населения, чтобы не ожесточать его. По материалам раскопанных могильников изменение обрядности и переход на христианский обряд захоронения не прослеживается, за исключением, может быть, такой детали, как положение с умершим денег, что скорее отражает новую форму экономических отношений.

Для Среднего Приобья изменение в погребальной обрядности селькупов под влиянием христианства произошло только в XVIII—XIX вв. [Боброва А. И., 1980, с. 23; 1984, с. 146, 149].

В Козюлинском могильнике в кургане 21, по-видимому, был погребен русский. Доказательство тому — определение антрополога Н. С. Розова и наличие в погребении сосуда русского типа. Случай, вероятно, какой-то исключительный, так как при проживании смешанного населения кладбища были раздельными. Русские, прибыв в новые для них районы, приспособлялись к местным климатическим условиям. Некоторое количество промышленных изделий они получали от местного

населения: кожу и кожевенные изделия, пушнину и меховые одежды (шубы лисьи, беличьи, заячьи, исподы, одеяла, малахан, рукавицы и др.), лодки и рыболовную снасть, некоторое количество металлических изделий в районах местных кузнечных промыслов [История Сибири, 1968, с. 80]. Но русские не только пользовались товарами местного населения, а и сами стали изготавливать некоторые виды одежды по образцам местного населения. Известны некоторые заимствования в приемах рыбной ловли, в сборе ягод и других видах хозяйственной деятельности.

Присоединение Сибири к русскому государству имело прогрессивное значение как в экономическом, так и в социальном отношении. Местное население получило возможность вести хозяйство более передовыми по тому времени методами, осваивало некоторые новые виды ремесел, знакомилось с русской культурой во всех ее проявлениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Поскольку данная работа является в какой-то мере заключительной по Томскому Приобью эпохи железа [Плетнева Л. М., 1971, 1973, 1975, 1976, 1977, Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983, Плетнева Л. М. 1984, 1985], автору хотелось бы обратить внимание на традиции в культуре томских татар. Отметим такие черты культуры, как жилище, погребальный обряд и керамика. По нашему мнению, будет более целесообразным рассматривать эти черты культуры в перспективном плане каждую в отдельности, а не давать их описание вместе по отдельным хронологическим отрезкам.

Жилища, объекты производственного назначения и хозяйственные постройки

В настоящее время раскопано около 70 объектов разного назначения. Частично материалы опубликованы [Плетнева Л. М., 1963, 1972, 1976, 1977, 1977а, 1981, 1983]. Они относятся к различным периодам железного века.

Эпохи раннего железа. Жилища раннего железного века были полуназемного типа, с прямоугольной или квадратной формой котлована. Глубина котлована в материке до 40 см. Площадь построек до 40 кв. м. Очаги в жилищах были открытого типа. Следов огораживания их не выявлено. Постройки располагались вдоль гривы и были ориентированы стенами по сторонам света. Наземная конструкция была деревянной. К сожалению, остатки ее настолько фрагментарны, что выявить конструктивные детали не удалось. Постройки, исследованные на поселении Шеломок II, были одновременно жилищами и производственными помещениями. Так, при изучении объектов № 6, 9 и 10 были обнаружены следы бронзолитейного производства: в двух из них были мощные костры с каплями бронзы в них, обломки тиглей и литейных форм, в третьем — капли бронзы.

Постройки III—IV вв. н. э. — прямоугольной формы, площадью от 14 до 51 кв. м. Котлован углублен в материк до 40 см (от современной поверхности до 80—100 см). Очаги открытого типа на полу размером 40×80 см. Вход не прослежен. Наземная конструкция в достаточной мере не выявлена. У объекта № 3 Тимирязевского городища III были зафиксированы сгоревшие жерди, нетолстые бревна, которые были направлены, из углов к центру. Жилища были полуподземные, видимо, каркасные, с шатровой конструкцией крыши.

Раннее средневековье. Постройки VI—VIII вв. исследовано значительно больше, и есть материалы для реконструкции типа жилищ,

Наземная часть построек реконструируется по оставшимся от пожаров различным деталям деревянной конструкции. Это — обуглившиеся плахи, жерди от обрешетки стен, нетолстые бревна от угловых столбов, жерди и плахи от рамы на крыше, от крепления котлована. Постройки сооружались следующим образом. Вырывали прямоугольный или квадратный котлован на глубину от 20 до 65 см в материке. Размер котлована был различным: от 12 до 64 кв. м. Стены котлована укрепляли плахами, поставленными на ребро. Несущая конструкция состояла из нетолстых бревен, идущих из углов. Сверху они закреплялись рамой. Рама крепилась на угловых столбах или жердях. Далее стены обставляли плахами, полубревнами, нетолстыми бревнами, жердями, которые одним концом опирались на землю за котлованом, другим — на раму. Также делалась крыша. Затем для утепления и чтобы не сыпалась земля, настилалась береста, кора или дерн, сверху все засыпалось землей.

Очаги открытого типа на полу жилищ располагались в центре или в западной части котлована. Пол был земляным. Ориентированы постройки по сторонам света либо углами, либо стенами. Выход коридоробразный, располагался он в юго-западной стенке (известно 2 случая). Интерьер жилища не восстанавливается, можно лишь отметить, что находки, в основном керамика, зафиксированы около очагов и в других частях котлована, кроме северо-восточной, где находок либо не было совсем, либо их было меньше.

Анализ археологических материалов позволяет сделать вывод о том, что в V—VIII вв. в Томском Приобье жилища, объекты производственного назначения и хозяйственные постройки относились к типу шатровой каркасной полужемлянки. Кроме описанного типа, вероятно, были и наземные постройки, но на археологическом материале этого периода они не прослежены.

Эпоха развитого средневековья. Данных о периоде IX—XII вв. по Томскому Приобью в настоящее время нет.

К следующему хронологическому отрезку, а именно XIV—XV вв., следует отнести постройки городища Нагорный Иштан и Тимирязевского поселения IV. Постройки этого времени прямоугольной формы, котлован углублен в материк на 30—55 см, площадь котлована до 20 кв. м. Очаги открытого типа на полу жилища, каких-либо дополнительных конструкций (рама, ровик, валик) не отмечено. Размеры очагов — 0,6×0,6 м, толщина прокала 6—8 см. Заполнены они жженым песком. Ориентированы котлованы либо стенами, либо углами по сторонам горизонта. Постройки имели каркасно-столбовую конструкцию, подобную описанной для построек VI—VIII вв. Конструкция крыши неизвестна. Она могла быть плоской, и в этом случае постройка имела форму усеченной пирамиды, или была островерхой, и постройка имела форму пирамиды. По функциональному назначению выделяются жилища и объекты производственного назначения, которые одновременно, видимо, были и жилищами.

Из вышесказанного следует, что для периода XIV—XV вв. в Томском Приобье были распространены полуподземные постройки каркасного типа.

В XVI—XVII вв. (позднее средневековье), как было подробно рассмотрено в первой главе, функционировали подобные жилища. Наблюдаютя изменения в устройстве котлована. Наряду с традиционной формой появляется котлован с дополнительным углублением в центре, то есть котлован стали выкапывать, оставляя невынутым слой земли для устройства нар. Возможно, что такие котлованы были известны и ранее, но пока не раскопаны.

Новой деталью является печь из глины с камерой до 50 см в диаметре. Внутри печей находились сосуды. Печи такой конструкции являлись предшественниками чучалов. На хорошо сохранившейся печи

гродища Коларово прослежен дымоход. Передняя стенка ее была украшена орнаментом, выполненным по сырой глине.

Как уже отмечено, жилища, реконструированные по археологическим материалам XVI—XVII вв., в Томском Приобье сохранились до наших дней у западносибирских народов.

Таким образом, на территории Томского Приобья полуподземное каркасное жилище как наиболее приспособленное к местным природным условиям, просуществовало на протяжении всей эпохи железа. Это один из устойчивых элементов традиционной культуры. Наряду с ним появляются в XVI—XVII вв. срубные жилища.

Погребальный обряд. Данных по эпохе раннего железного века, за исключением Томского могильника, нет. Для погребений Томского могильника характерно захоронение в могилах глубиной от 50 до 125 см. Ориентация ЮЮЗ—ССВ, Ю—С. Умершие положены на правый бок в скорченном положении. Зафиксирована берестяная подстилка. Кроме трупоположения есть трупосожжение на стороне. С умершим положен инвентарь.

Раннее средневековье. Погребальный обряд характеризуется следующими чертами. Насыпание кургана производилось для одного или нескольких одновременно умерших. Положение погребенных в кургане различно: либо в могиле (чаще), либо на древней дневной поверхности. Глубина могил небольшая: 0,2—0,45 м. Встречаются погребения в насыпи курганов.

В одном захоронении, как правило, один умерший; редко, но встречаются коллективные погребения. Следует отметить такую особенность, как захоронение черепов отдельно от костяка. В Тимирязевских могильниках обнаружено значительное количество повторных погребений-кенотафов. При трупоположении умерших клали на спину с вытянутыми вдоль тела руками. Ориентация умерших различна: в Тимирязевском могильнике I преобладает северо-восточная, в Тимирязевском II — южное направление (Ю, ЮВ, ЮЮВ, ЮЗ и ЮЮЗ). При погребении умершего использовали бересту: ее подстиляли под погребенного и ею же покрывали его. Погребальное сооружение зафиксировано в одном случае — был сожжен настил над могилой. Условия сохранности в Тимирязево исключительно плохие, возможно, какие-либо сооружения не сохранились.

Известно несколько форм применения огня: разведение костров в насыпи для умершего в западной или в северной частях кургана, сожжение умершего на стороне или на месте, сожжение настила. При снабжении инвентарем учитывался возраст погребенного и его положение в обществе. Подчеркнем такую деталь, как наличие керамики в погребении, чаще всего это сосуды индивидуального пользования. Как особенность погребального обряда V—VII вв. следует отметить снабжение умершего ездовым животным. Это черепа и конечности коня, положенные в насыпь кургана. Зафиксировано и снабжение мясной пищей (найжены кости крупного рогатого скота). Отметим еще две детали: нахождение антропоморфных изображений вместе с погребенным или в насыпи и круглых или овальных плоских галек в захоронении. Характерной чертой является отсутствие преднамеренной порчи сопроводительного инвентаря.

Во II половине VII—VIII вв. впервые в Томском Приобье появляются погребения по обряду трупосожжения на стороне, с захоронением останков от него на горизонте, с тюркскими предметами, а именно с боевыми поясами. Последнее обстоятельство и позволяет предположить, что эти погребения тюркские, так и как сам обряд трупосожжения на стороне известен в Томском Приобье с неолита [Матюшенко В. И., 1973, с. 83—84]. Погребений с трупосожжениями на стороне немного — это погребения в курганах 10, 12, 15, 23, 24, 27, 36, 65 Тимирязевского мо-

гильника 1, погребение в кургане 85 Тимирязевского могильника II. В кургане 86 последнего могильника зафиксировано обожжение на месте. Погребения по обряду трупосожжения встречаются в могильнике у Архнерейской заимки (погребения 4, 5, 23, 29). Какого характера трупосожжения на Архнерейской заимке, недостаточно ясно, так как дневники раскопок отсутствуют, а в публикации указано: сожженные кости (ЗРАО 1899.).

IX—X вв. на юге Западной Сибири — период сложения и расцвета сродкинской культуры, носителей которой связывают с кыпчако-кимаками [Савинов Д. Г., 1984, с. 118]. Их соседями на северном Алтае были алтае-телесские тюрки, входившие в это время в состав государства енисейских кыргызов и испытывающие значительное влияние сродкинской культуры [Савинов Д. Г., 1984, с. 122]. В Хакаско-Минусинской котловине сложилось могущественное государство енисейских кыргызов. Все эти бурные политические события не могли не отразиться на истории более северных соседей, а именно населения р. Томи и Средней Оби.

В IX—X вв. на территории Томского Приобья отмечаются два вида погребений: трупоположение и трупосожжение (Архнерейская Заимка). В это время прослеживаются те же культурные традиции тюркского этноса, погребения которого были зафиксированы в памятниках II половины VII—VIII вв.

Эпоха развитого средневековья

В предмонгольский и монгольский период своей истории Томское Приобье также было связано с политическими событиями на юге. Кыпчаки после распада кимако-кыпчакского объединения частично продолжали проживать на прежней территории [Савинов Д. Г., 1984, с. 147]. В XI—XII вв. продолжалось развитие кыргызской культуры — оформилась аскизская культура, которая просуществовала до позднего средневековья [Кызласов Л. Р., 1975; Кызласов И. Л., 1983].

На протяжении всего развитого средневековья на территорию Томского Приобья продолжает вливаться иноэтническое население, что хорошо прослеживается по погребальному обряду и инвентарю Еловского, Басандайского курганных могильников, Астраханцевской курганной группы и могильника в устье М. Киргизки. Погребальный обряд характеризуется следующими чертами: все могильники курганные, погребения в основном грунтовые, глубина могил от 15—20 см до 2 м. Наряду с грунтовыми могилами встречаются захоронения в насыпи (1,4%), на материке (2,5%), на погребенной и в погребенной почве.

Большинство погребений с одним умершим. Коллективные погребения редки. Интересно отметить, что в могильнике у устья М. Киргизки выявлены только одиночные захоронения, хотя в одном кургане могло быть до 3 могил.

Основным способом погребения является трупоположение. Зафиксировано в нескольких погребениях трупобожжение на месте и сожжение на стороне.

Ориентация погребенных разнообразна. Преобладающей является юго-восточная (более 60%). Кроме того, выявлены: западная, восточная, северо-восточная, юго-западная и северо-западная ориентация. Прослеживаются различия в ориентации по отдельным могильникам. Так, в могильниках у устья М. Киргизки и у д. Астраханцево большинство костяков ориентировано головой на ЮВ, в Басандайском курганном могильнике — на юг.

Период XI—XIV вв. наиболее богат погребальными сооружениями по сравнению как с более ранним, так и с более поздним периодами железного века в Томском Приобье.

На отведенном месте выкапывалась могила. На дно могилы пости-

лалась береста, иногда подсыпался чистый песок, слой глины или слой холодных углей, иногда слой земли, смешанной с углями. Сверху умерший также покрывался берестой или могила засыпалась слоем земли, смешанной с углями, закладывалась материковой глиной, дерном или землей, вынудой при рытье могилы.

В наиболее богатых по инвентарю могилах зафиксированы досчатые гробы, которые скреплялись железными скобами или гвоздями. Толщина досок 1,5—2 см. Кроме гробов выявлены рамы-обкладки. Они делались из плах, поставленных на ребро или жердей с 4 или 3 сторон (не было либо у головы, либо у ног). В некоторых случаях клали 1 бревно справа или слева от погребенного, в 2 случаях известны срубы. В Басандайском курганном могильнике обнаружено несколько захоронений в берестяных чехлах. Поверх внутримогильных сооружений часто прослеживалась береста.

На уровне материка или погребенной почвы зафиксированы продольные перекрытия могил из плах, которые иногда сверху еще покрывались берестой.

Жертвенники являются составной частью погребального комплекса. Обнаружены только на Басандайском могильнике. Они состояли из больших камней-песчаников (двух и более), либо положены, либо поставлены вертикально с южной или юго-восточной сторон могилы. Другой разновидностью жертвенников являются круглые выкладки из камней.

Применение огня в погребальном обряде выразилось в наличии трупобожения и трупосожжения, что уже отмечено, а также в разведении костров в насыпи курганов или рядом с умершим, в угольной подсыпке под костями, в наличие углей в жертвенниках или рядом с ними.

Захоронение человека с лошадью есть во всех указанных могильниках. Это, видимо, воины-всадники. Обряд положения лошади с умершим имеет несколько разновидностей: а) захоронение целого коня (Еловский могильник), б) захоронение черепа и конечностей коня слева или справа от умершего (могильники Басандайский, Астраханцевский, у устья М. Киргизки), в) захоронение черепа и конечностей в ногах погребенного (могильники у д. Астраханцево и у устья М. Киргизки), г) захоронение черепа и конечностей под погребенным (Басандайский могильник). Лошадь, захороненную вместе с человеком, следует рассматривать как ездовую. Кроме того, в могильниках обнаружены кости барана, лошади и крупного рогатого скота. Эти находки могут быть отнесены к ритуальной пище.

Снабжение инвентарем умерших является одним из ключевых моментов в погребальном обряде и отражает как поло-возрастную, так и социальную характеристику погребенных. Большинство погребенных снабжено инвентарем, но в каждом могильнике есть погребения без инвентаря. Для каждой половозрастной группы характерен свой набор, который составлялся из прижизненного инвентаря, кроме того различается набор женского и мужского инвентаря. Больше всего инвентаря у группы возмужалого возраста.

Инвентарь погребенных демонстрирует стратификацию общества: выделяются воины-всадники (элита), пешие воины-лучники, кузнецы, охотники, земледельцы.

Подводя итог анализу погребального обряда в Томском Приобье на протяжении 1200 лет, следует выделить те черты его, которые сложились в VI—VIII вв. н. э. и просуществовали на всем протяжении истории Томского Приобья до XVII в.

I. Курганные могильники.

II. Захоронения на горизонте, в насыпи, в могилах глубиной до 60 см в материке.

III. Курганы насыпались для одного умершего. Очень редко для нескольких человек, чаще одновременно захороненных. Редко подходили уже в готовый курган. Чаще всего это были дети.

IV. Труположение и трупосожжение. Наличие повторных захоронений и кенотафов.

V. Положение умершего вытянуто на спине, руки вдоль туловища.

VI. Погребальное сооружение: в ранних памятниках не зафиксированы. Применение бересты: берестяная подстилка и покрывало.

VII. Употребление огня: разведение костров для умершего, трупосожжение и трупосожжение.

VIII. Снабжение ездовыми животными.

IX. 1. Снабжение инвентарем по половозрастному принципу.

2. Выделение в каждом могильнике нескольких погребений с более богатым инвентарем, то есть выделение элитарной прослойки в обществе.

3. Забота об умершем — поминки: предметы, кости животных, костры в насыпях курганов. 4. Отсутствие ломки погребального инвентаря, положенного с умершим. 5. Деталь погребального обряда — наличие плоских округлых галек в погребениях.

Как уже отмечено, эти признаки являются общими для погребального обряда Томского Приобья от раннего средневековья до позднего и многие из них зафиксированы этнографами у западносибирских народов.

Далее выделим те черты погребального обряда, которые вошли в последующее по сравнению с ранним средневековьем время. От периода XI—XIV вв. в нем сохранилось следующее: II. Засыпка могилы землей с мелкими угольками V, а. 1. Положение на спине; б. 4. Одна рука под костями таза. VI, а. Деревянная рама; б. Колода, в. Досчатый гроб. VII, а. Перекрытие могилы; б. Настил под погребенным.

Таким образом, из приведенного выше ясно, что основа погребального обряда, характерного для населения Томского Приобья XVI—XVII вв., очень древняя, формировался он постепенно, отражая этнические изменения, приход тюркского населения (X—XIII в.), постепенное смещение с местным населением.

На позднем этапе (XVI—XVII вв.) в погребальном обряде отразились новые явления в жизни местного населения, а именно, торгово-денежные отношения с Русским государством. Умершим стали класть серебряные и медные монеты, жетоны и предметы русского привоза (топоры, ножницы, украшения).

Археологические свидетельства постоянного проникновения тюркского компонента на территорию Томского Приобья и длительного контакта местного населения с тюрками подтверждаются данными антропологии. Так, В. А. Дремов отмечал, что черепа из Басандайки имеют «несомненное сходство с черепами тюркских кочевников предгорного Алтая, Кузнецкой Котловины и Енисея» [Дремов В. А., 1969, с. 147]. Черепа из могильников XVI—XVII вв. Томского Приобья принадлежат ближайшим предкам татар — зуштинцам. Они сближаются с черепами Басандайки и Алтае-Саянского Нагорья. Это сходство, по мнению В. А. Дремова, свидетельствует о проникновении групп населения на нижнюю Томь из южных районов [Дремов В. А., 1969, с. 147—148; 1979, с. 19—20].

В результате длительных контактов тюркского и местного населения к XVI в. произошло изменение антропологического типа, усвоение языка пришельцев, сложилась единая культура.

К е р а м и к а. Орнамент — один из элементов традиционной народной культуры. Благодаря орнаменту восстанавливаются границы культурных общностей, прослеживаются миграции и взаимовлияния культур, генетическая связь одной эпохи с другой.

Эпоха раннего железного века. В Томском могильнике

(конец VIII—VI в. до н. э.) найдено несколько сосудов [Комарова М. Н., 1952, рис. 21—6, 7; рис. 22, 50—52]. Два из них украшено крестовым штампом, другие два — оттисками гребенки. Керамика с крестовым штампом — явление довольно широко распространенное в переходный период от бронзового века к железнному в лесной полосе Западной Сибири.

Установлено, что лесные племена в названный период воздействовали на южнотажные и лесостепные, что нашло отражение наряду с другими признаками культурогенеза в орнаментации керамики [Троицкая Т. Н., 1985, с. 61].

Далее, в V—III вв. до н. э., основным орнаментом был «жемчужник». Им украшено до 30% сосудов. Из 43 мотивов, характерных для V—III вв. до н. э., в 18 из них присутствует жемчужник в различных сочетаниях: с оттисками гребенки, резными линиями (местная традиция), с ямками, гребенчатой сеткой и т. д. [Плетнева Л. М., 1977, табл. 16].

Своеобразие кижировской культуры проявилось именно в орнаментации керамики: в кижировской культуре 90% керамики имеют орнамент (против 10% в тагарской культуре). Орнамент этой культуры: это сочетание жемчужника с различными оттисками гребенки и резных линий с ямками и лунками, самостоятельное применение (без «жемчужника») гребенчатого штампа резных линий и лунок. Для V—III вв. до н. э. хронологическим признаком является преобладание «жемчужника» и постепенный переход к ямочно-жемчужной орнаментации.

В конце III в. до н. э. в Томское Приобье проникает население более северной культуры — кулайской [Плетнева Л. М., 1970, 1973, 1977]. Кулайская культура, имеющая другой хозяйственно-культурный тип, имела и отличную от кижирской орнаментацию. Широкое распространение получил элемент «уточка». В рамках кулайской культуры в орнаментации керамики также прослеживается хронологический признак — постепенное преобладание ямочно-жемчужного орнамента, в конце только ямочного наряду с «уточкой» и другими элементами. Л. А. Чиндиной для кулайской культуры выделено 47 элементов и 13 мотивов в орнаментации керамики [Чиндина Л. А., 1984, с. 80, табл. 5, 6]. В Томском Приобье из них встречаются не все, и в целом характеристика орнаментации керамики несколько иная, чем в Нарыском Приобье [Плетнева Л. М., 1973, 1978].

Для кулайского времени керамика в Томском Приобье разделена нами на 2 типа: тип А — не имеющий в своей орнаментации фигурных штампов и тип Б — с фигурно-штамповой орнаментацией. Важно отметить, что для керамики обоих типов характерны такие орнаменты, как жемчужник, ямочно-жемчужный и ямочный. Эти орнаменты являются хронологическими показателями: характеризуют постепенный переход от жемчужника к ямочному орнаменту в пределах раннего железного века. Эти три орнамента делят керамику обоих типов на 3 группы. Подробный анализ дан в работе «Керамика Томского Приобья эпохи раннего железа» [Плетнева Л. М., 1973]. В данной ситуации отметим следующее: в период III—IV вв. н. э. происходит, видимо, слияние местного и пришлого кулайского населения. Проявляются новые орнаменты, которые становятся ведущими и являются хронологическим признаком для указанного времени. Это: двойной треугольный штамп с разным направлением вершин, оттиски мелкозубой гребенки и группа орнаментов, названная Л. А. Чиндиной «шеvronы» (1984, табл. 5). «Уточка» в это время встречается редко. Наряду с указанными орнаментами часто встречаются оттиски палочек, лунок, оттиски косопоставленной гребенки, несколько рядов ямок, оттиски лопаточки и некоторые другие. Как сосуды кижировской культуры, так и кулайской украшены в верхней части или орнамент занимает до половины тулова сосуда. Полностью орнаментированные сосуды встречаются редко.

Раннее средневековье. В Томском Приобье кулайское население слилось с местным. Основное направление культурных связей — южное. Рассмотрим это на орнаментации керамики. К началу раннего средневековья орнамент «уточка» и связанные с ним мотивы исчезают в Томском Приобье и продолжают бытовать в Нарымском Приобье [Плетнева Л. М., 1977, Чиндина Л. А., 1977, 1984]. В Нарымском Приобье выделен II тип керамики с фигурно-штамповой орнаментацией, который наглядно доказывает проживание того же населения, которое было носителем кулайской культуры. В Томском Приобье для V—VIII вв. н. э. по орнаментации керамики выделено три типа.

I тип — керамика с фигурно-штамповой орнаментацией. Она составляет всего 4%. Основными элементами являются ямки, оттиски гребенки, палочки, различные штампы, в том числе и «уточка». Верх венчика подчеркнут рядом ямок — отличительная черта керамики данного времени. Основной мотив — горизонтальная полоса.

II тип — гребенчатая, в основном орнаментация, фигурные штампы отсутствуют. Этот тип составляет 83,5%. Он характеризует керамику V—VIII вв. Используются почти все признаки из общего списка [Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983, табл. 2]. Наиболее часто употребляется мотив гребенчатая елочка, горизонтальные полосы из косопоставленной гребенки, гребенчатый зигзаг, оттиски уголок палочки, арочный. Оттиски используются в качестве разделительного пояса между орнаментом на венчике и тулове. Очень редко применяется жемчужник. I и II типы керамики принадлежат местному населению Томского Приобья V—VIII вв. н. э.

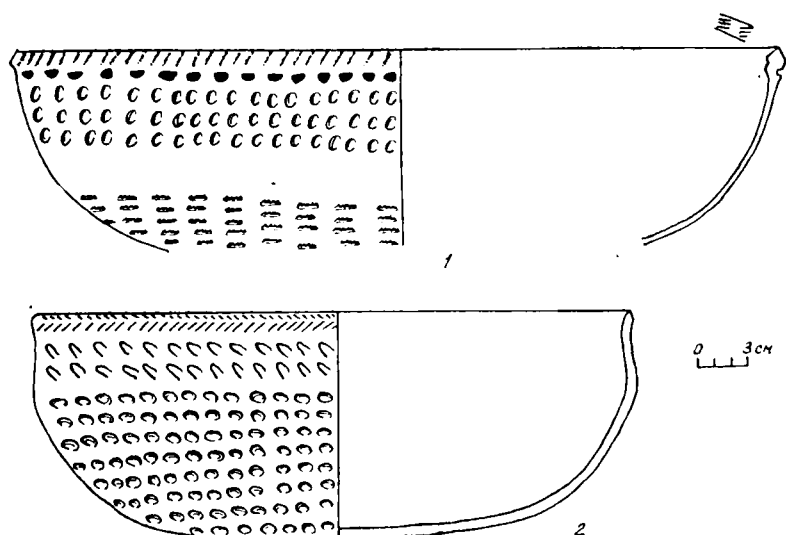

Рис. 58. Городище Шеломок. Керамика

III тип керамики характеризует пришлое население. Для орнаментации этого типа керамики свойствен элемент «валики». Кроме того, употреблялись элементы: ямки, оттиски гребенки, палочки, насечки. Характерные мотивы — расположение валиков горизонтально, вертикально и наклонно.

Орнаментация керамики IX—X вв. менее разнообразна (к тому же материала этого времени немного). Преобладающими признаками являются наклонные оттиски гребенки, ямки.

Эпоха развитого средневековья. Это предмонгольский и монгольский периоды. Время бурных политических событий, переме-

щения значительных масс кочевников, монгольские завоевания, перемещение населения с завоеванных территорий [Степи 1981, с. 190].

В Томском Приобье в среду местного населения проникают группы тюркского населения. Основная их масса приходится, видимо, на XII—XIII вв. Как эти процессы отразились на керамике? Для XI—XII вв. характерно появление сосудов, отличающихся от местной керамики предшествующего времени.

Такие детали, как резко отогнутый венчик, своеобразная профилировка тулова, являются в хронологическом, и культурным признаком данного периода. Орнамент прост и украшает только срез венчика, шейку или плечики сосуда. Срез венчика украшен наклонными оттисками гребенки, широкими вдавлениями, лунками, широкими оттисками лопаточки, насечками. Под венчиком — на шейке или плечиках тулова — оттиски вертикально или косо поставленной гребенки, лунки [Басандайка, 1947, табл. 27, 28]. Такая керамика встречается в небольшом количестве на городищах Кижирова, Басандайка, Шеломок. Нахождение такой керамики на городищах и в могильниках указывает на проникновение тюркских групп населения. Но каков был характер их взаимодействия с местным населением? Единственным памятником, отражающим взаимодействие населения разных этнических групп, является Астраханцевская курганный группа, где есть захоронения населения с керамикой местного облика и тюркские захоронения, но, к сожалению, без керамических сосудов.

Местная керамика этого времени характеризуется преобладанием гребенчатой орнаментации. Период XIV—XV вв. изучен слабо. Раскопки на городище Нагорный Иштан показали, что керамика по орнаментации сходна с керамикой барабинских татар [Плетнева Л. М., 1984, 1985].

Таким образом, из изложенного вытекает, что орнаментация керамики наряду с другими признаками отражает процессы культурогенеза в Томском Приобье на протяжении всей эпохи железа.

Если рассматривать орнаментацию с точки зрения сохранения культурных традиций, то здесь можно отметить следующее. Для орнаментации керамики Томского Приобья эпохи железа был составлен общий список признаков (их 152), и вся керамика обработана с помощью алгоритмов А и Б по методике И. С. Каменецкого, Б. И. Маршака и Я. А. Шера [Виноградова С. В., 1980]. Характеристики орнаментации, в том числе ведущие и основные признаки орнаментации, выделенные нами визуальным по отдельным периодам [Плетнева Л. М., 1970, 1977, 1983; Беликова О. Б., Плетнева Л. М., 1983], совпали с характеристиками, полученными С. В. Виноградовой.

В результате сравнения основных групп орнаментов по всем периодам были выделены орнаменты, которые остались в орнаментации керамики позднего средневековья, начиная с эпохи раннего железа. Некоторые из этих признаков просуществовали непрерывно, начиная с V в. до н. э. Это такие признаки, как ямка, треугольник, орнаментация среза венчика. В последующее время добавляются оттиски мелкозубой гребенки, несколько рядов ямок, горизонтальные оттиски гребенки, в начале н. э. (III—IV вв.) — оттиск треугольника вершиной вниз, вертикальные оттиски мелкозубой гребенки и т. д. Всего С. В. Виноградовой выделено 17 признаков, существовавших непрерывно. Ею также отмечено, что наибольшее количество признаков дают периоды V—III вв. до н. э. и III—IV вв. н. э. Выделены те признаки, которые перестали встречаться на керамике Томского Приобья в связи с приходом кулайцев.

49 признаков встречаются на керамике позднего средневековья с периода V—VIII вв. н. э., 17 из них идут с эпохи раннего железа. Особенно следует отметить то обстоятельство, что некоторые признаки

были на некоторое время «забыты», а затем вновь используются, начиная с V—VIII вв. н. э. Утеря признаков орнамента приходится на кулайское время и особенно на период III—IV вв. н. э., когда из орнамента почти полностью исчезли гребенчатые мотивы. Постоянное присутствие значительного количества признаков на керамике V—VIII вв. и XVI—XVII вв. свидетельствует о том, что основная часть населения проживала в Томском Приобье стабильно, несмотря на тюркизацию. Видимо, тюркизация меньше отразилась на этой стороне культуры.

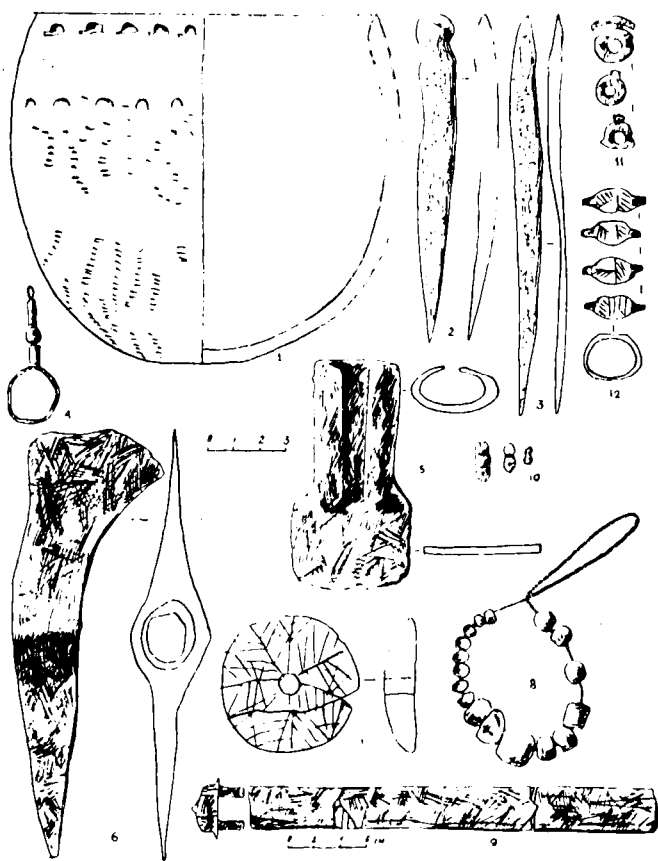

Рис. 59. Курганный могильник у д. Чернильщиково. Предметы из курганов

Не останавливаясь подробно на истории изучения этногенеза и этнической истории томских татар, отметим, что археологические материалы позднего средневековья и выявленная непрерывность традиций в культуре местного населения в эпоху всего средневековья свидетельствуют о смешении местной культуры (в основе самодийской) с культурой длительное время влиявшего тюркского этноса, о длительности этого процесса и о преобладании в материальной культуре древней местной основы.

Объем работы и состояние источников не позволил остановиться на таких вопросах, как духовная культура, на поисках истоков некоторых элементов культуры, на вопросах социальной истории. Интересными и неосвоенными остались такие явления, как взаимоотношения томских татар с окружающим местным населением, только вскользь рассмотрено влияние русской культуры. Ко всем этим и ряду других вопросов автор надеется вернуться в будущем.

ЛИТЕРАТУРА

- Энгельс Ф. 1961. Происхождение семьи, частной собственности и государства// Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. М.: Политиздат. С. 23—178.
- Агрикола Г. 1962. О горном деле и металлургии: В 12 книгах. М.: Изд-во АН СССР. С. 341—409.
- Алексеев Е. А. 1967. Кеты. Историко-этнографические очерки. Л.: Наука. 226 с.
- Байбурин А. К. 1983. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука. 191 с.
- Бардин П. П. 1946. Перспективы развития древнеугольной металлургии на Урале. М.: Огиз. 44 с.
- Бардин П. Е. 1976. Влияние русской культуры на одежду и утварь хантов Томской области//Языки и топонимия. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 161—163.
- Байков А. А. 1948. Физико-химические основы способов прямого получения железа из руд//Соб. трудов. Т. 2. М.: Л. Изд-во АН СССР. С. 356—380.
- Байков А. А. 1948. Прямое получение железа из руд//Собр. трудов. Т. 2. М.: Л. Изд-во АН СССР. С. 339—355.
- Басандайка. 1947. Труды ТГУ (т. 98) и ТГПИ. Томск. 220 с.
- Белковец Л. П. 1980. Сведения И. Г. Гмелина о народах Сибири//Вопросы этнокультурной истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 34—60.
- Беликова О. Б., Плетнева Л. М. 1983. Памятники Томского Приобья V—VIII вв. н. э. Томск: Изд-во Том. ун-та. 244 с.
- Боброва А. И. 1980. О формах и типах погребений Тискинского курганного могильника//Вопросы этнокультурной истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 22—27.
- Боброва А. И. 1982. О хронологии художественных бронз Тискинского могильника//Археология и этнография Приобья. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 36—46.
- Боброва А. И. 1984. Погребения XVIII—XIX вв. н. э. Тискинского курганного могильника//Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 146—167.
- Бояршинова З. Я. 1950. Население Томского уезда в первой половине XVII в. //Труды ТГУ. Т. 112. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 23—210.
- Бояршинова З. Я. 1960. Население Западной Сибири до начала русской колонизации. Томск: Изд-во Том. ун-та. 151 с.
- Валеев Ф. Т. 1980. Западно-сибирские татары во второй половине XIX— начале XX вв. Историко-этнографические очерки. Казань: Татарское книжное издательство. 232 с.
- Гаврилова А. А. 1965. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л.: Наука. 143 с.
- Георги И. 1799. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб. Ч. 2. 178 с.
- Грачева Г. Н. 1983. Традиционное мировоззрение охотников Таймыра. (На материалах иганасан XIX—нач. XX вв.). Наука: Л. 172 с.
- Гребнева Г. И. 1977. Исследование в бассейне Кети//АО 1976 г. М.: Наука. С. 197—198.
- Гребнева Г. И. 1981. Работы в бассейне Кети//АО 1980 г. М.: Наука. С. 175.
- Грязнов М. П. 1956. История древних племен Верхней Оби//МИА. Изд-во АН СССР. М.; Л. № 48. 230 с.

Грязнов М. П. 1976. Дневник раскопок Тоянова Городка, произведенных в 1924 году//Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. Вып. 19. С. 73—89.

Гофман И. П. 1948. Физико-технические основы металлургии. М.: Металлургиздат. 279 с.

Дремов В. А. 1969. Краниологические данные о происхождении томских татар//Материалы конференции «Этногенез народов Северной Азии». Новосибирск: Изд-во Наука. С. 146—148.

Дремов В. А. 1979. О тюркизации коренного населения Притомья (антропологические материалы Басандайского могильника)//Этногенез и этническая история тюркоязычных народов Сибири и сопредельных территорий. Тезисы докладов областной конференции. Омск. С. 18—20.

Долгих Б. О. Происхождение нганасанов//Сибирский этнографический сборник М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. 18. (Труды Ин-та этнографии). С. 5—87.

Дульзон А. П. 1950. Древние смены народов на территории Томской области по данным топонимии//Учен. зап. ТГПИ. Томск. ТГУ. Т. 6. С. 175—187.

Дульзон А. П. 1952. Чулымские татары и их язык//Уч. зап. ТГПИ. Томск. Т. 9. С. 76—211.

Дульзон А. П. 1953. Поздние археологические памятники Чулыма и проблема происхождения чулымских татар//Уч. зап. ТГПИ. Томск. Т. 10. С. 127—334.

Дульзон А. П. 1955. Остяцкие могильники XVI—XVII вв. у с. Молчаново на Оби//Учен. зап. ТГПИ. Томск. Т. 13. С. 97—154.

Дульзон А. П. 1956. Археологические памятники Томской области//Труды Томского областного краеведческого музея Т. 5. Томск. С. 89—316.

Дульзон А. П. 1957. Остяцкий курганный могильник XVII в. у с. Молчаново на Оби//Уч. зап. ТГПИ. Томск: Изд-во ТГУ. Т. 6. С. 443—488.

Емельянов Н. Ф. 1980. Население Среднего Приобья в феодальную эпоху (состав, занятия и повинности). Томск: Изд-во Том. ун-та. 251 с.

Ефимова А. М. 1956. Черная металлургия города Болгара. МИА. М.: Изд-во АН СССР. № 61. С. 292—315.

Записки русского археологического общества 1899. Н. с. Т. 2. Вып. 12. С. 316—323.

Зиняков Н. М. 1982. Кузнечные изделия Тимирязевского курганного могильника I //Археология и этнография Приобья. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 22—35.

Зах В. А., Соболев В. И., Троицкая Т. Н. 1976. Работы на берегах Новосибирского водохранилища и р. Ини//АО 1975 г. М.: Наука. С. 242.

Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII в. Археологические находки на острове Фаддея и на берегу залива Симса 1951. Л.; М.: Изд-во Главсевморпути. 252 с.

История Сибири. 1968: Л.: Наука. Т. 2. 538 с.

Кирпичников А. Н. 1973. Снаряжение всадника и верховного коня на Руси IX—XIII вв.//САИ. Л.: Наука. Вып. Е1-36. 140 с.

Коваленко Л. Н. 1977. Химико-минералогическое исследование металлургических шлаков поселения Шеломок I//250 лет горного производства на Алтае. Барнаул. С. 19—20.

Колчин Б. А. 1953. Черная металлургия и металлообработка в древней Руси (домонгольский период). М.: Изд-во АН СССР. 260 с.

Колчин Б. А. 1975. Проблемы изучения технологий древнейших производств//Очерки технологий древнейших производств. М.: Наука. С. 5—13.

Колчин Б. А., Круг О. Ф. Физическое моделирование структурного процесса производства железа//Археология и естественные науки. М.: Наука. С. 195—215.

Комарова М. Н. 1952. Томский могильник памятник истории древних племен лесной полосы Верхней Оби//МИА. М.: Изд-во АН СССР № 24. С. 7—50.

Конигов Б. А. 1984. Усть-Ишимские курганы и некоторые вопросы раннесредневековой истории таежного Прииртышья//Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 88—98.

Коробкин В. А. 1948. Углежжение. Свердловск: Металлургиздат. 340 с.

Кренке Н. А. 1984. Коллекция В. В. Радлова из раскопок XVII в. в Сибири//Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 137—145.

Кузнецов С. К. 1890. Отчет об археологических розысканиях в окрестностях г. Томска, произведенных летом 1889 г.//Известия Томского университета. Томск. Кн. II. С. 130—139.

Кулемзин В. М., Лукина Н. В. 1977. Васюганско-ваховские ханты в конце XIX—начале XX в. Этнографические очерки. Томск: Изд-во Том. ун-та. 225 с.

Кулемзин В. М. 1984. Человек и природа в верованиях хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та. Томск. 191 с.

Кызласов И. Л. 1983. Аскизная культура Южной Сибири. X—XIV вв.//САИ. Е3-18. М.: Наука. 128 с.

Кызласов Л. Р. 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М.: Изд-во Моск. ун-та. 197 с.

Кызласов Л. Р. 1975. Курганы средневековых хакасов (Аскизская культура)//Первобытная археология Сибири. Л.: Наука. С. 193—211.

Кызласов Л. Р. 1975 а. Роль археологических источников для истории малых народов Сибири//История СССР, № 6 С. 164—168.

Левашова В. П. 1928. Вознесенское городище Барабинского округа, Спасского района, на левом берегу Оми//Изв. Зап.-Сиб. музея, Омск. № 1. С. 87—97.

Левашова В. П. 1950. О городищах Сибирского юрта//СА. М.; Л.: Изд-во АН СССР, № 13. С. 341—350.

Лукина Н. В., Кулемзин В. М., Титаренко Е. М. 1975. Ханты р. Аган (По материалам экспедиции 1972 г.)//Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. Вып. 16. С. 130—177.

Лукина Н. В. 1985. Формирование материальной культуры хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та. 362 с.

Малолетко А. М., Номоконова Г. Г. 1977. Применение магниторазведки при археологических исследованиях (городище Шеломок)//250 лет горного производства на Алтае. Барнаул. С. 16—18.

Малолетко А. М., Плетнева Л. М. 1977. Железоделательное производство в позднем средневековье (по материалам городища Шеломок)//250 лет горного производства на Алтае (тезисы докладов конференции). Барнаул. С. 13—15.

Малолетко А. М., Мананков А. В., Паскаль Ю. М., Плетнева Л. М., 1983. Железоделательное производство в низовьях Томи в позднем средневековье// Древние горняки и металлургия Сибири. Барнаул. С. 115—138.

Мартьянова Г. С., Коротаева А. М., Абсаямов М. Б., 1978. Работы Томского отряда Южносибирской экспедиции//АО 1977. М.: Наука. С. 249—250.

Массон В. М. 1976. Экономика и социальный строй древних обществ. Л.: Наука. 191 с.

Матюшенко В. И. 1973. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век)//Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. Ч. I. Вып. 9. 147 с.

Матюшенко В. И., Коркина И. А. 1978. Исследования Берегаевского могильника на Чулыме в 1975 г.//Этнокультурные явления в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 30—50.

Матюшенко В. И., Старцева Л. М. 1970. Еловский курганный могильник I эпохи железа//Вопросы истории Сибири. Вып. 5. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 152—174.

Медведев А. Ф. 1959. К истории пластинчатого доспеха на Руси//СА, № 2. С. 119—134.

Медведев В. Е. 1977. Культура сибирских чжурженей. Конец X—XI вв. Новосибирск: Изд-во Наука. 224 с.

Миллер Г. Ф. 1937. История Сибири. М.; Л.: Изд-во АН СССР. Т. I. 607 с.

Могильников В. А. 1981. О культурах лесной полосы Западной Сибири второй половины I тыс. н. э.//Методологические аспекты археологических и этнографических исследований в Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 82—86.

Молодин В. И. 1979. Кыштовский могильник. Новосибирск: Наука. 181 с.

Молодин В. И., Соболев В. И. 1979. О погребениях нач. II тыс. н. э. в Новосибирском Приобье (по материалам памятника Усть-Алесь)//Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. Новосибирск: Наука. С. 146—157.

Морозов В. М., Пифонтов А. А., Пархимович С. Г. 1976. Исследования на Среднем Тром-Агане//АО 1975. М.: Наука. С. 227—228.

Оборин В. А. 1973. Могильник Телячий Брод VII—XII вв.//Вопросы археологии Урала. Свердловск. Вып. 12. С. 122—132.

Оборин В. А. 1976. Древнее искусство народов Прикамья. Пермский звериный стиль. Пермь: Пермское книжное изд-во. 190 с.

Окладников А. П. 1951. Археологические находки на острове Фаддея на берегу залива Симса//Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. М.; Л.: Изд-во Главсевморпути. С. 7—40.

Паллас П. С. 1786. Путешествие по разным провинциям Российского государства. СПб. Ч. 2. Кн. 2. 571 с.

Пелих Г. И. 1972. Происхождение селкупов. Томск: Изд-во Том. ун-та. 421 с.

Плетнева Л. М. 1970. Памятники кулайского типа в Томском Приобье//Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 164—171.

Плетнева Л. М. 1971. Исследования в Томской области//АО 1970 года. М.: Наука. С. 211—212.

Плетнева Л. М. 1973. Керамика Томского Приобья эпохи раннего железа//Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. Вып. 7. С. 129—151.

Плетнева Л. М. 1975. Некоторые вопросы культуры и культурных связей населения Томского Приобья в конце I тыс. до н. э.— начале н. э.//Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. Вып. 16. С. 49—60.

Плетнева Л. М. 1976. Тоянов Городок (по раскопкам М. П. Грязнова в 1924 году)//Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. Вып. 19. С. 65—72.

Плетнева Л. М. 1976а. Поселения и городище у д. Могильники//Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. Вып. 21. С. 214—219.

- Плетнева Л. М. 1976б. Работы Томского отряда Среднеобской экспедиции//АО 1975 г. М.: Наука. С. 273.
- Плетнева Л. М. 1977. Томское Приобье в конце VIII—III вв. до н. э. Томск: Изд-во Том. ун-та. 141 с.
- Плетнева Л. М. 1977а. Работы Томского отряда Среднеобской экспедиции//АО 1976 г. М. С. 232—233.
- Плетнева Л. М. 1977б. Железодельное производство в позднем средневековье. (По материалам городища Шеломок)//250 лет горного производства на Алтае. (Тезисы докладов к конференции). Барнаул. С. 13—15.
- Плетнева Л. М. 1978. Томское Приобье в кулайское время//Ранний железный век Западной Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 51—58.
- Плетнева Л. М. 1978а. Работы Томского отряда Среднеобской экспедиции//АО 1977 г. М.: Наука. С. 269.
- Плетнева Л. М. 1984. Погребения IX—X вв. в Томском Приобье//Западная Сибирь в эпоху средневековья. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 64—87.
- Плетнева Л. М. 1985. О традиционности погребального обряда эпохи железа в Томском Приобье//Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим данным. Томск: Изд-во Том. ун-та. С. 108—111.
- Попов А. А. 1961. Жилище//Историко-этнографический атлас Сибири. М. Л.: Изд-во АН СССР. С. 131—226.
- Пугачев А. Р. 1949. Федор Еремеев — первооткрыватель железных руд в Сибири//Вопросы географии. Томск: Изд-во Том. ун-та. Вып. 1. С. 105—121.
- Раппорт П. А. 1975. Древнерусское жилище//САИ Е1—32. Л.: Наука. 179 с.
- Руденко С. И. 1914. Предметы из остяцкого могильника возле Обдорска//Материалы по этнографии России. Т. 2. СПб.: Издание этнографического отдела Русского музея. С. 35—56.
- Савинов Д. Г. 1984. Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. Л. 175 с.
- Рыбаков Б. А. 1980. Предисловие//КСИА. М.: Наука. Вып. 163. С. 3—4.
- Рыбаков Б. А. 1978. Историзм археологии//КСИА. М.: Наука. Вып. 152. С. 5—7.
- Серошевский В. Л. 1896. Якуты. Опыт этнографического исследования. СПб. 720 с.
- Скобелев С. Г. 1986. Русские влияния на материальную культуру местного населения бассейна Среднего Енисея и прилегающих территорий в XVII веке//Авторыф... канд. ист. наук. Новосибирск. 17 с.
- Смирнов К. Ф. 1961. Вооружение савроматов. М.: Наука. 379 с.
- Смольников Н. И., Ванев В. М., Карнович И. Д. 1941. Ускоренное углерожение в лучах с трубой. Свердловск. 13 с.
- Соболев В. И. 1978. Вознесенское городище — памятник середины II тыс. н. э.//Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск: Наука. С. 179—190.
- Соколова З. П. 1957. К истории жилища обских угров//СЭ. № 2. С. 88—105.
- Соколова З. П. 1957а. Обско-угорское жилище и его история//Авторыф. дис. канд. ист. наук. М. 16 с.
- Соколова З. П. 1960. Современные селения и жилища ваховских хантов//ТИЭ. Н. с. М.: АН СССР. Т. 56. С. 178—198.
- Соколова З. П. 1963. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров//ТИЭ. Н. с. М.: Наука. Т. 84. С. 182—233.
- Спаский И. Г. 1970. Русская монетная система. Л.: Изд-во Аврора. 256 с.
- Степи Евразии в эпоху средневековья. 1981. М.: Наука. 303 с.
- Стрелова Е. Д. 1928. К вопросу об эксплуатации залежей железных руд по рр. Ботоме и Лютетне (по архивным данным)//Хозяйство Якутии. № 1. С. 48—63.
- Сунчугашев Я. И. 1979. Древняя металлургия Хакасии. Эпоха железа. Новосибирск: Наука. 192 с.
- Таксами Ч. М. 1961. Селения, жилые и хозяйственные постройки нивхов Амура и западного побережья о. Сахалина//ТИЭ. Н. с. М.-Л.: Изд-во АН СССР. Т. 64. С. 98—166.
- Типы сельского жилища в странах зарубежной Европы. 1968. М.: Наука. 376 с.
- Томилова Н. А. 1980. Этнография тюркоязычного населения Томского Приобья. Томск: Изд-во Том. ун-та. 220 с.
- Томилов Н. А. 1981. Тюркоязычное население Западно-Сибирской равнины в конце XVI—первой четверти XIX вв. Томск: Изд-во Том. ун-та. 275 с.
- Томилов Н. А. 1983. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья. Томск: Изд-во Том. ун-та. 216 с.
- Троицкая Т. Н. 1985. Завьяловская культура и ее место среди лесостепных культур Западной Сибири//Западная Сибирь в древности и средневековье. Тюмень: Изд-во Тюм. ин-та. С. 54—69.
- Флоринский В. М. 1889. Курган Томской губернии//Известия университета. Томск. Кн. 1. С. 58—86.
- Флоринский В. Н. 1890. Двенадцать три черепа Томского археологического музея//Изв. Том. ун-та. Томск. Кн. 2. С. 16—46.
- Худяков Ю. С. 1980. Вооружение енисейских кыргызов VI—XIII вв. Новосибирск: Наука. 175 с.

Чиндина Л. А. 1975. О погребальном обряде поздних могильников Нарымского Приобья//Из истории Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та. Вып. 16. С. 61—93.

Чиндина Л. А. 1977. Могильник Релка на Средней Оби. Томск: Изд-во Том. ун-та. 191 с.

Чиндина Л. А. 1984. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. Томск: Изд-во Том. ун-та. 225 с.

Чугунов С. 1893. Курган близ деревни «Казанские юрты» на берегу р. Томи//Материалы для антропологии Сибири. Томск: IV С. 37—43.

Чугунов С. 1901. Древнее кладбище подле деревни Чернильшиково на правом берегу р. Томи, Томского уезда//Изв. Том. ун-та. Томск. Кн. 18. С. 4—6.

Чугунов С. 1901. Древнее кладбище близ города Томска «Троянов Городок»//Изв. Том. ун-та. Томск. Кн. 19. С. 1—3.

Sirelius U. T. *Über die primitiven Wohnungen der finnischen und ob-ugrischen Völker/Finnisohugrische Forschungen.* Helsingfors. 1906, VI. S. 24—50; 1907, VII. S. 55—128; 1908, VIII. S. 8—59; 1909, IX. S. 17—113; Fig. 148—217.

Виноградова С. В. 1980. Орнаменты Томского Приобья V в. до н. э.—XVII в. н. э., обработанные математическими алгоритмами И. С. Каменецкого, Б. И. Маршака, Я. А. Шера (рукопись). Архив МАЭС. № 821.

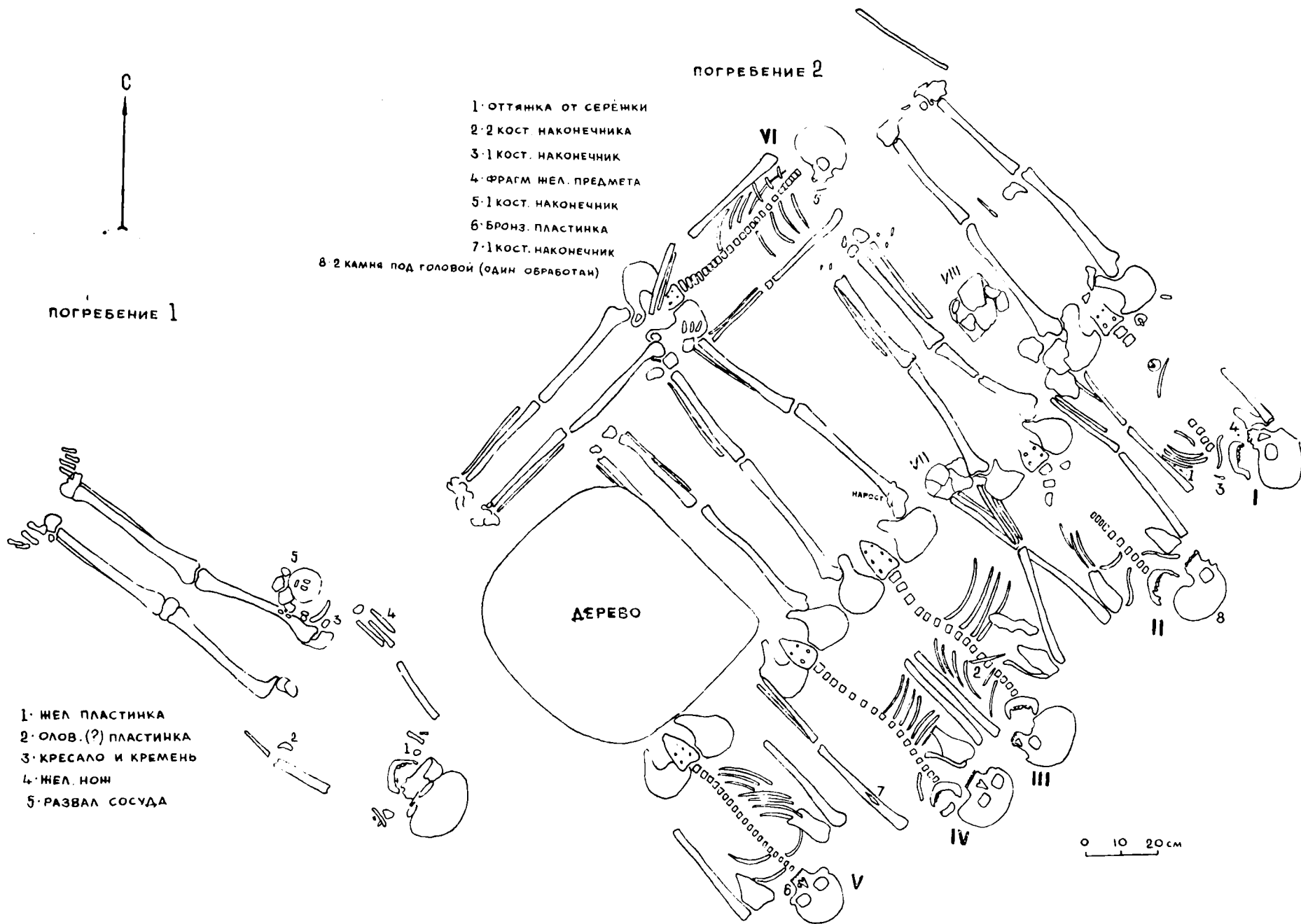

Рис. 35. Козулницкий курганный могильник. Курган 10. Погребения.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
АС — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
ИА — Институт археологии АН СССР
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛАИ КемГУ — Лаборатория археологических исследований Кемеровского государственного университета
МАЭ — Музей антропологии и этнографии АН СССР
МАЭС — Музей археологии и этнографии Сибири Томского университета
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НГПИ — Новосибирский государственный педагогический институт
НТ — Научные труды
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
СМАЭ — Сборник МАЭ
СЭ — Советская этнография
ТГМЗ — Тобольский государственный музей-заповедник
ТГПИ — Томский государственный педагогический институт
ТГУ — Томский государственный университет
ТИЭ, н. с. — Труды Института этнографии АН СССР, новая серия
ТОКМ — Томский областной краеведческий музей
ТТКМ — Труды Томского краевого музея

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава первая. Городища и поселения. Постройки.	6
§ 1. Характеристика памятников	6
§ 2. Описание объектов на поселениях и городищах	10
§ 3. Характеристика жилищ и объектов производственного назначения	29
§ 4. Сопоставление построек по археологическим и этнографическим материалам	35
Глава вторая. Погребальный обряд.	38
§ 1. Источники	38
§ 2. Погребальный обряд	75
Глава третья. Инвентарь и керамика	86
§ 1. Инвентарь	86
§ 2. Керамика.	98
Глава четвертая. Хозяйство.	102
§ 1. Железодетальное производство	102
§ 2. Хозяйственные занятия и домашние ремесла	109
§ 3. Русское влияние на культуру местного населения	112
Заключение	116
Литература	126
Список рисунков	131
Список сокращений	133

Людмила Михайловна Плетнева

ТОМСКОЕ ПРИОБЬЕ В ПОЗДНЕМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ
(по археологическим источникам)

Редактор М. И. Сваровская
Художественный редактор Р. М. Вазиев
Технический редактор Л. Е. Дятлова
Корректор Г. В. Астапенко
ИБ 2079

Сдано в набор 12.01.89 г. Подписано в печать 05.09.90 г. Формат 70×108¹/₁₆. Бумага
типографская № 2. Гарнитура Литературная. Печать высокая. Печ. л. 8,375+вкл. 0,057.
Усл. печ. л. 11,725. Уч.-изд. л. 12,27. Тирж 500 экз. Заказ 25. Цена 1 р. 80 к.

Издательство ТГУ, 634029, г. Томск, ул. Никитина, 4
Типография «Красноярский рабочий», 660607, г. Красноярск, пр. Мира, 91

1.80 к.

Л. М. Плетнева

ТОМСКОЕ ПРИОБЬЕ
В ПОЗДНЕМ
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ТОМСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА